

КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ 2022

ТОМ 7 NО 2

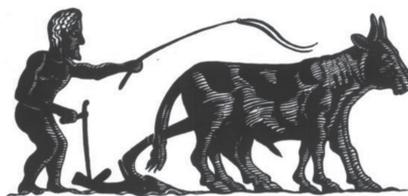
Издается с 2016 года

Выходит 4 раза в год

ISSN 2500-1809

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
Центр аграрных исследований

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-65824
от 27.05.2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Дж. Пэллот, председатель, Оксфордский университет (Великобритания)
А.М. Никулин, главный редактор, РАНХиГС
М.Г. Пугачева, ответственный секретарь, НИУ ВШЭ
И.В. Троцук, заместитель главного редактора, РУДН, РАНХиГС
И.А. Кузнецов, РАНХиГС
П. Линднер, Франкфуртский университет (Германия)
Т.Г. Нефедова, Институт географии РАН
Дж.С. Скотт, Йельский университет (США)
О.П. Фадеева, ИЭОПП СО РАН
Н.И. Шагайда, РАНХиГС
С. Шнайдер, Университет Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А.И. Алексеев, МГУ им. М.В. Ломоносова
В.В. Бабашкин, РАНХиГС
С.М. Боррас Дж., Институт социальных исследований (Нидерланды)
К. Бруиш, Дублинский университет (Ирландия)
С. Вегрен, Южно-Методистский университет (США)
В.Г. Виноградский, РАНХиГС
О. Виссер, Институт социальных исследований (Нидерланды)
А.В. Гордон, ИНИОН РАН
В.А. Ильиных, Институт истории СО РАН
Ким Чан Чжин, Университет Сангконгхоу, Сеул, Южная Корея
В.В. Кондрашин, Институт российской истории РАН
Э.Н. Крылатых, РАНХиГС
А.А. Куракин, НИУ ВШЭ, РАНХиГС
С. Ленц, Институт социальной географии (Германия)
В.А. Мау, РАНХиГС
Ш. Мерль, Билефельдский университет (Германия)
Р.М. Нуреев, НИУ ВШЭ
А.В. Петриков, Всероссийский институт аграрных проблем и информатики
им. А.А. Никонова
Е. Потехина, Варминьско-Мазурский университет (Польша)
А.Д. Радыгин, РАНХиГС
В.Я. Узун, РАНХиГС
Цзинцон Е, Пекинский аграрный университет (КНР)

АДРЕС РЕДАКЦИИ

119571, Москва, проспект Вернадского, 84, корпус 9, офис 2003
Телефон: +7-499-956-95-56
Web: <http://peasantstudies.ru>

УЧРЕДИТЕЛЬ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Редактор веб-сайта Е.С. Никулина; Корректор И.Е. Кроль;
дизайн: Издательский дом «Дело», РАНХиГС
В оформлении издания использованы гарнитура Old Standard, А. Крюков;
картина «Пан» М.А. Врубель. 1899. Государственная Третьяковская Галерея,
Москва

Содержание

Теория

Merl S. Was Chayanov's concept of peasant agriculture under the Soviet rule realistic? The emerging of the *kulturniki* in answer to the *Litsom k derevne* policy 6

История

Савинова Т. А. 1918 год в жизни А. В. Чаянова: кооперация, литературное творчество и анархизм 38

Тимкин Ю. Н. «Хождение крестьянина в компартию и обратно»: волостные крестьянские организации РКП(б) в 1918–1920 годах (по архивным материалам Вятской губернии) 47

Филев М. В. Как реформы Маленкова и Хрущева изменили жизнь колхоза «Большевик»: опыт микроисторического исследования 68

Современность

Shagaida N. I., Trotsuk I. V. Russia's food security under the crisis of 2020-2021: Objective and subjective dimensions 93

Фадеева О. П. Трансформация сельского самоуправления: сибирский фокус. 122

Интервью с исследователем

Лерман Ц., Никулин А. М. «Главное, что меня удивляет, — убежденность большинства ученых и политиков в особой значимости крупных хозяйств» 158

Рецензии

Бабашкин В. В. Постепенно: «steppe by steppe...» 174

In Memoriam

Никулин А. М. Памяти Тамары Евгеньевны Кузнецовой 185

Russian peasant studies

Vol. 7. 2022. No 2

Published since 2016, frequency—four issues per year

EDITORIAL BOARD

J. Pallot, Chairman, University of Oxford (UK)
A.M. Nikulin, Editor in Chief, Russian Presidential Academy of
National Economy and Public Administration (RANEPA)
M.G. Pugacheva, Executive Secretary, Intercenter, HSE
I.V. Trotsuk, Deputy Editor, Peoples' Friendship University of Russia, RANEPA
I.A. Kuznetsov, RANEPA
P. Lindner, University of Frankfurt (Germany)
T.G. Nefedova, Institute of Geography of Russian Academy of Sciences
J.C. Scott, Yale University (USA)
O.P. Fadeeva, Institute of Economics and Industrial Engineering of
Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
N.I. Shagaida, RANEPA
S. Schneider, University of Rio Grande do Sul (Brazil) I.A. Kuznetsov, RANEPA

ADVISORY BOARD

A.I. Alekseev, Moscow State University
V.V. Babashkin, RANEPA
S.M. Borrás Jr., Institute of Social Studies (Netherlands)
K. Bruisch, University of Dublin (Ireland)
S. Wegren, Southern Methodist University (USA)
V.G. Vinogradsky, RANEPA
O. Visser, Institute of Social Studies (Netherlands)
A.V. Gordon, Institute of Scientific Information on Social Sciences of Russian
Academy of Sciences
V.A. Il'inykh, Institute of History of Siberian Branch of Russian Academy
of Sciences
Kim Chan Jin, Sangkonghou University, Seoul, South Korea
V.V. Kondrashin, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences
E.N. Krylatykh, RANEPA
A.A. Kurakin, Higher School of Economics (HSE), RANEPA
S. Lentz, Institute of Social Geography (Germany)
V.A. Mau, RANEPA
S. Merl, University of Bielefeld (Germany)
R.M. Nureev, HSE
A.V. Petrikov, Alexander A. Nikonov Russian Institute for Agrarian Issues
and Information Science
E. Potekhina, University Warmia and Mazury (Poland)
A.D. Radygin, RANEPA
V.Ya. Uzun, RANEPA
Jingzhong Ye, Beijing Agricultural University (China)

CONTACT DETAILS

Mailing address: Office 2003, 84 Vernadskogo prosp., 119571, Moscow,
Russian Federation.

Phone: +7-499-956-95-56

Web: <http://peasantstudies.ru>

FOUNDER

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

TABLE OF CONTENTS

THEORY

- Merl S.* Was Chayanov's concept of peasant agriculture under the Soviet rule realistic? The emerging of the *kulturniki* in answer to the *Litsom k derevne* policy 6

HISTORY

- Savinova T. A.* 1918 in the life of A. V. Chayanov: Cooperation, writing and anarchism 38
- Timkin Yu. N.* "Peasant journey to the Communist Party and back": *Volost* peasant organizations of the RCP (Bolsheviks) in 1918–1920 (based on the archival materials of the Vyatka Province) 47
- Filev M. V.* How the reforms of Malenkov and Khrushchev changed the life of the collective farm Bolshevik: A microhistoric study 68

THE PRESENT TIME

- Shagaida N. I., Trotsuk I. V.* Russia's food security under the crisis of 2020–2021: Objective and subjective dimensions 93
- Fadeeva O. P.* Transformation of the rural self-government: A Siberian case 122

INTERVIEWS

- Lerman Z., Nikulin A. M.* "What surprises me the most is the conviction of so many scientists and politicians in the special importance of large farms" 158

REVIEWS

- Babashkin V. V.* Gradually: "steppe by steppe..." 174

IN MEMORIAM

- Nikulin A. M.* In memoriam of T. E. Kuznetsova 185

Was Chayanov's concept of peasant agriculture under the Soviet rule realistic?

The emerging of the kulturniki in answer to the *Litsom k derevne* policy

S. Merl

Stephan Merl, DSc (History), Professor, Bielefeld University, Universitätsstr., 25, 33615 Bielefeld, Germany. E-mail: stephan.merl@uni-bielefeld.de.

Abstract. *Litsom k derevne* ('turning to the village') was a short and unjustly neglected episode of the Soviet history. This program of development combined socialist construction and industrialization with the further growth of peasant agriculture. It was adopted by the Party's CC-Plenum in April 1925 (although only for a short time), and designed by such agricultural experts as Chelintsev, Kondratiev and Makarov, i.e., it was close to Chayanov's vision. Some peasants reacted positively to this program: following the call of the Party, a group of *kulturniki* started to improve and rationalize farming 'in a cultural way' — with the agricultural research knowledge. The article aims to question the feasibility of the *Litsom k derevne* program in regard to two decisive changes in 1925–1927: the nearly total stop of the state financial support for agriculture, and the Party's return to the 'class war' in the countryside — against the imagined *kulaks*. The argument on the political alternatives mentions Chayanov's and his colleagues' statements to Molotov in October 1927. The author describes the state's first attention to agriculture and its basic problems in the early 1920s; how and why the New Economic Policy led to a different program of agricultural development — *Litsom k derevne* — which strongly revised the Bolsheviks' previous positions. The author identifies reasons for the failure of this program, and how changes in the industrialization strategy affected the political action in the countryside. For the feasibility of the *Litsom k derevne* program, the peasants' active participation was decisive. The article considers the state measures for agricultural development, the desperate fight of the *kulturniki* against their discrimination, and the position of Chayanov and his school on this program and the chances of the 'working peasants'. In the conclusion, the author presents his findings: 1) The agricultural program *Litsom k derevne* did not have any alternatives after the political decision to support primarily industrialization; only the *kulturniki* as rather well-to-do peasants could increase agricultural production in such conditions due to their higher profitability and lower costs. Only political discrimination and the threat of expropriation could stop their efforts to dynamically develop their farms. Thus, there was no way to combine the Party's return to the 'class war' against the well-to-do peasants as '*kulaks*' with the *Litsom k derevne* program. The Party's internal fight for power had disastrous consequences not only for the *kulturniki* but also for the agricultural production and exports. 2) The author suggests to stop the fruitless debates on the 'class differentiation' of the peasantry and to focus on the real mid-1920s controversy: whether the growth of agricultural production and efficiency required agricultural expertise (by capable peasants and researchers) and the state financial support (for the needed institutions like cooperatives). Both points were the basic requests of Chayanov to Molotov in 1927. The Party leaders from Stalin to Brezhnev never understood that not only industry but also agriculture could be successful only with expertise and not just by command.

With the 100th anniversary of the New Economic Policy (NEP), the agricultural program *Litsom k derevne* also needs attention. There is hardly any special research on it in Russia. I looked in vain for any assessments in the recent Russian historiography (see, e.g.: Rossiiskie... 2021: 241-282). When studying the NEP and peasantry under Stalin, I examined the *Litsom k derevne* policy and its potential decades ago (see: Merl, 1981; 1985; 1990; 1993). In close connection with Viktor Danilov, Markus Wehner studied this policy (1998). His book based on the archives and, considers in detail the fight in the Party exploiting agricultural policy and the danger of the capitalist restoration without any real concern or interest in agriculture. He examines the positions of the People's Commissariat of Agriculture of the RSFSR (*Narkomzem*) of the agricultural experts involved in policy formulation and the position of the 'industrialization lobby', which allows to assess to what extent Chayanov and his school were engaged in designing the *Litsom k derevne* program and how they estimated the feasibility of this policy under the Party's political pressure and changes in the industrialization strategy.

The article is based primarily on the results of my research and reflections. In order to show who was standing behind the *Litsom k derevne* program and changes in the approach to agriculture between 1925 and 1927, I will use the information provided by Wehner. A shortcoming of his argument is that he supports too strongly the contemporary negative assessment of the agricultural experts against the 'industrialization lobby'.

The situation in agriculture in the early 1920s: Problems and perspectives

After the Revolution, the Bolsheviks had no feasible concept for agriculture. They tolerated the peasants' land redistribution — the demand in the electoral mandate of the Social Revolutionaries. Their own concept of socialist agriculture favored large-scale mechanized enterprises and required huge state investments to reconstruct agriculture on a new technological basis. As there were no such means in the foreseeable future, coexistence with small peasant farms for some time was inevitable. However, to support the mechanized agriculture, in the early 1920s, some agricultural concessions were given to German enterprises like Krupp to construct mechanized farms, which worked until 1933 (Schmieder, 2017).

Thus, the Bolsheviks had to provide a concept of how to work with the small-scale peasant farms after the estates disappeared. By *prodrazvestka* (procurement dictatorship), they aimed only at pro-

viding agricultural products to the cities and the Army — armed brigades expropriated agricultural ‘surpluses’ from the peasants. Under the ‘war communism’, markets were illegal, but the state ensured even to workers such poor rations, that black markets flourished to supply additional food for survival. After the end of the Civil War and the victory of the ‘Reds’, the peasantry no longer tolerated this approach, which led to rebellions and uprisings. Thus, there was an urgent need to integrate the peasants into the new Bolshevik state.

With the NEP and introduction of the tax in kind, in 1921, incentives to develop agricultural production returned. After delivering the tax, the peasants were allowed to freely market their surpluses. Although the NEP legalized markets, it did not provide the needed program for promoting agricultural production on the basis of peasant farms. Such a concept was presented only in 1925 in connection with the *Litsom k derevne* program.

After nearly a decade of the World and Civil War and the 1921–1922 famine, the Russian peasant farms were economically much weaker than before the Revolution. Hardly any implements were produced during the long war-time. Most rural households had land, but less than a half had the animal power and necessary implements to cultivate their land, especially in most grain-producing areas. Many peasants here depended on the lease of implements and working cattle from their neighbors. Redistribution of land and the division of larger households significantly leveled the land holdings and reduced the number of larger ones, which had a negative impact on agricultural production and its efficiency (Merl, 1981).

The development of peasant agriculture in the 1920s could have relied on the changes of Czarist agrarian policy, among them the Stolypin reform of 1906. This provided important preconditions. The abolishment of serfdom in Russia was not — as in most European countries — connected with a reform of agricultural production. Only Stolypin provided such a program — a milestone for the agricultural modernization in Russia. Many criticized its focus on giving property rights to peasants but ignored other aspects more important in the long run. The increasing number of heads of peasant farms understood the need for improving their farming. Many were ready to follow recommendations of specialists, some asked for land improvement and consolidation (Merl, 2020).

The Czarist state recognized that financial support was crucial for developing peasant agriculture. In 1904, the Ministry of Finances copied Prussia with the *Preußenkasse* — provided loans for strengthening the capital stock of newly founded agricultural credit cooperatives. The basis for agricultural research institutions and training agricultural specialists was created. The state supported financially land regulation and consolidation, including *khutors* and *otrubs*.

Chayanov mentioned these results when asking the Soviet state for support: between 1905 and 1914, nearly every second rural household

joined a credit cooperative. These cooperatives often provided credits and supplied their members with improved seeds and agricultural machinery. Some peasants started to deposit their small savings in the banking system: peasants' deposits in banks and credit cooperatives reached impressive 632 million rubles in 1912 and 928 — in 1914 (Merl, 1981: 195; Merl, 2013). For overcoming rural underemployment in the most densely populated areas in the Central Black-Earth region, significant means for resettling peasant farms to Siberia were implemented.

The Soviet state could rely on this preliminary work to support peasant agriculture. Some agricultural specialists were available — land surveyors, agronomists, and veterinaries. With the established agricultural research institutions, Soviet Russia had agricultural experts, and Chayanov and his group were acknowledged by the international research community. In their ideological blindness, the Party leaders lacked the understanding to what extent they were the heirs of valuable 'academic capital'. Instead of using it, they attacked it ideologically. Moreover, poor payment made many agricultural specialists leave the countryside for other occupations in the cities.

A severe problem inherited from the time before the Revolution was the rural overpopulation which become more acute in the 1920s, as many side-offers for seasonal or migrant work in industry or crafts were lost. Moreover, the population growth continued: every year additional 3 million rural people were looking for job. Due to the lack of job opportunities, many rural households could not make productive use of their available labor. In the 1920s, about 80% of the Soviet population lived in the countryside, i.e., about four rural households had to provide one non-rural household with food. The low demand for food hindered investments to improve and increase agricultural production. In order to get a decent income, and profits from investments and efforts to intensify agricultural production, the ratio had to be reversed. The experts' calculation revealed how dramatic the situation with the hidden unemployment in the mid-1920s was: 10 million able-bodied persons were not needed for rural agricultural and handicraft production, which was equal to the total number of employees or workers outside agriculture (Merl, 1993: 270–276). Any rapid mechanization of agriculture would only exacerbate this problem by reducing the agricultural labor demand. When explaining in 1927 why the Five-Year-Plan presupposed a small supply of machinery to agriculture, Strumilin mentioned the fear that an increase in machinery supply would set free more labor, thus, aggravating agricultural overpopulation (Wehner, 1998: 331).

Soviet agriculture in 1924: Urgent need for policy's changes

Instead of directly changing their approach to agriculture, in 1919, after the end of the Civil War, in order to provide incentives for

peasants to increase their production, the Bolsheviks in the spring sowing campaign of 1920 strengthened the state control over agriculture by collecting the seed grain by village (Merl, 1993: 101–110). This policy failed. In addition to weather, the famine was caused by the exhaustion of the agricultural productive forces during the political conflict between the peasants and Soviet power (*prodrazverstka*). When the Party finally decided to introduce the NEP in early 1921, it was already too late to prevent the famine of 1921/1922. It hit most severely the Volga area and the Urals, where the conflicts between Bolsheviks and peasants were especially violent and stopped only under the famine (Merl, 2017). While the long war period had reduced the peasants' animal traction power by only about 10%, during the famine in the Volga region about a half of the working cattle died, and this damage was not overcome until the late 1920s. Famine in the Volga region persisted until 1923. The poor harvest of 1924 determined a new wave of famine (Wehner, 1998: 128–129; 226–227). During the 1920s, the traditional high grain surpluses in the Volga area therefore were missing.

The political turn to the NEP in 1921 started from trade and taxes. Lenin's cooperative plan provided the possibility to overcome the Party's fear of the capitalism restoration by the assumed 'petty-bourgeois nature' of peasant production (Krebs, 1983). This plan was based on the Marxists' conviction that agricultural cooperatives could never break out of the political system. However, this meant that after establishing the dictatorship of the proletariat, cooperatives would not break out of the control of the state economic command, which provided the ideological background for the policy *Litsom k derevne*: to avoid a capitalist restoration starting from the countryside, it was considered necessary to organize peasant cooperatives, which was close to Chayanov's vision. He believed that the working peasants would understand advantages of cooperation and voluntary join cooperatives to profit from their help in intensification of farming based on agricultural knowledge. Chayanov was convinced that cooperatives — crucial for the Bolsheviks — would allow to direct and control peasant accumulation.

In 1924, the recovery of agriculture from the famine of 1921/22 was still insufficient. The harvest of 1924 was poor and worse than in 1922 or 1923. Even more alarming was the political mood of the peasants: dissatisfaction arose from the fact that the Party paid attention only to workers and ignored the needs of the peasants. As a result, there was a demand to organize a peasant union as a special lobby for representing peasant interests. The local election in the fall of 1924 revealed that the peasants did not consider rural soviets as representing their interests. On the average, only 29% of the peasants took part in the election, mostly communists, and often no peasants were elected to rural soviets (Merl, 1981: 41–49; Wehner, 1998: 171–172).

In changing the Party's attitude to agriculture two questions were crucial: organization of peasant cooperatives and (temporary) revision of the 'kulak question'.

S. Merl

Was Chayanov's concept of peasant agriculture under the Soviet rule realistic?

Return to true cooperatives

With nationalization, the war communism policy turned cooperatives into state organizations no longer under the control of their members. However, in the early 1920s, many people still remembered cooperative organizations and their help before 1914: credits to overcome usury, improved farm inputs and machinery at reasonable prices, processing and marketing of agricultural products. The first step to revive agricultural cooperatives for peasant demands was made in August 1921 — the Soviet government expected from it some contribution to capital accumulation. The first All-Union congress of agricultural cooperatives decided to establish *Tsentrosoyuz* as a central union. Chayanov was elected in its board (Merl, 1981: 146). In 1922, agricultural cooperatives based on the Raiffeisen or Schulze-Delitsch principles formally were licensed. But the expectation that credit cooperatives would work on membership shares and deposits did not take into account the impoverishment of the peasants. In 1922, only 347 credit cooperatives were registered. It was necessary to finish first the money reform in early 1924 — to ensure the possibility of establishing true cooperatives. The Central State Bank for Agriculture was established (Merl, 1981: 141–148, 194–205).

The CC-Plenum on March 31 — April 2, 1924, and the 13th Party Congress on May 23–31, 1924, provided the basis for 'true cooperatives'. The resolutions mentioned voluntary joining, members' advantages and peasant deposits. However, these principles were followed only until mid-1926, when the Party restarted the nationalization of cooperatives (Merl, 1981: 141–284). The CC-Plenum and the 14th Party Conference in April 1925 went even further by promising the free development for cooperatives.

The Politburo discussed the reform of cooperatives on January 3, 1925. Kaminsky (*Selskosoyuz*) emphasized the financial and political problems of cooperatives despite the resolutions of the Spring 1924. Often such basic rules as voluntary membership and free elections of the executive body were violated. Kaminsky criticized the ban introduced by the Council of the People's Commissars (SNK) in the end of 1923 — not to include *kulak* farms. He stated that to include *kulaks* would be preferable even for the state control. He explained the lack of financial resources in cooperatives by the poverty of the peasants. Smirnov noticed that fearing *kulaks* was ridiculous. Kamenev and Bucharin proposed to introduce free elections in cooperatives. Stalin

agreed with these proposals, but he kept the traditional enemy picture and did not approve Smirnov's proposal to allow *kulaks* to take the cooperatives' executive positions (Wehner, 1998: 206–210). The 14th Party Conference confirmed the support for agricultural cooperatives: agrarian policy was to strengthen them to provide incentives for peasants to start accumulation in the fight against rural poverty and backwardness.

Behind the proposal to accept the well-to-do peasants was the desire to open up new sources of capital for the state. In his letter sent on Stalin's request to the CC-Secretariat, Kaminsky required state credits for the capital stock of cooperatives for the next ten years, which would help to overcome one of the key problems of cooperatives. Previously confiscated property was to be returned to them. The commission of 32 members (mostly practitioners) was formed to prepare proposals to the CC-April-Plenum and the 14th Party Conference in 1925. The commission members' views differed: Kaminsky and Sadyrin proposed to start with credit but not to restrict cooperation to credit. Before 1914, credit cooperatives had often served successfully as 'universal' — starting supplying farm inputs and selling agricultural products. On the contrary, Smirnov required to start cooperation with production and processing and opposed the 10-rubles membership fee. Rykov as the head of the commission presented the results to the Party Conference. He stated, which was close to Chayanov's position, that cooperatives would become one of the levers to direct pre-capitalist and partly capitalist peasant modes of production into socialism. For this, it would be necessary to start with trade rather than nationalization of production. The collective organization of the peasantry could start only after ensuring a higher technological level of production (Wehner, 1998: 211–215).

Kulak or kulturnik

To bring the *Litsom k derevne* program and the Party's class approach together, the crucial point was to understand the nature of the well-to-do peasants. The Party's traditional enemy picture described the *kulak* as a household exploiting others, based on trade, usury and hired labor. The new type of the well-to-do (working) peasants was totally different — it relied mainly on own work, use of scientific knowledge and investments in intensifying farming. This type of farmer was urgently needed for the Soviet agricultural production — to increase yields and make the labor input more efficient. Those running their farms in a 'cultural way' were called *kulturniki*.

Kalinin made the first attempt to revise the term *kulak* at the CC-Plenum in March/April 1924. He denied that the 'class war' in the countryside intensified: on the contrary, differentiation led to the increase in production. Therefore, no pressure should be allowed in or-

der not to endanger agricultural recovery. As his position was against the Stalin's, Kalinin, afraid of conflicts, withdrew his proposal (Wehner, 1998: 157-159). In 1925, Bogushevsky in the 'Bolshevik' required to adapt the definition of the *kulak* to the new conditions under Soviet rule (Merl, 1993: 214-221). Kolesnikov stated that a clear distinction between well-to-do peasants and *kulaks* had lost sense: most well-to-do were loyal to the Soviet power. He suggested they could be named 'farmers' (Merl, 1981: 424-427).

The *Narkomzem* protested against presenting peasants as 'exploiters'. When Svidersy returned from his journey to the Volga, he declared that *kulaks* existed only in the resolutions of the 13th Party Congress but not in the villages. At the beginning of 1925, the Politburo temporarily changed its position. Smirnov declared that even the peasant who employed seasonal workers was not *kulak*. In January 1925, Kalinin explained that the material well-being had nothing to do with the term *kulak*. In the *Izvestiya* of March 21, 1925, he declared that the destruction of the peasant bourgeoisie and handicrafts had impoverished broad peasant groups; therefore, 'peasant accumulation' was necessary. Other speakers required to distinguish 'ambitious and cultural' peasants from *kulaks*. Bucharin with his call "get rich" to the peasants, suggested to stop blaming *kulaks* (Wehner, 1998: 205-206). The village correspondents met by Molotov in 1927, disagreed with the suggestion that the number of *kulaks* grew quickly, and reported that in many places, there were absolutely no *kulaks* (Wehner, 1998: 349).

By the way, Chayanov's organization-production school considered as the basis for the peasant differentiation demographic factors, thus, opposing the Marxist idea of unavoidable class differentiation. Chayanov's school considered peasants (including the *kulturniki*) as working (*trudovye*) peasants and believed that the majority of peasants on their path to 'farmers' would organize in cooperatives and, thus, start a non-capitalist agricultural development.

Thus, all debaters agreed that *kulaks* had lost importance for the Soviet countryside — the majority of peasant farms earned income by their own work, like the capitalist farmers in the USA. But the debaters used different terms for the 'new peasants': Chayanov preferred the term 'fermer' for Russian peasants on their way to 'capitalist farmers' in the future. The media and most Party members used the term '*kulturniki*': 'working' peasants (of any size or welfare) running their farms culturally — with agricultural research knowledge, eager to improve and intensify their farming by investments, i.e., they were not 'capitalist' farmers. Sometimes the term *intensivnik* was used, in general with the same meaning as *kulturniki*. I can only guess why Chayanov used the term 'fermer'. The *kulturniki* existed in the Soviet countryside as 'working' peasants. Chayanov expected that they would not become (capitalist) farmers, if they could be brought on a non-capitalist path by cooperation. I will use the term *kulturnik* —

the new peasant active in the mid-1920s, whether or not he might become in some distant future a ‘capitalist farmer’.

For the Party leadership, to stop the stigmatization of the well-to-do peasants as *kulaks* would mean to lose a well working enemy picture in political agitation to mobilize workers and to intimidate the masses of the peasants from becoming ‘rich’. Without this enemy picture, Stalin would not have been able to send from 1928 workers to the countryside to confiscate grain and to intimidate rural communities in order to force them to create collective farms (Merl, 1990). To increase agricultural production and exports, there was no other alternative than to accept that there were no more *kulaks* and that it was necessary to support ‘new peasants’.

Decision to start the Litsom k derevne program

The change in the Party’ approach to the peasants started in the spring of 1924. The 13th Party Congress focused on the peasant question, and Zinoviev was the main speaker. The Congress decided to expand the Party presence in the villages, to intensify the contact and dialogue with the peasants. By establishing the *Krestgazeta* in November 1923, the Party started to address the peasants directly and to provide them with a forum for discussion. In a similar way, *Smychka* was established in 1925 — for debates on cooperation. The number of letters to the *Krestgazeta* increased from 250,000 in 1924 to 700,000 in 1927, and then strongly reduced in 1928 (Merl, 1981: 42–43).

The term *Litsom k derevne* was first used by Grigory Zinoviev in the *Pravda* editorial on July 30, 1924 (Wehner, 1998: 188). According to Wehner, the poor harvest of 1924 as threatening with famine played a significant role in attracting the Party leaders’ attention to the miserable situation in the countryside. They started to realize the failure to include the peasants into the soviets. The hunger relief commission was formed under the leadership of Rykov. Party delegations were sent to the countryside. Their members noticed that the yields in the areas affected by the harvest failure sometimes differed: high yields in village communes using progressive methods of cultivation and low yields in other communes. This convinced Rykov that the elementary agronomic knowledge would increase production (as argued by the *Narkomzem*). “The visual lesson from the villages around the Volga made the employees of the official government institutions aware of the situation. This contributed to their proposals for the reform of the agricultural policy” (Wehner, 1998: 166).

The CC-Commission for the Party work in the countryside, headed by Molotov since April 2, 1924, played an important role in changing the Party’s agricultural policy. In September 1924, the commission was transformed into a larger ‘committee for the work in the countryside’ consisting of 27 sub-committees. However, the main de-

cisions were made by the Politburo and Council of Labor and Defense (STO). Zinoviev's speech at the CC Plenum in 1924 (October 25–27) played a central role. He attacked the arbitrariness and corruption of the village officials, the not-free elections to the soviets, and the election of communists in the village soviets under pressure. He stressed the lack of the Party's interest in the peasant question. He demanded that the non-Party peasants represent the peasant interests in the village soviets and be included in the central authorities and local soviets (Wehner, 1998: 188–189). In 1925, 7454 peasants were included in local and central authorities and cooperatives (Wehner, 1998: 198).

When the *smychka* of peasants and workers was not achieved, the CC-Plenum on October 25–27, 1924, examined and revised the rural soviets' work, and demanded the integration of peasants in rural soviets, and the opening of the Party for peasants. Thus, rural decision-making was to be transferred from the *schody* (of the peasant community) to the local rural soviets which were to become the center of political life in the countryside¹. An important step to this was to cancel elections to the rural soviets in all places with less than 25% of the peasants participating in voting or with no peasants elected (December 29, 1924). The first positive reaction to the *Litsom k derevne* policy was the significantly higher participation of the peasants in the second elections to the rural soviets in 1925: much more peasants were elected to rural soviets. Although this meant that less Party members were elected, the Party declared this was a success, and some middle peasants joined the Party (Merl, 1981: 43). The leading Party members were sent for weeks in the countryside. When they returned, among others Molotov and Andreev reported their impressions: peasants were not anti-Soviet but complained about local arbitrariness (Wehner, 1998: 196–198).

Basic measures of the program *Litsom k derevne*

After the start of the *Litsom k derevne* program in 1924, its last and decisive step was made only at the beginning of 1925. The program focused on the challenges of the Soviet agricultural development and suggested reasonable implementable solutions. The core task was to intensify agricultural production and to overcome the rural underemployment. The program aimed at stimulating the working (middle)

-
1. This was achieved only by force in the early 1928. In the fall of 1927, the CC withdrew the voting rights of *kulaks* in the village gathering (*skhod*) (Wehner, 1998: 321). In the early 1928, the peasants were forced to vote for a centrally ordered 'local self-taxation' (35% of the agricultural tax). Thus, the local self-administration of the *skhody* was transformed into an institution controlled by the state officials and secret police, no longer representing the peasants' free will (Merl, 2012: 64–68; Merl, 1993: 453–482).

peasants to create jobs by developing and intensifying their agricultural and craft production. The state financial support would provide incentives to introduce such methods of farming as scientific crop rotation and improved seeds, introduce expert consultations, financial support by credits, supply of (imported) equipment and machinery. For developing agricultural production and increasing its efficiency, the program followed many measures of the Stolypin reform, including land consolidation.

As the Party lacked qualified experts, the scientifically based agricultural program *Litsom k derevne* was developed by the (non-communist) agricultural experts working in the *Narkomzem*. In the *Zemplan*, Kondratiev and Oganovsky had designed the guidelines for the agricultural policy in the first Five-Year-Plan since the early 1920s. They formulated such basic targets as intensification and structural change of agriculture to promote capital accumulation, market orientation and exports (Wehner, 1998: 384). To strengthen the *Narkomzem's* expertise, Smirnov contacted Chayanov and Kondratiev who convinced Makarov (emigrated to the USA) and Chelintsev (Prague) to return to Soviet Russia — their expertise was declared necessary for 'industrialization of agriculture'. Thus, Wehner (1998: 230–231) considers the *Zemplan* in the mid-1920s the highly qualified think tank.

Kondratiev, Makarov and Chelintsev represented the *Narkomzem* in the *Gosplan*. Based on their expertise, the *Zemplan* designed the structural reform of the Russian agriculture as its 'industrialization', i.e., construction of a network of small and middle-size processing plants for raw materials, mechanization and electrification of agricultural production. These plants were to be built in the countryside to produce industrial crops and make animal husbandry more attractive for the peasants (Wehner, 1998: 231). The emphasis was made on intensifying rather than mechanizing agricultural production, as the later could exacerbate the rural underemployment (see, e.g.: Merl, 1981, 278–279; Chayanov, 1925b).

Kondratiev's first draft for the agricultural Five-Year-Plan in the summer of 1924 aimed at increasing agricultural production and marketing. Collectivization would start only when the development potential of the peasant economy was exhausted. The *Gosplan* accepted the plan in March 1925 (Wehner, 1998: 245–248). As the (relatively) well-to-do peasants had to play a decisive part, the experts opposed the high progressive taxation for them. Litoshenko demanded to stop the class tax policy: the tax burden on the peasants was already four times higher than on workers, and tax progression affected primarily the best farmers (Wehner, 1998: 231–232).

The CC Plenum on April 23–30 and the 3rd Soviet Congress in May 1925 adopted the program. To implement it, the tax reduction for *kustari* and rural handicrafts was decreed in April 1925. On the April Plenum, Molotov proposed to extend the right of land lease and hired labor, and to import tractors. He agreed with supporting not only poor

but also middle peasants. However, he warned that the widening of market relations would contribute to the escalation of the 'class war'. He criticized the 'peasant friendly' policy of the *Narkomzem* and questioned the expertise of the People's Commissar Smirnov (Wehner, 1998: 233). Kalinin and Yakovlev stressed the still low technical level of agriculture. Yakovlev warned that a wrong price policy would hinder the growth of industrial crops and animal production. Kalinin required to clearly define the *kulak* (Wehner, 1998: 219–221). While emphasizing the support to all peasant farms, the resolution added a new element: all 'working' peasants were to be supported as pioneers of the progressive land cultivation, and no administrative measures were to be used against free trade and a growing bourgeois stratum (Wehner, 1998: 225–227).

Kamenev, the head of the STO, presented the new agrarian program to the 3rd Soviet Congress, and it was accepted on May 20, 1925. The above-mentioned projects were a part of the *Zemplan's* perspective plan. Kamenev stated that the land nationalization, foreign-trade monopoly, state price regulation, and proletariat's leading position should not be questioned (Wehner, 1998: 222–223).

For providing incentives for working peasants to accumulate, land lease and hired labor were legalized. To keep them under the state control, contracts were to be registered by the local authorities. Incentives and benefits were promised to peasants willing to invest in agriculture or *kustar* industry. Improved methods of field cultivation and animal husbandry were to be promoted with favorable credits. Agricultural cooperatives were to get the state support to develop processing, storage and sales of agricultural products. However, the Party leadership insisted on not admitting *kulaks* to the executive bodies of cooperatives. In July 1925, the CC-Presidium decided to provide special financial funds for supporting the resettlement in less-populated regions and for reconstructing agriculture in regions hit by droughts or a structural crisis due to overpopulation, such as the Volga Region and the Central Black-Earth Region (Wehner, 1998: 225–227).

The *Litsom k derevne* program called the peasants to accumulate in order to create jobs in agriculture, which was connected with the plan of industrialization: designed to be bases on modern technologies, industrialization was to be capital- rather than labor-intensive. Therefore, in the next years it would create few jobs for the unskilled labor from the countryside. Thus, the urgently needed new jobs — to reduce the peasant poverty — were to be created in the countryside by peasants willing to accumulate in agriculture or crafts industry (Merl, 1981: 47–49). Strumilin calculated that even if the state had invested in such labor intensive branches as irrigation and transport, only 3 million workers — just an annual population growth — would have got jobs. He saw no possibility to reduce the rural labor surplus in the next years. The fact that primarily the well-to-do (work-

ing) peasants would profit from these measures was not considered a problem as long as the banks were controlled by the proletariat state. To ensure an efficient support of the poor peasant, the program suggested a temporary dependency on the well-to-do peasants developing their economic activities (Merl, 1981: 40–49; 1993: 144–176).

However, the key elements for implementing the *Litsom k derevne* program were missing: data on financing, a set of deadlines, guidelines to implement projects: the request for resettlement was much higher than the provided means; the financing of agriculture in relation to the tasks was behind the needs, and financing was not supported by the *Gosplan* and *Narkomfin* (Wehner, 1998: 223–224, 233–237).

Litsom k derevne program in 1925–1927: The change in the industrialization strategy and the return to the class war in the countryside

According to Wehner, the change in the Party's perception of the peasants was determined by the model of industrialization. In the beginning of 1925, the Party and government believed that the agricultural development would ensure a fast economic growth. The industry was still weak; therefore, agriculture was to play a decisive role in the capital accumulation (as before 1914) by providing goods for export and making bank deposits. Rykov stated that land consolidation could be finished in a few years (Wehner, 1998: 217–218). Today, the expectations of industrialization to be based on the previous accumulation of capital in agriculture do not look realistic, which was declared in the 'industrialization debate' (Erllich) already in the second half of 1925. As industry develops quicker than agriculture, the period to finish industrialization with the 1925 strategy would have been too long and would have made industrialization totally dependent on the world market of agricultural products (the global economic crisis of 1929 would have determined the failure of this strategy).

It is important not to confuse the economically well-thought position of the industrialization lobby with the Party's return to the class policy. The Party leaders relied on tactical reflections and political-power calculations. They had little knowledge (and interest) of facts (Wehner, 1998: 383–384). Closer to reality was only Preobrazhensky stating that the co-existence of petty capitalist farmers with socialist industry was possible. He demanded to take a 'tribute' for industrialization from the peasants, which was criticized by Rykov and other Party members without economic reasoning (Wehner, 1998: 217). After Preobrazhensky was expelled from the Party, it was Stalin who required a tribute.

Already in 1925, the industrialization strategy was changed. Wehner describes the fight between the 'agricultural' and 'industrialization' lobbies in 1925–1927 and how it affected the prospects of agricul-

ture. The change did not mean that industrialization was no longer based on the capital contribution from agriculture. However, instead of previously providing the state support to agriculture to strengthen its capability for capital accumulation, the tribute was to be taken by force — by discriminating price and tax policies. The prices scissors were kept wide open. In addition, the state increased the progressive taxation of the peasants. Despite the many Party members protest against this proposal, a very high tribute was taken already in 1926/1927 (see, e.g.: Merl, 1981: 305–309).

The *Litsom k derevne* program assigned to the *kulturniki* the central role in solving the urgent tasks of agriculture — by intensifying agricultural and handicraft production. The reduction of the state financial support primarily hit the less well-to-do farms with insufficient means of production. Chayanov's school had expected that the socialist state would provide financial means in order to help the working middle peasants to become *kulturniki*. As the state support for agriculture was strongly reduced, the agricultural experts warned about the social consequences of this policy: the less money the state invested in agriculture, the smaller number of (working) peasants was able and willing to intensify production by the agricultural research knowledge.

The conflict about whether agriculture or industry was to be prioritized started in August 1925: Kondratiev believed that the quickest way of industrialization was to support agriculture. This position was criticized by the agricultural Marxists and protagonists of forced industrialization (Wehner, 1998: 245–248). When in 1926 a decrease in economic growth became evident, Kondratiev blamed the excessive industrialization program and proposed either to remove tax privileges for poor peasants or to reduce the speed of industrialization. Teodorovich underlined that to increase exports it was necessary either to raise agricultural producer prices or to make concessions for the well-to-do peasants as only they could contribute to capital accumulation on their own. Kondratiev required to stop the persecution of *kulaks*. The growth of agricultural production was impossible when supporting only poor peasants, i.e., in this case, complains that the village did not provide surpluses was nothing else than demagoguery (Wehner, 1998: 269).

In 1926, the *Narkomzem* still demanded incentives for the peasants to accumulate for industrialization. In the STO-discussion on economic policy on February 5, 1926, Teodorovich with Kondratiev, Makarov and Chelintsev demanded to allow the private capital in trade, support the *kustar* industry and limit the credits to industry: capital investments in industry were too high compared to the low investments in agriculture. But Smilga (*Gosplan*) insisted on the high growth rates for industry and declared that agriculture would develop steadily without special financial support (Wehner, 1998: 270–272), which was correct when the Party stopped repressions against *kulaks*.

The Party leadership obviously overestimated the financial resources of the countryside, i.e., the ‘richness’ of the peasants (wrongly assumed due to the expropriation of the nobles’ land). In reality, in the mid-1920s, the per-capita income of the largest family farms was just equal to that of industrial workers’ households, although the former had to finance investments in their farms in addition (Merl, 1981: 427). The reduction of the state support was fateful for agricultural production. In December 1925, the long-term credits for machinery and the financing of special agricultural programs (as the fight against drought) were significantly reduced or cut. Svidersky protested against the cut, because for buying agricultural machines, equipment and cattle most middle peasants needed credits. In his statement to Kalinin, Kondratiev stressed the importance of machinery for agriculture and demanded to give cooperatives freedom of exports (Wehner, 1998: 325–327). Funding of agriculture was further reduced in the summer and fall of 1926 (Wehner, 1998: 273–276).

In the summer of 1926, Groman became the head of the *Gosplan* agricultural section. He did not agree with Kondratiev on limiting industrialization to key branches. His *Gosplan* section provided the control numbers for agricultural reconstruction during the Five-Year-Plan. However, Vyshnevsky pessimistically assessed the new plan — he doubted that the peasants would be able to increase yields in the next years. Therefore, the state investments in agriculture would be of limited use (Wehner, 1998: 310). Groman also believed that peasant farms were necessary for the further growth of agricultural production. The socialist transformation of agriculture would require a higher level of the agricultural productive forces and needed time. It could take place only after the peasant welfare had increased. Groman shared his ideas with the *Narkomzem* experts — that the plans for agricultural development were no longer feasible as the state had not provided the necessary funding. He required to reinvest at least a part of the finance subtracted from agriculture and shared the critical position of the *Narkomzem* experts on the agricultural price policy (Wehner, 1998: 310–311). Yakovlev, the head of the Peoples’ Commissariat of Worker-Peasant Inspection (NK RKI), was convinced that promoting industrialization could be connected with developing agriculture. He declared the need to increase industrial crop and animal-husbandry production and to limit the tax burden of the peasants (Wehner, 1998: 312–313).

In May 1927, the *Narkomzem*-Council member Savchenko informed Stalin about the drastic deteriorating situation in agriculture. He required to urgently correct the agricultural policy and emphasized the damages caused by the price policy: “the most dirty and shameless hunt on the most able peasants is taking place”. Hardworking peasants were blamed to be *kulaks* and dangerous for the Soviet society (Wehner, 1998: 315–316).

In the *Gosplan* discussion on the Five-Year-Plan, Volf and Sokolnikov criticized the fact that hardly any investment in agriculture was

planned. Kondratiev stated that the planned rate of growth of the agricultural gross production (24%) compared to 70% growth in industry was not sufficient. He warned that this would cause a crisis of supply and export of agricultural products, and blamed the low state investments in agriculture. Makarov, Sokolnikov and Kondratiev (at the CC-April Plenum of 1927) suggested only two alternatives: either to allow the stronger peasants to develop their farms without restrictions or to provide high state funding and credits to increase the agricultural production of the smaller middle peasants. According to Makarov's calculation, the state funding was too low to ensure the planned growth. Only by giving freedom to the peasants the fast capital accumulation was possible (Wehner, 1998: 330–335).

In his statement, sent on October 8 to Molotov (on his request before the 15th Party Congress), Kondratiev emphasized the need to create favorable market conditions for the peasants and to improve significantly the supply of agricultural means of production in order to achieve a quicker production increase than in the prewar period. The total capital fund in agriculture in 1926/1927 was only 83% of the prewar level, market production — 77% and exports — 24%. The economic situation of the peasants deteriorated compared to 1913, i.e., they were not the winners of the Revolution (Wehner, 1998: 350–351).

As the state funding of agriculture was very limited, in 1927, Oganovsky proposed a different way to increase agricultural production and exports by all peasant groups. If the Party did not accept a price increase, the organization of agriculture had to be changed to increase crop rotation and intensify agricultural production (Wehner, 1998: 334). For increasing the yields of the peasant farms, Oganovsky proposed for the Five-Year-Plan a new method with lower costs for the state. As the progress of land regulation and consolidation during the 1920s was hindered by the lack of qualified surveyors and their poor salaries, in 1927 a quicker and cheaper means was to be applied: the land in the crop rotation was no longer to be allocated by stripes to households but kept in large 'open' crop rotation fields. The standard of production of stripes in the larger fields was prescribed by *Flurzwang* (obligatory rules on how to cultivate) forcing all peasants to follow the special, state-prescribed standards of cultivation (cleaning and sorting the seeds, and so on). It was expected that this would contribute to a significant growth of yields (by 30 to 35%) during the First Five-Year-Plan. The implementation of this plan started in 1928 with forcing the peasants to join collective farms (Merl, 1985: 176–198; Merl, 2016). The introduction of progressive crop rotations was connected with growing industrial crops, which required a higher work and capital input. The prescribed minimal standards for sowing called 'agrominimum' became obligatory in 1929. To help the poor peasants to keep to the standards, the state financial support was promised (Merl, 1985: 183, 191–195). However, Stalin stopped the necessary financial support; therefore, the grain yields even decreased in the first half of the 1930s by 10%.

Thus, even the final version of the ‘industrialization lobby’s’ Five-Year-Plan was based on peasant farms and required to improve their agricultural technologies to increase yields (Merl, 2016). Only the *kulturniki* were able to increase agricultural production without any state support, and its speed would depend on the supply of improved machinery. To involve more rural households in increasing production, the state had to provide a significantly larger funding.

Many experts warned that simultaneous collectivization and industrialization would have disastrous consequences. Under the rural overpopulation, the high speed of collectivization would socially destabilize the cities and cause starvation in the countryside (Merl, 1985; O krestyanskom...). Many experts suggested that the mechanization of agriculture was based on the production of agricultural machinery. However, only at the end of the first Five-Year-Plan, the Soviet industry started to produce tractors and farm implements necessary for the agricultural mechanization on a broader scale. Stalin’s forced collectivization started in October 1929 before the necessary agricultural machinery was provided.

Kulturniki and their fate under the Party’s counterproductive measures (1925–1929)

The most important reaction to the Party’s call was the emergence of the *kulturniki* — educated and often well-to-do (working) peasants willing to accumulate and improve their farming with agronomic innovations. These were the working peasants Chayanov was looking for. They were satisfied with the Party’s 1925 policy turn. Many expected the promised support from the state, especially the improved machinery. To make investments profitable, the ratio of households producing and consuming agricultural products had to change. The *Litsom k derevne* program would have been successful if regionally about 10% of rural households had become *kulturniki*. The available data shows a close percentage. The *kulturniki* could have significantly increased agricultural production and exports, but the state never provided the promised support.

The willingness to improve farming and to invest became obvious due to the high demand in agricultural machinery including tractors. There were many applications for land regulation and consolidation including the demand in *khutors* and *otrubs*. Less than a half of requests were executed due to the lack of land surveyors, their miserable payment, and the lack of the state credit support (Merl, 1985: 176–181).

In this section, I consider the state measures destroying the *Litsom k derevne* policy: the reduction of the promised imports of tractors and machinery and credits for the well-to-do peasants already in

1925/1926, low state purchasing prices for industrial crops, high-quality butter and grain export in 1925 and 1926, the disenfranchisement of 'kulaks' in 1927 and their 'individual taxation' since 1928.

S. Merl

Was Chayanov's concept of peasant agriculture under the Soviet rule realistic?

Reducing the import of tractors and agricultural machinery

To ensure the intensification of agricultural production, the high-quality agricultural machinery was needed, but this demand was not satisfied. After a short period of increase at the beginning of 1925, already in the fall of 1925, after the grain procurement and exports were less than expected (Merl, 1981, 69–80), new imports of agricultural machinery and tractors were stopped for the industrial equipment imports became a priority. While the import of agricultural machinery and tractors was quite high in 1925/1926, it became significantly lower in the next years. The *Gosplan* especially reduced the import of needed and not produced in the country grain threshing and cleaning machines, heavy plows and machinery for processing flax and fodder (Merl, 1981, 265–283; 1985, 231–241).

The peak of agricultural machinery import was reached in April 1926. In 1926/1927 the national production had a higher share in the supply to agriculture than in 1925/1926. In the next years, imports stayed at a low level. Only since October 1929, there was a permanent increase of agricultural machinery imports. The tractor supply almost fully depended on imports. The number of imported tractors was relatively high until September 1925 and after fell with temporary small increases at the beginning of 1926, 1927 and 1929. Only since October 1929, tractor imports significantly increased to reach a new peak in March–April 1930 (Merl, 1981: 265–284).

The national industry could not replace these imports. The most produced machines and implements for agriculture were suitable only for small farms up to 8 hectares and would not help the *kulturniki* to intensify their production. As many peasants before, Chayanov in his 1927 statement to Molotov complained about the low quality of these machines. Additional problems were caused by the lack of spare parts and worsening credit conditions, i.e., a significant part of the produced machinery could not be sold. In 1928/1929 machines for animal traction power stood unsold in the stores. The government complained that industry did not produce the agricultural machinery demanded by the peasants. Spare parts were in short supply (Merl, 1981: 273; 1985: 233–235; Chayanov, 1927a).

In June 1926, the *Gosplan* decided that tractors and agricultural machinery should be provided only to collective farms (Wehner, 1998: 277–279). *Kulaks* were forbidden to join machinery cooperatives, and the fight against 'pseudo-cooperatives' started (Merl, 1985: 309–312). In 1926–1927, a significant part of tractors was held by peasants, others — by peasant machine cooperatives (Merl, 1985: 239). After the

ban to sell tractors to *kulaks*, the authorities started to expropriate tractors from peasant. In 1927–1929, under the state pressure, the *kulturniki* reduced the machinery purchased. The repressions against them also contributed to the failure of the plan of ‘mobilizing peasant finances’. In 1929, this plan was fulfilled by agricultural cooperatives only by 10% (Merl, 1985: 249–250)

Table 1. Tractors in agriculture, 1927–1930 (Merl, 1985: 239)

	October 1927	October 1928	October 1929	October 1930
total of these:	24,504	26,733	34,943	66,332
single peasants	6,309 (26%)	2,487 (9,3%)		
(tractor) cooperatives	4,422 (18%)	6,673 (25%)	3,769 (11%)	
MTS			2,387	20,801
state farms	4,651	6,719	9,678	24,953
collective farms/kusty	9,122	10,854	19,109	20,578

Collectivization was not prepared by importing tractors and heavy agricultural machinery. In the beginning of 1930, just 2% of plowing was done by tractors. For the spring sowing of 1930, hardly any tractor towed machinery was available (Merl, 1985: 236, 251). The sudden need to replace horses due to the lack of fodder after the start of the forced collectivization determined the need for the tractor imports just at the peak of the forced industrialization.

Disenfranchisement of ‘exploiting’ peasants in 1927

For the Soviet elections in 1927, new rules were introduced — disenfranchising ‘exploiting *kulaks*’. Thousands of ambitious working peasants loyal to the Soviet power were disenfranchised. In 1925/1926, there were 500 complaints against disenfranchisement, in 1927 — 22.000 (including family members, the number would be three times higher). The majority of complaints were from the main grain-producing regions. The total number of disenfranchised in the rural population increased from 424.000 (1,1% of adults) to 1.398.000 (3,3%) (Merl, 1981: 424–430; 1993: 228–235).

To be named ‘exploiting *kulaks*’, often renting agricultural machinery to the poor peasants or the ‘wrong classification’ of temporary employment of hired workers was sufficient. Local authorities relied on such a criterion of exploitation as land or implements rent, which was rather an act of solidarity with the poor. Any classification of farms as exploiting was arbitrary. All contemporary studies failed to identify

any clear criteria of exploitation in the Soviet agriculture (Merl, 1981: 1985) — many arbitrary and accidental criteria were used: ‘non-working income’ from renting a room to the local teacher, land, implements or working horses lease, hiring day laborers or nurse maids. To define ‘exploitation’, the statistics mainly used relative prosperity: the value of the means of production or a craft workshop. When asked about the definition of the *kulak*, rural people sometimes answered: “peasants who work on their fields on Sundays” (Merl, 1981: 424).

Desperate protests of many *kulturniki* were the consequence. As they had followed the Party's call, many believed that their disenfranchisement was an error for it meant social stigmatization. Under the threat to be declared counterrevolutionaries, many *kulturniki* sent their complaints to the high-rank Party members. Some of them tried to help the *kulturniki* by revealing the dishonest character of the official anti-*kulak* campaign. Only Kaminsky openly opposed the disenfranchisement. The article of the VTsIK-secretary Kiselev, the efforts of Rykov and of the head of the Central Election Commission Enukidze led to the start of the campaign against disenfranchising *kulturniki* (Wehner, 1998: 292–296). Rykov insisted on returning the voting rights to many complainers, for example, to the farmer who employed two wage laborers for he had young children: Rykov stated that this farmer ran a ‘cultural’ farm with yields twice as high as the surrounding peasants (Merl, 1981: 428–429). Some Party leaders declared that such farms were not ‘exploiting’. On February 15, 1927, the *Bednota* used the terms *intensivniki* and ‘typical working’ for the middle peasants with such ‘cultural’ and progressive farms, while the well-to-do *kulaki*, on the contrary, systematically exploited the poor by land lease and so on (Merl, 1981: 429). These definitions were repeated over and over: the *kulaks* got profits from trade or usury credits (both hardly existed in the mid-1920s), while the ‘working’ well-to-do peasants earned their main income from their own farms (Merl, 1981: 425; 1993: 231–235).

Even the temporary disenfranchisement made the *kulturniki* ‘enemies’ and had consequences — changed their behavior and prospects (Merl, 1993: 231–235). In 1927, the chairman of the credit cooperative stated that due to the disenfranchisement many lost their energy to enlarge farms and started drinking. Many stigmatized refused to continue leasing means of production or land. The first lists of ‘*lishentsy*’ was later used for individual taxation and liquidation of *kulak* farms (Wehner, 1998: 292–296; Merl, 1985: 134–137).

Low purchasing prices in 1925–1926: Sabotaging the idea of cooperation

Agriculture suffered from the state price policy keeping the agricultural producer prices low. In the 1920s, the peasants had to sell much more products to buy the same amount of industrial goods as before 1914, which contributed to the transfer of capital from agriculture to industry.

When the state established control over an agrarian market, it lowered the procurement prices, which affected primarily products depending on marketing and not produced by peasants: industrial crops and high-quality export butter in 1925/1926, grain — in 1926/1927. All this reduced the incentives to this production. However, animal products could be sold on local markets at good prices. For instance, in Siberia, the peasants stopped producing the high-quality butter for export for they could sell the low-quality butter on local markets (Rossiiskie... 2021: 80–88; Merl, 1981).

The price policy also affected the peasant interest in joining cooperatives. Under the state control of prices, cooperatives were organized in unions to pay low prices to their members. As they often bought agricultural products from their members at remote places, they were forced to subtract the transport costs from the prices. Thus, cooperatives paid the lowest prices to the peasants, much lower than the state trade agencies at the railway stations (ports) or local markets: the well-to-do peasants transported their grain to the stations and sold it to the state agency (Merl, 1981).

The lack of the promised support to cooperatives had disastrous consequences. Sadyrin, the head of the *Selskосоyuz*, reported on May 29, 1926, the bankruptcy of many cooperative unions (Wehner, 1998: 277–280). In 1927, Belenky criticized the state cooperative policy due to the re-nationalization of cooperatives in 1927. Only the participation of the well-to-do peasants would ensure the fast development of cooperatives (Wehner, 1998: 347–348): after cooperatives failed to provide capital from the countryside, the Party leadership abandoned Lenin's 'cooperative plan' in the mid 1926 (Wehner, 1998: 364). Chayanov and the *Narkomzem* experts were convinced that it was unrealistic to subtract capital from cooperatives without providing previously the state funding (Wehner, 1998: 276).

Due to the cooperatives' failure under the state control, in 1926–1927, a new phenomenon appeared — 'wild cooperatives' not joining the state-controlled unions, i.e., they could work for the advantage and in the interest of their members (Merl, 1981: 161–162). The state control damaged Chayanov's core idea of unions strengthening cooperatives and blocked the non-capitalist development of peasant farms through cooperatives' accumulation in the countryside. Thus, the price policy sabotaged the cooperative organization of the peasantry as suggested by Lenin and Chayanov.

'Individual taxation' of the richest peasants in 1928: The start of expropriation

Following the resolution of the 15th Party Congress, in April 1928, the 'individual taxation' was introduced. It often meant a tax payment much higher than the farm's total money income for the tax was cal-

culated not on the income but on the value of the means of production. To pay such a tax, the farms had to sell a part of their means of production (Merl, 1981; 1983, 177–360). Similar to disenfranchisement, there were many complaints.

After the failure of Stalin's 'extraordinary measures' to take grain in the beginning of 1928, in the summer of 1928, for a short time, the fight against the *kulaks* stopped. On July 23, 1928, the People's Commissariat of Finances issued a circular letter to protect the *kulturniki* — to correct the local authorities' 'abuses', it insisted on the individual taxation of 'exploiting farms' except for the well-to-do farms which were not 'exploiting' by employing laborers, trading or leasing farm implements. According to the circular letter, there were many 'terrible mistakes': often branches of the 'commercial character' such as poultry production were individually taxed. About a half of the cases were classified according to the general size of the farm or just due to personal revenge. The letter stated that many middle peasants suffered from the individual taxation.

At the beginning of September 1928, the SNK ordered a general scrutiny of the individual taxation, which freed every second registered farm: instead of 422,300 farms, 219,400 were individually taxed, among them still many *kulturniki* (Merl, 1985: 112–119; 1993: 222–228). For the upper group of 12% of the peasant households, the tax doubled in 1928/1929. At the conference on taxation in January 1929, Yakovlev and Kalinin spoke of the widespread gloating in the countryside — "with the taxation, the Soviet power hit the *kulturniki* on the head (*tresnet po golove*)" (Merl, 1985: 119).

Self-dekulakization in 1927–1929: Kulturniki's desperate fight for survival

For fear of being stigmatized as *kulaks*, many well-to-do *kulturniki* started the 'self-dekulakization': in 1927–1929, they tried to reduce the size of their farms, sold agricultural machines and avoided anything the state would consider 'exploitation'. Many *kulturniki* stopped leasing means of production and horses, which affected a large number of peasants who needed such help to cultivate their fields due to the lack of implements and/or traction power.

There is a lot of regional data on the self-dekulakization, which proves that Party's class approach sabotaged the urgently needed increase in agricultural production and efficiency. The contemporary statistics used the term '*kulak*' for the well-to-do peasants, and many of such farms were of the *kulturniki*, because the 'class' categorization was based mainly on the farms' means of production rather than 'exploitation' criteria. Therefore, in the following I will use the term 'well-to-do' for those named *kulaks* in the sources, and 'medium-sized farms' for those recorded as middle peasants.

The data confirms that the well-to-do farms in the main producing regions (Middle Volga, North Caucasus, Siberia and Ukraine) re-

S. Merl

Was Chayanov's concept of peasant agriculture under the Soviet rule realistic?

duced the number of their working cattle by 18 to 24%: the number of cows fell by 20% in the North Caucasus and Ukraine and by 28% in traditionally butter-exporting Siberia. In regions not producing agricultural surpluses, like the Western and Moscow Regions, the number of working cattle and cows in the well-to-do farms decreased only by 3 to 7%. In all producing regions, the middle peasants also reduced the number of working cattle by about 2% and the number of cows in Siberia — by 8%. The share of farms with agricultural machinery slightly increased in the producing regions in 1927–1929 (in the North Caucasus — from 25 to 27%, in Ukraine — 22 to 26%). Only in Siberia, where the peasants switched from animal husbandry to crop production under the state price policy, this share grew from 36 to 44% (Merl, 1985: 159).

In Ukraine, about 35%, in the North Caucasus and the Lower and Middle Volga, nearly 30% of farms rented implements and working cattle to cultivate their fields. In Ukraine and the Lower Volga, about 30%, in the North Caucasus more than 40% of other farms produced in the form of *'supryaga'* — 2 or more households worked together with their means of production and working cattle. The peasants, who were able to cultivate their fields independently with own implements and working cattle, were in the minority in the main producing regions: only about 27% in Ukraine, 20% in the North Caucasus, and 35% in the Lower Volga Region, which proves how weak the peasant farms in Soviet Russia of the 1920s were (Merl, 1985: 159–161).

Due to the 'self-dekulakization', in the main grain-producing regions, land lease reduced dramatically in 1927–1929: by more than 60% in Ukraine, 53% in the Middle Volga, and 26% in the North Caucasus. This did not mean that the need in land lease reduced: for fear of being classified as *kulaks*, hardly any peasant dared to rent land or even farm implements: only 30% of the peasants leasing farm implements in 1929 did this already in 1927, i.e., the majority of such farms decided to lease farm implements by the order of the authorities. This new form of the state compulsion was first introduced in the 1928 spring sowing due to the need of farms in implements (Merl, 1985: 160–164).

Only about 15% of the well-to-do farms had the means of production for more than 800 rubles. Among them, 57% had agricultural machines, about 96% — working cattle and farm implements (Merl, 1985: 162).

Peasant dissatisfaction with the end of the program in 1927–1929

The Party's approach to the peasant question started to change in the fall of 1925. Zinoviev turned from the promoter of the *Litsom k derevne* program into its critic. Together with Kamenev and Stalin, he started criticize this program in public in the summer of 1925

(Wehner, 1998: 249–251). In April 1926, Zinoviev and Kamenev developed a position close to Trotsky. Stalin and Milyutin confirmed that the peasants lived better than before the Revolution (Wehner, 1998: 283–285). The CC October-Plenum of 1925 required to protect poor peasants from the ‘kulak influence’. Despite the protest of Mikoyan, the grain procurement price was reduced. The subsequent problems with achieving the overoptimistic goals of the grain procurement and exports in the fall of 1925 strengthened the opposition to the *Litsom k derevne* program (Merl, 1981).

The abandonment of the program caused a new wave of the peasant dissatisfaction. The OGPU reported about the requests to create a peasant union. When the Party ignored the significant contribution of the ‘working’ middle peasants in the October Manifesto to the 10th anniversary of the Revolution by providing rewards (tax exemption) only to poor peasants, dissatisfaction reached a new peak (Merl, 1993: 442–486). The peasant-worker relations worsened, and many peasants expressed their envy towards the privileged workers. In the mid-1920s, unlike most urban workers, the majority of peasant households did not reach their pre-war level of consumption.

After the Party’s abandonment of the program and the pressure to join collective farms in the beginning of 1928, some *kulturniki* sent a joint letter to the *Pravda* in June 1928 and proposed a compromise: they suggested to create ‘peasant-state farms’ as an experiment in order to balance the Party’s strive to build large-scale enterprises and the peasant interests of survival. The peasants would provide land and farm implements to the enterprise running under the state control. In return, they asked only for a small monthly salary as the state workers and for moderate fees for the use of their implements. They disagreed with collective farms as they did not ensure the peasants’ survival — they offered instead of the monthly salary the distribution of an unpredictable profit at the end of the agricultural year, and the state could manipulate this ‘profit’ by the low procurement prices (O krestyanskom...; Merl, 1985; 1993: 453–482).

Due to their miserable income situation, many middle and poor peasants dreamed of ‘proletarianisation’ — of becoming workers in industry or at the state farm with monthly salaries. They could imagine the nationalization of agriculture in the form of state farms, which would make them workers with monthly salaries.

Chayanov’s statements to Molotov (and the Gosplan) in October 1927 on the feasibility of the *Litsom k derevne* program

In his letter to Molotov, Chayanov stressed that a new type of people was running farms in the Soviet countryside. Many participated in the Revolution and served in the Red Army. They were eager to use agricultural knowledge and invest in agricultural technology to rational-

ize their farming. Even if they still had a ‘petty bourgeois consciousness’, they no longer followed the tradition of their grandfathers: “As a result of the combination of the new peasant with the new achievements of agronomy, we already have massive examples of the implementation of our agronomic achievements” (Chayanov, 1927a: 214). When making a list of the existing cooperatives, he stressed that the Soviet state already had a monopoly on trade and the market. Now the question was in which direction and for what aims the state wanted to exercise its control over cooperatives (Chayanov, 1927a: 216–217). Chayanov stressed the high potential of rural development by combining the ‘new’ peasants with the new agronomy achievements: “to cut it short: the peasant started to move” (*sdvinulos’ s mertvoi točki i poshlo samokhodom*) (Chayanov, 1927a: 214).

To distinguish peasant farms developing by the ‘capitalist model’ from the pre-capitalist *kulak*, Chayanov used the term ‘farmer’ (*fermer*), who ran his farm not ‘by exploiting others’ but by his own work, wanted to intensify his farming in a cultural way by using agricultural research knowledge. Although Chayanov did not use the term ‘*kulturniki*’, it described exactly his ‘new peasant’ loyal to the Soviet power.

Chayanov was convinced that the *kulaks* were a feature of the past no longer existing in Soviet Russia in the mid-1920s. The leveling of the agricultural revolution had turned nearly all rural households into the ‘working’ peasants. When starting accumulation, they would create new jobs for other rural households suffering from the rural overpopulation. According to Chayanov, capitalism (and exploitation) was a feature of industry lacking the necessary workforce, while the working peasant family farms possessed the necessary labor resources. Based on his demographic understanding of the rural differentiation, the capitalist ‘farmer’ would not appear directly or quickly. Chayanov believed that the non-capitalist development of the peasantry in Soviet Russia was possible in the course of cooperation. Therefore, he demanded to support the peasant incentives to organize cooperatives working for their benefit. By making cooperative accumulation attractive, the peasants would profit from their strengthening and development by depositing their money in cooperatives.

For illustrating his ideas to Molotov, Chayanov used America as an example of the most developed capitalist country. He believed that the American farmer had already modernized agriculture. He explained that in the USA, the capitalization of farmers developed through vertical cooperation. Cooperatives provided the farmers with auxiliary plants for processing agricultural products, elevators for storing grain, cold storage and so on. He underlined that the vertical cooperation in America did not start by itself: initially, the financial capital provided the starting capital, and then the farmers started to direct their capital to cooperatives. Chayanov recommended to Molotov to copy this model in order to accumulate capital in the Soviet agri-

culture: the socialist state would have to provide capital necessary to start vertical cooperation (Chayanov, 1927a: 216). Capital accumulation in cooperatives would be a precondition for confining the peasant private accumulation: by organizing the 'new peasants' in the 'societal forms' of cooperatives the state would prevent their becoming 'capitalist farmers' in a distant future.

Chayanov stated that this trend of the cultural development of farms would become widespread if the state had not questioned the incentives. He expressed the concern that many incentives (promised by the *Litsom k derevne* program) were already lost due to the Party's counterproductive policy. He considered the extraordinary tax progression as the biggest problem blocking the development of the working peasants by prohibiting the expansion of farms (Chayanov, 1927a: 214–215). He was less concerned about the price policy: the farms improving their technologies worked with less costs and were less affected by the low procurement prices than the farms not raising their efficiency. He warned that the tax policy would not only deprive the farm heads of the interest to further improve their farms but also would sabotage the cooperative way of peasants' accumulation to avoid a capitalist development (Chayanov, 1927a: 215).

Chayanov emphasized that the evolution of the working family farms in many regions towards capitalist farmers was not alarming, if at the same time the whole country would develop cooperatives as the societal economy (*obshchestvennoe khozyaystvo*) (Chayanov, 1927a: 217). At that time, peasants were not ready to become farmers. Although Chayanov wanted to prevent the progressive (working) peasants from becoming capitalist farmers, he explained to Molotov for which tasks and in what regions they could be useful to ensure the growth of agricultural production in Soviet Russia (Chayanov, 1927a: 217–218): in rather remote regions with enough land and few people, to increase the production of primarily extensive or special crop cultures (investment in farm machinery would have the largest effect).

Chayanov's vision depended fully on the state; therefore, his letter to Molotov can be considered a request to change the Party's policy in favor of the 'new peasants' and cooperatives (the blocking of cooperation by nationalization was already obvious in the fall of 1927)².

-
2. Chayanov stressed that there was no danger in the peasants becoming farmers if the cooperatives would strengthen socialist elements in the countryside on the line: credit — buying — selling — serving agriculture — processing — joint field production and nationalization of agricultural branches in huge cooperative enterprises (Chayanov, 1927a: 218–219): in such a cooperative system, there would be no place for farmers. Chayanov agreed that at the beginning it would be necessary to focus on industry, but after the processing industry, transportation and energy branch had developed, it would be necessary to focus on the investment in the agricultural industrialization (Chayanov, 1927a: 220–221).

Chayanov blamed the Soviet state for the lack of willingness to invest in agriculture. Already at the beginning of 1925, he required the state support for organizing small credit in agriculture: the state should provide at least 2000 rubles of the long-term credit to each credit cooperative (like the Tsarist state in 1904) in order to profit in the future — each ruble provided to the countryside in the form of state credit would contribute manifold to the increase in the national income and peasants' ability to pay taxes. Additional state funding was needed for melioration and agricultural measures. In the future, the main task of cooperatives would be to mobilize peasants' deposits (Merl, 1981: 199; Chayanov, 1925a). Chayanov also underlined to Molotov and the *Gosplan* the significance of the state financial support for agricultural research, especially on the needs of industrialized agriculture, and complained about the lack of such funding (Chayanov, 1927a: 220–221; 1927b: 201–202).

I do not agree with Wehner' idea (1998: 352) that Kondratiev and Chayanov had different positions on the peasant differentiation. Chayanov still hoped to return the Party's policy to the peasant incentives and support for cooperation. Kondratiev rather made recommendations on what had to be done at that moment and faced the ruling bodies' resistance against the increased funding of agriculture. He had to defend his position and was aware that the funding would not be provided. Therefore, he was convinced that an increase in production could be ensured only by the well-to-do peasants. Chayanov's idea of a non-capitalist development of the peasantry depended fully on the state support. Both Kondratiev and Chayanov warned about overestimating the differentiation, describe a new type of the peasant strongly different from the *kulak*, believed in the possible trend towards (capitalist) farmers but did not expect capitalist farmers in Soviet Russia in the nearest future.

Were Chayanov's proposals to Molotov realistic?

It is hard to say whether Chayanov's idea of cooperation was realistic and could lead to a 'societal economy'. We only know that the Party did not accept his suggestion. Cooperatives in other countries not declaring the construction of socialism, in the interwar period and especially after the Second World War, did not develop in this direction. Considering the special situation in Soviet Russia with comparable small and weak peasant farms (even the 'well-to-do' farms belonged to this group) and the very positive experience of credit cooperatives before the First World War, the cooperative organization might have become of crucial importance for the development of peasant farms and the efficiency of agricultural production in Soviet Russia.

The idea that the peasants would deposit their financial surpluses to develop and strengthen the cooperative movement is interest-

ing. The key question is the type of the state regulation of cooperatives. From what happened in Soviet Russia, we learnt what to avoid in order not to demotivate the peasants. Looking back from today, the cooperative organization and industrialization of agriculture, according to Chayanov, would not be the final stage: processing, storage and sales were of crucial importance for strengthening cooperatives. However, today, for example, the sales are controlled by the giant trade monopolies, and even huge cooperative unions cannot compete with them.

Another crucial point is the countryside labor surplus. Chayanov required to focus on intensifying rather than mechanizing agriculture (Merl, 1981, 278–279; Chayanov, 1925b). But the majority of small, middle and poor farms did not see their future in agriculture, especially as the Soviet rule gave them every reason to envy the industrial workers. From the peasant complains in 1927, it is evident that they would have preferred ‘proletarianization’ — becoming workers in industry or agriculture, i.e., out-migration from agriculture to industry or services would have become the main trend. Moreover, the emphasis on the scientific research and efficiency of production would require to reduce the labor input in agriculture. To provide the *kulturniki* with the decent income even under the non-capitalist development in the future, the relations of those engaged in agriculture and in other branches had to change radically.

Conclusion: the failure of the Bolshevik peasant policy due to the fight against ‘exploitation’ instead of poverty?

The agricultural program *Litsom k derevne* did not have any alternatives in 1927 — after the political decision was made to prioritize industrialization and to limit funding of agriculture. ‘Working’ peasants willing to use the agricultural research knowledge and having the necessary means of production (like the *kulturniki* — about 10% of rural households) were capable of increasing agricultural production even in these conditions. With the higher profitability and lower costs, the *kulturniki* could have coped with unfavorable prices having no other choice than to produce and market their production to feed their families and to accumulate. Only political discrimination and expropriation could stop them.

As the supply of the improved machinery lagged behind the demand, no quick increase in agricultural production was possible. Intensification rather than mechanization (as Chayanov proposed in 1925) was rational under the rural overpopulation. But intensification depended on the supply of the necessary means of production, i.e., on the state support. Therefore, the further increase in agricultural production in 1927 depended on the *kulturniki*, the ‘new peasants’ Chayanov was speaking about. For intensifying their production, they

would have needed freedom to decide on how to develop their farms and create jobs in the countryside (the '*samokhod*' Chayanov underlined to Molotov).

The change in the concept of industrialization was unavoidable for industry in general develops faster than agriculture. Subtracting capital from agriculture by the price policy was feasible and possible, but it slowed down the agricultural growth. Progressive taxes were much more harmful due to destroying incentives to work. As a consequence, the state financial support for the peasants and agricultural cooperatives (requested by Chayanov) was missing (at least for most of the decade), which slowed down the agricultural production growth. Chayanov's ideas were feasible even if postponed, as long as the state did not annihilate the *kulturniki* and true cooperatives, which happened in 1927–1929.

There was no way to combine the Party's return to the 'class war' (against *kulaks*) with the *Litsom k derevne* program. The Party's decision to fight against the imagined enemy no longer existing in the Soviet countryside did not depend on the change in the industrialization strategy — it was determined by the political calculations in the internal fight between fractions, and by the Party's misunderstanding of the nature of small peasant farms. This had disastrous consequences for the fate of the *kulturniki* and for the state goal to increase agricultural production and exports. Stalin and Khrushchev never stopped to suspect the peasants and later collective farms to be 'rich'. Disenfranchisement, individual taxation and collectivization repressed the *kulturniki* as *kulaks*, which determined poor results of agricultural production until the end of the Soviet rule.

Therefore, it is necessary to finish the fruitless debate on the 'class differentiation' of the peasantry and to focus on the real issues behind the mid-1920s controversy: whether the growth of agricultural production and efficiency required any agricultural expertise (by capable peasants and scientists) and the state financial support (for developing cooperatives). Both points were the basic requests of Chayanov to Molotov in October 1927. Unlike Chayanov, the Party leaders from Stalin to Brezhnev never understood that both industry and agriculture could be successful only on the basis of expertise instead of command from above.

Chayanov's idea of the possible non-capitalist development of the peasantry depended on the state's approval of the agricultural expertise and the state's willingness to support peasant farms and cooperatives financially. We can only guess Chayanov's priorities after his idea of the socialist reconstruction of agriculture in a non-capitalist way lost political feasibility in 1928 due to Stalin's extraordinary measures for grain procurement. It is quite evident that Chayanov did not seek a structural change of agricultural production by collectivization, and rather supported peasant farms, like other agricultural specialists including V. G. Groman. This would have allowed a slow

but steady increase in agricultural production without food shortages and famines. H. Hunter calculated that peasant farming would have provided a much better framework for industrialization during the First Five-Year-Plan.

Chayanov's trust in the cooperative movement also depended on the state support (like the one provided by the Tsarist government after 1904. Without the nationalization of cooperatives in 1927, they would have become of great importance for strengthening the *kulturniki's* farms with the necessary means of production. Chayanov was not clear about the nature of the state regulation of cooperation, but it is clear that he did not mean telling cooperatives what to do.

References

- Chayanov A. (1925a) K voprosu ob organizatsii melkogo selskogo kredita [On the organization of the small rural credit]. *Ekonomicheskoe obozrenie*, no 1, pp. 41–55.
- Chayanov A. (1925b) Mestnye kombinaty po pervichnoi pererabotke s/kh produktov [Local plants for primary processing of agricultural products], *Khozyaystvo na putyah voss-tanovleniya*, Moscow, pp. 732–752.
- Chayanov A. (1927a) Pismo A.V. Chayanova V.M. Molotovu o predstavlenii zapiski "O sovremennom sostoyanii selskogo khozyaistva SSSR po sravneniyu i polozheniem selskogo khozyaistva kapitalisticheskikh stran" (October 6, 1927) [A.V. Chayanov's letter to V.M. Molotov about the note "On the current state of agriculture in the USSR compared with the state of agriculture in the capitalist countries"], A.V. Chayanov. *Ne publikovavshiesya i maloizvestnye raboty*, Moscow: Dashkov i Co, 2003, pp. 205–244.
- Chayanov A. (1927b) Pismo A.V. Chayanova v Gosplan SSSR o zamechaniyah na proekt pyatiletnego plana "Perspektivy razvitiya narodnogo khozyaystva SSSR na 1928–1931 gg." (October 28, 1927) [A.V. Chayanov's letter to the Gosplan of the USSR with the comments on the draft five-year-plan "Prospects for the development of the national economy of the USSR for 1928–1931"], A.V. Chayanov. *Ne publikovavshiesya i maloizvestnye raboty*, Moscow: Dashkov i Co, 2003, pp. 200–204.
- Erich A. (1971) *Die Industrialisierungs debatte in der Sowjetunion 1924–1928*, Frankfurt.
- O krestyanskom sovkhoze [On the peasant state farm] (1928) *Pravda*, June 6 — July 11.
- Hunter H., M. Szyrmer (1992) *Faulty Foundations. Soviet Economic Policies, 1928–1940*, Princeton.
- Krebs C. (1983) *Die weltanschaulichen und wirtschaftstheoretischen Grundlagen der Agrartheorie im Marxismus-Leninismus*, Berlin.
- Merl S. (1981) *Der Agrarmarkt und die Neue Ökonomische Politik. Die Anfänge staatlicher Lenkung der Landwirtschaft in der Sowjetunion 1925–1928*, München–Wien: Oldenbourg.
- Merl S. (1985b) *Die Anfänge der Kollektivierung in der Sowjetunion. Der Übergang zur Staatlichen Reglementierung der Produktions- und Marktbeziehungen im sowjetischen Dorf (1928–1930)*, Wiesbaden: Otto Harrassowitz.
- Merl S. (1990) *Bauern unter Stalin. Die Formierung des sowjetischen Kolchossystems, 1930–1941*, Berlin: Duncker & Humblot.
- Merl S. (Ed.) (1993) *Sowjetmacht und Bauern. Dokumente zur Agrarpolitik und zur Entwicklung der Landwirtschaft während des "Kriegskommunismus" und der Neuen Ökonomischen Politik*, Berlin: Duncker & Humblot.
- Merl S. (2012) *Politische Kommunikation in der Diktatur. Deutschland und die Sowjetunion im Vergleich*, Göttingen: Wallstein.
- Merl S. (2013) Kooperativnoe dvizhenie v tsarskoj Rossii v pervye gody sovetskoj vlasti: rol v natsionalno-gosudarstvennom stroitelstve [Cooperative movement in Tsarist Russia

- in the first years of the Soviet power: Role in the nation-state building], *Krestyanovedenie. Teoriya, Istorija, Sovremennost. Uchenye Zapiski*, vol. 8, pp. 51–101.
- Merl S. (2016) Why did the attempt under Stalin to increase agricultural productivity prove to be such a fundamental failure? On blocking the implementation of progress in agrarian technology (1929–1941). *Cahier du Monde Russe: Terres, sols et peuples: expertise agricole et pouvoir (XIX–XX siècles)*, vol. 57, no 1, pp. 191–220.
- Merl S. (2017) The peasants and the October Revolution. *Velikaja rossijskaja Revoljutsija 1917: 100 let izuchenija. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii*, Moscow, pp. 453–460.
- Merl S. (2019) Reassessment of the Soviet agrarian policy in the light of today's achievements. *Russian Peasant Studies*, vol. 4, no 1, pp. 45–69.
- Merl S. (2020) Agricultural reforms in Russia from 1856 to the present. Successes and failures in the international comparative perspective. *Russian Peasant Studies*, vol. 5, no 2, pp. 56–87.
- Merl S. (2021) Why the Soviet Union under Khrushchev and Brezhnev failed with the complex mechanization of agriculture. Internal aspects (1953–1986). *Russian Peasant Studies*, vol. 6, no 1, pp. 26–69.
- Rossiiskie ekonomicheskie reformy v regionalnom izmerenii [Russian economic reforms in the regional dimension]. *Sb. materialov Vserossijskoj nauchnoj konferentsii, posvyashchennoj stoletiju nachala NEPa*, Novosibirsk.
- Schmieder M. (2017) "Fremdkörper im Sowjet-Organismus". *Deutsche Agrarkonzessionen in der Sowjetunion 1922–1934*, Stuttgart: Steiner.
- Solomon S. G. (1977) *The Soviet Agrarian Debate. A Controversy in Social Science, 1923–1929*, Boulder.
- Wehner M. (1998) *Bauernpolitik im proletarischen Staat. Die Bauernfrage als zentrales Problem der sowjetischen Innenpolitik 1921–1928*, Köln u.a.

Реалистичность чаяновской теории крестьянского сельского хозяйства при советской власти: возникновение «культурников» в ответ на политику «Лицом к деревне»

Штефан Мерль, доктор исторических наук, профессор Билефельдского университета, Университетштрассе, 25, 33615, Билефельд (Германия).
E-mail: smerl@uni-bielefeld.de

Аннотация. Политика «Лицом к деревне» — короткий и несправедливо забытый эпизод советской истории. Эта программа развития сочетала социалистическое строительство и индустриализацию с развитием крестьянского сельского хозяйства. Программа были принята на Пленуме ЦК КПСС в апреле 1925 года (на короткий срок), а разрабатывали ее такие аграрные специалисты, как Челинцев, Кондратьев и Макаров, т. е. люди, близкие Чайанову по взглядам. Некоторые крестьяне позитивно восприняли программу: ответив на призыв партии, «культурники» начали рационализировать свои хозяйства «культурным образом» — на основе сельскохозяйственных исследований. В статье оценивается осуществимость политики «Лицом к деревне» после двух принципиальных изменений 1925–1927 годов — практически полного прекращения государственного финансирования сельского хозяйства и возврата к классовой борьбе на селе (против воображаемых кулаков). Аргументация политических решений содержала упоминания заявлений Чайанова и его коллег Молотову в октябре 1927 года.

Автор описывает первое обращение государства к основным проблемам сельского хозяйства в начале 1920х годов, а также как и почему НЭП породил иную программу сельскохозяйственного развития — «Лицом к деревне», которая серьезно пересмотрела прежние позиции большевиков. Автор называет причины неудачи

этой программы и то, как изменения в стратегии индустриализации страны повлияли на политические решения в отношении деревни. Для реализации программы «Лицом к деревне» решающее значение имела позиция крестьянства. В статье рассмотрены государственные меры сельскохозяйственного развития, отчаянная борьба «культурников» против дискриминации, а также оценки Чаяновым и его школой этой программы и перспектив «трудящихся крестьян».

Заключение: 1) Аграрная программа «Лицом к деревне» не имела альтернативы после политического решения о приоритетной поддержке индустриализации; только культурники как зажиточные крестьяне могли наращивать сельскохозяйственное производство в таких условиях — благодаря высокой доходности и низким издержкам. Однако политическая дискриминация и угроза конфискации имущества сдерживали их усилия по развитию своих хозяйств. Таким образом, не существовало способа совместить возврат к «классовой борьбе» с кулаками и программу «Лицом к деревне». Внутрипартийная борьба за власть имела катастрофические последствия не только для «культурников», но и для сельскохозяйственного производства и экспорта. 2) Автор предлагает прекратить бесплодные дебаты о «классовой дифференциации» крестьянства и сосредоточиться на предельно важном вопросе 1920х годов: действительно ли рост сельскохозяйственного производства и его эффективности требовал аграрной экспертизы (способных на это крестьян и исследователей) и государственной финансовой поддержки (столь необходимых институтов, как кооперативы). Аграрная экспертиза и государственное финансирование были основными запросами Чаянова к Молотову в 1927 году. Партийное руководство (от Сталина до Брежнева) не понимало, что не только промышленность, но и сельское хозяйство быть успешны только при условии использования экспертного знания, а не командного подхода.

Ключевые слова: Чаянов, крестьянское сельское хозяйство, советское сельское хозяйство, аграрные эксперты, советская власть, культурники, «Лицом к деревне»

1918 год в жизни А. В. Чаянова: кооперация, литературное творчество и анархизм

Т. А. Савинова

Татьяна Александровна Савинова, кандидат экономических наук, начальник отдела Российского государственного архива экономики (РГАЭ), сотрудник Чаяновского исследовательского центра МВШСЭН. 119435, Москва, ул. Большая Пироговская, 17. E-mail: savinova30@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию жизни и деятельности великого российского экономиста А. В. Чаянова в переломном 1918 году. В статье впервые вводятся в научный оборот ряд документов из фондов Российского государственного архива экономики и Отдела рукописей Российской государственной библиотеки. Рассмотрена работа Чаянова в органах кооперации — в кооперативном издательстве, в Совете Центрального товарищества льноводов, в Комитете по охране художественных сокровищ, созданном по его предложению постановлением кооперативного съезда. Отмечается важная роль кооперации в процессе выживания научной и творческой интеллигенции в условиях начавшейся Гражданской войны. Также в статье затрагиваются вопросы создания и интерпретации литературных произведений Чаянова, уточнения его идеологической позиции, которые помогают понять его внутреннее психологическое состояние и эволюцию мировоззрения на пути поиска своего места в жизни постреволюционной советской России.

Ключевые слова: А. В. Чаянов, кооперация, издательская комиссия, литературное творчество, анархизм

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-2-38-46

В этом году исполняется 90 лет с момента осуждения группы российских экономистов по делу Трудовой крестьянской партии (ТКП) и 35 лет с момента их реабилитации. За эти годы проведено немало исследований жизни и деятельности ученых, но период забвения тяжело сказался на изучении их биографий, которые содержат еще немало белых страниц. Особенно это относится к тяжелейшему времени Революции и Гражданской войны, не сохранившему для нас достаточного количества биографических документов, как по объективным, так и по субъективным причинам.

1918 год для многих представителей русской интеллигенции стал точкой отсчета новой жизни и моментом принятия решений о своей дальнейшей судьбе. Каким же этот год был для А. В. Чаянова?

Кооперация

Согласно библиографии, уточненной сотрудниками Чаяновского центра, в 1918 году ученым было опубликовано 32 работы, 18 из ко-

торых посвящены вопросам кооперации и льноводства, а чаще именно льноводной кооперации (Библиография..., 2020: 32–34). А. В. Чаянов начал заниматься этими темами еще со студенческой скамьи, когда вице-президент Московского общества сельского хозяйства А. И. Угримов пригласил его к участию в совещании с представителями льняного дела, а также на возобновившиеся в 1908 году заседания Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах. Публикуя в следующие годы статьи о значении льна в организации крестьянского хозяйства, выступая на съездах представителей льняного дела, читая лекции на кооперативных курсах, Чаянов быстро завоевал авторитет в кооперативной среде и вместе с единомышленниками в 1915 году принял активное участие в организации Центрального товарищества льноводов (ЦТЛ). Товарищество успешно решало экономические задачи отрасли: сбор, сортировку, переработку, транспортировку и продажу льна. Оборот ЦТЛ в первые 10 месяцев составил около 1 млн 410 тыс. рублей¹. Эта деятельность происходила на фоне общего роста и развития кооперации в России, пополнения ее мощными интеллектуальными силами, которые не хотели довольствоваться только экономической стороной, и эти стремления отразились в принятом Временным правительством 20 марта 1917 года «Положении о кооперативных товариществах и их союзах»².

В 1917 году представители кооперации попытались выйти на политическую арену в качестве самостоятельной силы. Именно как кооператор Чаянов был избран в Совет республики (Предпарламент), рекомендован на пост товарища министра земледелия последнего состава Временного правительства и баллотировался на выборах в Учредительное собрание от Владимирской губернии. Поход в политику закончился для Чаянова, как и для многих других, неудачей.

В следующем, 1918 году продолжался количественный рост и союзное строительство сельскохозяйственной кооперации, состоялась очередная ее всероссийский съезд, было возобновлено издание журнала «Кооперативная жизнь», открыт Кооперативный институт, но все это было продиктовано прежде всего экономическим кризисом, стремлением выжить в условиях нарастающего хаоса, голода и разрухи. Как писал А. Н. Минин, миллионы людей в кооперацию загоняла нужда, она становилась главной «кормилицей».

Члены Совета Всероссийских кооперативных съездов не были здесь исключением, в том числе и Чаянов. Среди немногих сохранившихся документов Совета наибольший интерес представляют протоколы заседаний его издательской комиссии, проходивших с декабря 1917 по октябрь 1919 года, на которых рассматривались

1. Кооперативная жизнь. 1917. № 1. С. 59.

2. Сборник постановлений Временного правительства по кооперации. М., 1917. С. 3–16.

предложения кооператоров об издании их произведений³. В 1918 году Чаянов был одним из самых издаваемых авторов. Уже в январе он предложил комиссии издать две его брошюры. Одну из них под заглавием «Основные условия успеха кооперативного сбыта продуктов сельского хозяйства» ему было рекомендовано переименовать; она вышла под названием «Организация кооперативного сбыта». Вторая — «Капиталы крестьянского хозяйства и его кредитование при аграрной реформе» — была принята к публикации тиражом 5000 экземпляров. Максимальным тиражом в 50 тысяч за все время были изданы только два произведения: статья М. И. Туган-Барановского «Кооперативный идеал» и «Краткий курс кооперации» Чаянова (2-е издание вышло в 1919 году).

Популярность работ Чаянова позволяла ему диктовать условия при выплате гонораров (новые брошюры — 400 руб. за печатный лист; переиздания — 300 руб. за п.л.)⁴, получать от издательской комиссии тематические предложения для будущих работ и инициировать их самому. Так, ему рекомендовалось написать работы: «Значение кооперации в современной жизни России», «Роль кооперации в международной торговле», «Льняное дело и кооперация», «Учебник по сельскохозяйственной кооперации». Со своей стороны он предложил осветить тему «Что такое торговый договор, что такое Брестский торговый договор», издание картограмм и диаграмм в виде серии открыток по вопросу «что теряет Россия по Брестскому договору»⁵. Предложения были приняты комиссией, но не реализованы автором.

Помимо подготовки научно-популярных изданий Чаянову помогала выжить и работа в Совете ЦТЛ. Позиции этого объединения — одного из крупнейших членов Всероссийских кооперативных съездов — в 1918 году сильно пошатнулись, но именно его Чаянов представлял на учредительном собрании Всероссийского закупочного союза сельскохозяйственной кооперации (Сельскосоюз), состоявшемся в декабре. Однако Декрет о государственной организации снабжения (ноябрь 1918 года), национализация Московского народного банка (декабрь) и ряд декретов начала 1919 года положили конец существованию независимой кооперации в России.

Еще одним направлением активности Чаянова на ниве кооперации стала работа по сохранению памятников культуры. По его инициативе постановлением кооперативного съезда был создан Комитет по охране художественных сокровищ, который возглавил И. Э. Грабарь. В агитационном сборнике комитета «Кооперация и искусство» статья Грабаря называлась «Очнитесь, граждане!», а Чаянов в статье «Кооперация и художественная культура

3. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 533. Оп. 1. Д. 1а.

4. Там же. Л. 89 об.

5. Протокол № 18 от 15 июля 1918 г. Там же. Л. 82 об.

России» писал: «С болью в сердце хочется крикнуть всем, кто хочет не только потреблять, но и создавать культуру, — защищайте национальные сокровища, защищайте, пока не поздно!» (Чаянов, 2008: 146). Хотя на кооперативные деньги комитету удалось спасти от расхищения и продажи некоторые очень значительные художественные ценности, перспективы его деятельности в условиях Гражданской войны также не внушали энтузиазма.

Литературное творчество

Два названия в библиографии работ Чаянова 1918 года выпадают из общего ряда. Первое — «История Миусской площади (К истории Университета им. А. Л. Шанявского)» — одна из двух значительных исторических краеведческих работ ученого о Москве (позднее появится «Петровско-Разумовское в его прошлом и настоящем»). Историю своего родного города он изучал глубоко и с пристрастием. «Словом, история площади нашей как будто бы начинается только на нашей памяти, и до 1910 года, когда площадь была впервые вымощена, она была, в сущности, пространством. Однако у этого пространства все же были свои легенды и некоторая литература», — пишет Чаянов в начале очерка о Миусской площади (Чаянов, 2008: 7), а затем подробнейшим образом исследует эти легенды, литературу и особенно старинные планы Москвы XVII–XIX веков. Очерк о Миуссах — образец сочинения по исторической географии. Однако странным образом оба его московедческих опуса посвящены местам, где проходила значительная часть его жизни и с которыми он вынужден был рано или поздно расставаться.

Преподавателем Московского городского народного университета им. А. Л. Шанявского Чаянов был избран решением Попечительского совета 13 сентября 1910 года и приглашен в 1910/11 академическом году читать курс «География и история хозяйственного быта» на открывшихся научно-популярных курсах, а в 1911/12 году — курс «География»⁶. По духу демократизма, прогрессивному составу преподавателей и интересу слушателей народный университет был с самого основания (1908) близок его любимой Петровке. В 1912 году на Миусской площади было открыто новое здание университета. В 1916–1917 годах на созданный в университете кооперативных курсах Чаянов читал специальный курс сельскохозяйственной экономики, куда в качестве подразделов входили: крестьянское хозяйство, рынковедение, сельскохозяйственные кооперативы, сельскохозяйственная кооперация на Западе и в России, основные задачи общественной агрономии (Фандо, 2018: 273). В 1917 году ввиду финансового кризиса университет начал приходить в упадок, а в 1918 году был национализирован. Управление

6. РГАЭ. Ф. 731. Оп. 1. Д. 37. Л. 1-2.

перешло к Народному комиссариату просвещения, который с ним не справился. Судьба университета волновала Чайнова, он неоднократно писал об этом в «Вестнике шанявцев», однако в 1919–1920 годах его академические отделения присоединились к факультетам МГУ, а научно-популярное перешло Коммунистическому университету им. Я. М. Свердлова, который и занял прекрасное здание бывшего народного университета (Фандо, 2018: 256). Это была очередная потеря 1918 года.

Сейчас в этом здании располагается Российский государственный гуманитарный университет, а Чайнов, окунувшись в своем очерке в древнюю историю и отдав дань месту, которое так много для него значило, вернулся на Миуссы через много лет в названии улицы его имени.

В 1966 году в письме к историку Б. Кербле вдова Чайнова О. Э. Гуревич особо отмечала любовь мужа к русской старине («Благодарю Вас...», 2018: 9), а старинная Москва окружала его с детства и присутствовала не только в его краеведческих работах, но и в фантастических повестях. Первая романтическая повесть Чайнова «История парикмахерской куклы, или Последняя любовь московского архитектора М.» вышла в 1918 году.

Библиофилы, книговеды и литературоведы вспомнили о Чайнове едва ли не ранее экономистов. В его фонде в РГАЭ хранится письмо воронежского библиофила и книговеда О. Г. Ласунского от 20 марта 1967 года, адресованное О. Э. Гуревич, из которого следует, что он ничего не знает о жизни Чайнова, но все романтические повести ему известны. И в статье своего сборника он уделяет некоторое внимание «Истории парикмахерской куклы...», называя ее занимательной, а язык, которым она написана, «чистым, образным, пронизанным легкой шутливой интонацией» (Ласунский, 1980: 186).

Следующее упоминание о повести мы встречаем в статье Леонида Черткова «Чайнов как прозаик», помещенной в сборник из пяти повестей и пьесы «Обманщики», изданный в Нью-Йорке в 1982 году на основе уникальных экземпляров из библиотек Александра Бахраха, лично знакомого с Чайновым во время его пребывания в Берлине, и Эрика Первухина. Критик отметил, что «повесть выдержана в несколько пародийно-ироническом ключе... и эту вещь можно скорее рассматривать как заявку на жанр» (Чайнов, 1982: 28). Тем не менее, по мнению Черткова, «повесть написана живо и занимательно», и сюжет ее может быть основан на реальных исторических случаях, примеры которых приводились в газетах. Он, в частности, упомянул предположение современников, что прототипом главного героя повести являлся архитектор Владимир Матвеевич Маят.

Много внимания уделил повести И. В. Герасимов, который, анализируя все фантастические повести Чайнова, препарировал его мировоззрение в духе теории К. Г. Юнга о сознательном и бессознательном. Исследователь попытался прочесть «за фантастиче-

скими или нелепыми образами чаяновских повестей те реальные обстоятельства, которые волновали Чаянова» (Герасимов, 1997: 15) и методом аналитической психологии решить историческую «загадку»: «Как получилось, что огромная часть российской профессиональной интеллигенции (писатели, инженеры, военные) в конце концов **сознательно** (здесь и далее выделено И. Герасимовым. — Т. С.) пошла на сотрудничество с советским режимом?» (Там же, 1997: 8). С литературной точки зрения Герасимов считает повести неуклюжим графоманством, но признает их единственными историческими «документами», отразившими внутренний мир Чаянова переходного времени. В мире художественных образов, созданных Чаяновым, исследователь усматривает процесс «внутренней трансформации, связанной с необходимостью адаптации к новому режиму... в форме глубокого внутреннего конфликта, чреватого личностной катастрофой...» (Там же, 1997: 28).

Но в исторических исследованиях нельзя не владеть и пренебрегать фактографией, это в конечном итоге приводит к размыванию принятой концепции. Обратимся к Чаянову. «Московский архитектор М., строитель одного из наиболее посещаемых московских кафе, известный в московских кругах более всего событиями своей личной жизни в стиле мемуаров Казановы, однажды, проходя мимо кофейной Тверского бульвара, почувствовал, что он уже стар», — так начинается повесть (Чаянов, 2006: 49). Одной из первых работ архитектора Владимира Маята (выполненной совместно с П. П. Кончаловским, С. Т. Коненковым, Н. А. Эйхенвальдом) стали интерьеры кофейной Д. И. Филиппова, которая находилась по адресу Тверская, 10. Сейчас здание на реставрации и, возможно, часть утраченных интерьеров будет восстановлена. В момент написания повести Маят приходился свояком Чаянову, так как был женат на сестре его жены Елены Васильевны — Нине. Он был старше Чаянова на 12 лет и вполне мог показаться ему старым. Если так, то никаких «автобиографических черт самого автора», как предполагает Герасимов, главный герой повести не несет.

Тесть Чаянова, В. Н. Григорьев, оставил примечательную характеристику своим зятям в письме к В. Г. Короленко: «Да, ведь ты не знаешь, что Нина моя теперь замужем не за Ивановым (они разошлись во время войны), а за Влад[имиром] Матв[еевичем] Маятом (подчеркнуто автором. — Т. С.) — архитектором, художником и большим любителем всякой древности (от картин, гравюр до мебели и фарфора). У него от первой жены двое детей, забота о них легла на Нину, что нелегко вообще, а в данное время особенно. Он человек не дурной, но не из нашей среды и большой эгоист. О Чаянове ты больше знаешь. Он оч[ень] способный человек, группирует вокруг себя молодых профессоров-экономистов, сам страх [как] много работает: издает книги, читает лекции и в Петров[ской] академии, и в университете, и публичные, его по всем аграрным вопросам тягают в разные комиссии, и оба они с Лелей

также стариной увлекаются, а он — знаток старой Москвы в особенности»⁷. Сестры Григорьевы, хотя и не были сиаемскими близнецами, как героини чайновской повести, но были погодками, похожими внешне, имея разные характеры, были очень близки, помогая друг другу во всем, и в описании сестер Генрихсон можно обнаружить много их черт. Кстати, в мае 1918 года Нина родила дочь, которую назвали Еленой.

Даже если эта повесть — сон, отражение подсознательного, как считает Герасимов, часто участниками снов являются наши близкие, и в данном случае легко просматриваются семейные персонажи. Возможно, созданием повести деятельному Чайнову захотелось не только во сне, но и наяву выразить свое отношение к эстету и снобу Маяту.

Идеология

Несмотря на все потери и трудности изучения событий 1918 года, мы можем выяснить главную причину необходимости «внутренней трансформации» и «адаптации к новому режиму» Чайнова, обратившись к его собственным свидетельствам, минуя фантастические повести и Юнга. После его доклада о современном положении кооперации 23 декабря 1918 года на II Всероссийском съезде Советов народного хозяйства к нему из зала обратился один из присутствующих по фамилии Семенов: «Как полагает товарищ Чайнов, взаимоотношения сельскохозяйственной кооперации и социализма в дальнейшей стадии должны быть слиты или только согласованы, как он это понимает?»⁸ Ответ Чайнова содержал чуть ли не единственное высказывание, отражающее идеологические пристрастия ученого этого времени: «Я при моей анархо-идеологии до некоторой степени не могу говорить от своего имени, потому что моя идеология более близка к идеологии Кропоткина, которая ставит несколько иные картины»⁹. Он дал совет слушателю обратиться к работе Туган-Барановского «Кооперативный идеал».

Анархизм предполагает свободу личности, в том числе от государства и власти, и, очевидно, уже в конце 1918 года Чайнов понимал, что для жизни и деятельности в России, которую он не собирался покидать, это невозможно. В то же время мы не можем не согласиться с Б. Кербле, который писал, что «в противоположность аристократам-дилетантам или эстетам, которые удалялись от действительной жизни, Чайнов ставит на службу крестьянству весь свой ум и все свое благородство. Это не «хождение в народ»

7. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 135. Карт. 22. Ед. хр. 16. Л. 28 об.

8. РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 1. Д. 18. Л. 18.

9. Там же. Л. 23.

романтиков-идеалистов, это — объективный анализ действительности и немедленное приложение полученных результатов в практической работе» (Кербле, 2018: 19), чтобы ее продолжать и быть полезным новой России, надо было учиться искусству компромисса, которым Чаянов вскоре овладел в совершенстве.

Подводя итоги «первого года республики» в судьбе российского интеллигента и ученого Чаянова, мы видим, что в трудных условиях новой жизни он был не только способен к практической и интеллектуальной деятельности в настоящем, но готовился, по-видимому, и к решению вопроса о своем будущем.

Библиография

- Библиография школы Чаянова: направления исследования. Методическое пособие (2020) / Сост. В. О. Афанасенков, И. А. Кузнецов, А. М. Никулин, Т. А. Савинова. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- «Благодарю Вас сердечно за то, что Вы извлекли из небытия труды и имя Александра Васильевича Чаянова»: переписка О. Э. Гуревич и Б. Кербле (2018) // Крестьяноведение. № 4. С. 9–16.
- Герасимов И. В. (1997). Судьба человека переходного времени. Случай Александра Чаянова. Казань: Издательство АННА.
- Кербле Б. (2018). А. В. Чаянов. Эволюция аграрной мысли в России с 1908 до 1930 г.: на перекрестке // Крестьяноведение. № 4. С. 17–68.
- Ласунский О. (1980). Чаяновские издания // Власть книги. Рассказы о книгах и книжниках. М.: Книга.
- Фандо Р. А. (2018). Университет им. А. Л. Шанявского на фоне смены эпох. М.: Акварель.
- Чаянов А. (1982). История парикмахерской куклы и другие сочинения ботаника Х. New York: RUSSICA PUBLISHERS, INC.
- Чаянов А. В. (2006). Московская гофманиада. М.: Издательский дом Тончу.
- Чаянов А. В. (2008). Избранное: Статьи о Москве. Письма (1909–1936). М.: Издательский дом Тончу.

1918 in the life of A. V. Chayanov: Cooperation, writing and anarchism

Tatyana A. Savinova, PhD (Economics), Head of the Department of the Russian State Archive of Economics, Researcher, Chayanov Research Center, Moscow School of Social and Economic Sciences. 119435, Moscow, Bolshaya Pirogovskaya St., 17. E-mail: savinova30@yandex.ru

Abstract. The article considers the life and work of the great Russian and Soviet economist A. V. Chayanov in the watershed year of 1918. The article introduces into the scientific circulation a number of documents from the funds of the Russian State Archive of Economics and of the Department of Manuscripts of the Russian State Library. The author describes the work of Chayanov in the bodies of cooperation — cooperative publishing house, Council of the Central Association of Flax Growers, and Committee for the Protection of Art Treasures which was established at his suggestion by the decision of the cooperative congress. The author emphasizes the role of cooperation in the survival of the scientific and creative intelligentsia under the hunger, devastation and chaos after the outbreak of the Civil War. Among the few surviving documents of the Coun-

cil of All-Russian Cooperative Congresses, the most interesting are the meetings of the publishing commission, which prove that in 1918, Chayanov was one of the most published authors. The Council of the Central Association of Flax Growers helped Chayanov to survive, although its position as a key member of the All-Russian Cooperative Congresses was greatly shaken. The article describes the work of Chayanov in the Committee for the Protection of Art Treasures. The author considers the creation, criticism and role in Chayanov's biography of his two fiction works — *History of Miusskaya Square (to the history of the University named after A. L. Shanyavsky)* and *History of a Barber's Doll, or the Last Love of the Moscow Architect M.* — and the ideology of Chayanov at the end of 1918, which helps to understand his psychological condition and the evolution of his worldview when searching for his place in the life of new Russia.

Key words: A. V. Chayanov, cooperation, publishing committee, writing, anarchism

References

- Bibliografiya shkoly Chayanova: napravleniya issledovaniya. Metodicheskoe posobie [Bibliography of Chayanov's School: Directions of Research. Methodological Guide] (2020) / Sost. V. O. Afanasev, I. A. Kuznetsov, A. M. Nikulin, T. A. Savinova, Moscow: Izdatelsky dom "Delo" RANKhiGS.
- "Blagodaryu Vas serdechno za to, chto Vy izvlekli iz nebytiya trudy i imya Aleksandra Vasilievicha Chayanova": perepiska O. E. Gurevich i B. Kerblaya [Gurevich O. E., Kerblay B. "I thank you heartily for bringing the works and the name of Alexander Vasilievich Chayanov from oblivion"] (2018). *Russian Peasant Studies*, no 4, pp. 9–16.
- Gerasimov I. V. (1997) *Sudba cheloveka perekhodnogo vremeni. Sluchay Aleksandra Chayanova* [The Fate of the Man during the Transition. The Case of Alexander Chayanov], Kazan: Izdatelstvo ANNA.
- Kerblay B. (2018) A. V. Chayanov. Evolyutsiya agrarnoy mysli v Rossii s 1908 do 1930 g.: na perekrestke [A. V. Chayanov. Evolution of the Russian agrarian thought from 1908 to 1930: At the crossroads]. *Russian Peasant Studies*, no 4, pp. 17–68.
- Lasunsky O. (1980) Chayanovskie izdaniya [Chayanov's publications]. *Vlast knigi. Rasskazy o knigah i knizhnikah*, Moscow: Kniga.
- Fando R. A. (2018) *Universitet im. A. L. Shanyavskogo na fone smeny epoch* [University named after A. L. Shanyavsky under the Change of Eras], Moscow: Akvarel.
- Chayanov A. (1982) *Istoriya parikmacherskoy kukly i drugie sochineniya botanika X* [History of a Barber's Doll and Other Works of the Botanist X], New York: Russica Publishers.
- Chayanov A. V. (2006) *Moskovskaya gofmaniada* [Moscow Hoffmanniada], Moscow: Izdatelsky dom Tonchu.
- Chayanov A. V. (2008) *Izbrannoe: Statyi o Moskve. Pisma (1909–1936)* [Selected Works: Articles about Moscow. Letters (1909–1936)], Moscow: Izdatelsky dom Tonchu.

«Хождение крестьянина в компартию и обратно»: волостные крестьянские организации РКП(б) в 1918–1920 годах (по архивным материалам Вятской губернии)

Ю. Н. Тимкин

Юрий Николаевич Тимкин, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Вятский государственный университет. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36. E-mail: timkin43@mail.ru

Аннотация. В статье в рамках проблемы взаимоотношения власти и народа рассматривается история возникновения и функционирования волостных крестьянских ячеек РКП(б) в Вятской губернии в 1918–1920 годах. В качестве источников использованы материалы Центрального государственного архива Кировской области и Государственного архива общественно-политической истории Удмуртской Республики. В ходе проведенного исследования автор пришел к следующим выводам. В деревне, где преобладали крестьяне-общинники, стремившиеся развивать свое хозяйство на рыночных основаниях, не было почвы для добровольного принятия идей коммунизма. Крестьяне ожидали от новой власти в 1917 году решения в первую очередь вопросов социально-экономического характера: нарезка земли, строительство дорожной инфраструктуры, обустройство социальной сферы и др. Большевики, лишь отчасти удовлетворив запросы крестьян, вызвали сильнейшее недовольство насилием, как в продовольственной политике, так и в других сферах жизни. Именно это обстоятельство привело к кризису волостных ячеек партии в 1919–1920 годах. Ячейки, возникшие как объединения крестьян, сочувствующих новой власти, в итоге либо распались, либо стали структурами, состоявшими из сотрудников и служащих волостных советских учреждений.

Ключевые слова: история крестьянства, Вятская губерния, община, волостные организации РКП(б), кризис «военного коммунизма»

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-2-47-67

Тема взаимоотношения крестьянства и большевистской партии остается одной из актуальных в отечественной историографии, так как она касается проблемы причин победы революции 1917 года, а также характера новой власти и последующей ее эволюции. Этой теме посвящено огромное количество работ, опубликованных как в советское время, так и после 1991 года, однако в местной современной историографии она все еще не исследована.

Вятская губерния, как известно, относилась к регионам, крестьянство которых не знало крепостного права и власти помещиков. В 1859 году крепостные составляли 1,7% всего населения губернии (Памятная книжка, 1911: 35–36). Абсолютное большинство крестьян принадлежало к числу государственных. Ко времени революции

1917 года среди крестьян преобладали середняки. Декрет о земле не сыграл большой роли для них. Согласно ведомости, составленной губернским земельным отделом губисполкома 10 апреля 1918 года, крестьяне получили 172 тыс. десятин конфискованных частновладельческих, казенных, монастырских земель, что составляло лишь 4% всех земель сельскохозяйственного назначения (Установление и упрочение..., 1957: 481–482). Разумеется, это не могло вызвать энтузиазма среди крестьян, которые в 1920 году составляли 94,7% населения губернии (200 лет..., 1996: 34). Чего же ждали они от новой власти?

В отчете Котельничского укома в феврале 1923 года отмечалось, что крестьяне «мало восприимчивы к революционной борьбе и лишь наличие демобилизованных красноармейцев являет собой более прогрессивный элемент»¹. Об этом свидетельствует политическая жизнь губернии 1917–1918 годов, когда именно вернувшиеся с фронта солдаты и матросы играли главную роль в установлении новой власти на местах. И все же вряд ли только этим объясняется поведение крестьян, поддержавших новую власть. Крестьянство губернии проявляло активность и в годы Первой Русской революции; как объясняли вятские делегаты съезда Всероссийского Крестьянского союза в 1905 году, «у нас живется все-таки страшно тяжело» (Цит. по: Шанин, 1997: 173–174). После проведения реформ 1860–1870-х годов развитие буржуазных отношений ускорилося, в деревню стали проникать товары фабричного производства. То же можно сказать и об элементах городской культуры: газеты, журналы, предметы быта, гигиены и т. д. Все это пользовалось большим спросом среди крестьян, но стоило дорого, а доходность крестьянского хозяйства была низкой. Как показала А. А. Дмитриенко, проанализировавшая приговоры крестьян перед выборами во II Государственную думу, на «материальные проблемы в приговорах приходится 90% всей информации» (Дмитриенко, 2007: 29). Крестьян волновали следующие вопросы: улучшение системы коммуникаций, дополнительная нарезка земли, потребность в лесе, увеличение сенокосных угодий, открытие новых фельдшерских пунктов (Дмитриенко, 2007: 27–29). При этом политические и юридические аспекты деятельности Государственной думы не вызывали у них интереса. Таким образом, можно предположить, что крестьяне ждали от власти большевиков широкой программы социально-экономических улучшений: дорожное строительство, развитие системы дошкольного и школьного образования, здравоохранения, социального обеспечения и т. п.

1. Центральный государственный архив Кировской области (далее — ЦГАКО). Ф. 1. Оп. 2. Д. 399. Л. 37.

Пришедшие к власти большевики столкнулись с особым миром деревни, который они не понимали. Главную роль в социальной организации деревни играла община. По мнению историка В. Е. Мусихина, «чрезвычайная устойчивость в вятской деревне общины, которая являлась определенным гарантом выживаемости основной массы населения», была обусловлена низкой урожайностью, зависимостью результатов труда от погодных условий, слабостью развития товарно-денежных отношений (Мусихин, 1995: 283). Земельные переделы, различного рода крестьянские помочи сохранились в крае и после революции.

Как только в ходе революционных событий 1917–1918 годов крестьяне освободились от власти чиновников, активизировался процесс семейных разделов. Распад большой патриархальной семьи, начавшийся еще в конце XIX века, в 1920-е годы практически завершился. Как справедливо отметил Мусихин, с точки зрения регрессивности труда «этот процесс, безусловно, следует считать регрессивным» (Мусихин, 1995: 297). О том, насколько он был болезненным, свидетельствует заявление крестьянина Зыковской волости Яранского уезда Журавлева, заслушанного на заседании уездного исполкома 18 ноября 1918 года: «...Сын отделяется от престарелых отца и матери, которые не в состоянии кормить сами себя; отделяется брат от брата, один из которых искалечен войной. Одна у них лошадь, одна корова, две или три овцы. И все это приходится делить на два». При разделах «происходят всевозможные драки и убийства». Крестьянин жаловался: «Мы стремились наладить жизнь артельную, коммунистическую, но у нас происходит все наоборот: чрезвычайный упадок и уничтожение хозяйства»². Журавлев призвал уездный исполком запретить деление семей, численностью менее 15 чел., но поддержки не получил. Распад большой патриархальной семьи сопровождался всевозможными конфликтами и порождал у части крестьянского населения стремление покинуть место жительства, что способствовало росту социальной мобильности.

Весьма показательна биография видного вятского большевика Сергея Черепанова, сыгравшего важную роль в установлении новой власти в Яранске. Он родился в большой зажиточной крестьянской семье Кикнурской волости. Ее глава, отец Сергея, «работал не щадя себя и преждевременно умер»³. После его смерти руководство семьей перешло к деду, однако два его внука, братья Сергея, не смогли с ним ужиться и уехали в Сибирь на заработки. После семейной ссоры во главе семьи встал еще один брат Сергея, но он вел хозяйство неумело, от чего оно быстро пошло на убыль.

2. Там же. Ф. Р-882. Оп. 1. Д. 2. Л. 123, 123 об.

3. Там же. Ф. 128. Оп. 1. Д. 885. Л. 5.

Ю. Н. Тимкин
«Хождение крестьянина в компартию и обратно»: волостные крестьянские организации РКП(б) в 1918–1920 годах (по архивным материалам Вятской губернии)

Дед не выдержал этого и покончил с собой. Наконец, семью возглавил еще один брат Сергея, который «под палкой выдал замуж сестру (Сергея), бездельничал, пил...». Видя все это, Сергей Черепанов, которому едва исполнилось 14 лет, «плюнул на все» и, прибавив к своему возрасту 3 года, отправился на заработки на Урал. Очевидно, что семейная драма, разыгравшаяся в распадающейся патриархальной семье, нанесла юноше глубокую душевную рану, что, вероятно, сыграло не последнюю роль в становлении его как активного революционера.

В советской историографии социальные отношения в вятской деревне накануне революции 1917 года рассматривались преимущественно с точки зрения высокого уровня развития рыночных отношений, расслоения крестьянства на «бедняков» и «кулаков» (Быстрова, 1956: 148). Такое расслоение вполне объяснимо, когда речь идет о крестьянских хозяйствах, расположенных рядом с промышленными центрами (Дмитриев, Куликов, 1991: 15). В Вятской губернии к ним можно отнести лишь Ижевско-Воткинский и Вятско-Слободской районы. По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года безлошадные и однолошадные крестьяне составляли 76,7%, не имели коровы или имели одну — 55%. Домохозяйств без посевов и с посевами до 10 десятин насчитывалось 80,6% (Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи, 1916: 21, 172). А. С. Быстрова расценила эти цифры как свидетельство значительного расслоения деревни и наличия большого количества бедноты и малоимущего крестьянства, которых жестоко эксплуатировали кулаки. Но в ряде исследований аргументированно показана односторонность такого рода оценок (Соловьев, 2000: 197; Ошаев, 2003: 16).

Знакомясь с материалами переписи по одной из типичных волостей бассейна средней Вятки, убеждаешься, что деревня была в целом однородной в социальном и экономическом плане: у домохозяйина имелось по 1 лошади, 1–2 коровы, пашни — в среднем от 4 до 8 дес., в зависимости от состава семьи. До половины домохозяйев нанимало рабочую силу, прежде всего в период уборки урожая, а также весенней вспашки⁴. Казалось бы, последнее обстоятельство и свидетельствует о развитии рыночных отношений. Однако к найму пахарей прибегали те, в чьих хозяйствах не было мужчин. Что касается уборки урожая, то мы подсчитали: в одной из деревень, где было 23 крестьянских двора, было нанято 384 (!) человека⁵. Подобная картина характерна и для других деревень Кольковской волости Орловского уезда. Очевидно, что здесь речь идет о крестьянских помочах.

В начале XX века сельскохозяйственное производство, по наблюдению А. А. Соловьева, хотя и приобрело некоторые черты ка-

4. Там же. Ф. 574. Оп. 6. Д. 48а. Л. 3, 3 об.

5. Там же.

питалистической эволюции, «в целом имело направленность на воспроизводство традиционных методов хозяйствования...» (Соловьев, 2000: 199).

Военное лихолетье 1914–1920 годов, по сути, приостановило процесс расслоения крестьянства. Более того, итогом революционной смуты стало почти полное «осереднячивание» деревни. Во время Революции и Гражданской войны, безусловно, произошло разрушение производительных сил деревни. Огромный урон сельскому хозяйству нанесла политика продразверстки, когда часто проводилась конфискация семенного материала, повсеместно сокращались посевные площади, падала урожайность, не хватало продуктов питания, кое-где вспыхивал голод.

Революционные события мало изменили «земельный строй» губернии: преобладающим осталось крестьянское трудовое землепользование. После революции прежние крестьянские наделы в большинстве случаев остались не нарушенными. Произошли изменения во внутриобщинном землепользовании, которые выразились в ликвидации всех прав и преимуществ отдельных домохозяев. Хуторов по всей губернии осталось только 155. В этом ярко проявились эгалитарные традиции российского крестьянства, о которых писал Б. И. Колоницкий (Колоницкий, 1994: 25).

Процесс насильственного навязывания крестьянам коллективных форм хозяйства показан в диссертационном исследовании С. В. Фелова (Фелов, 2000: 282, 283). По подсчетам И. В. Чемоданова, численность коллективных хозяйств стала сокращаться во второй половине 1919 и в 1920 году (Чемоданов, 2014: 25–26). В 1925 году, согласно материалам губернской партийной комиссии по работе в деревне, их приходилось «буквально разыскивать»: комиссия признала «живыми» лишь 11 коммун, 1 сельскохозяйственное товарищество и 39 артелей (!)⁶. Становилось очевидным, что коллективные формы, которые внедрялись в деревне во времена политики «военного коммунизма», не отвечали интересам большинства крестьян.

В 1925 году, по данным губернской комиссии по работе в деревне, почти вся земля сельскохозяйственного назначения — более 4,2 млн дес. — находилась под контролем крестьянских общин. Государство распоряжалось 53 095 дес. (1,3%), а города — 13 530 дес. земли (0,3%). Количество десятин на одно крестьянское хозяйство варьировалось от 12,11 в Нолинском уезде до 19,52 — в Слободском, в среднем по губернии — около 16. Затрудняли развитие крестьянского хозяйства следующие обстоятельства: чересполосица (главным образом это касалось лугов), удаленность земли от двора в крупных селениях, неудобное очертание границ угодий⁷.

Во второй половине XIX — начале XX века в ходе начавшейся перестройки экономики и общества на пути капитализма многие

Ю. Н. Тимкин

«Хождение крестьянина в компартию и обратно»: волостные крестьянские организации РКП(б) в 1918–1920 годах (по архивным материалам Вятской губернии)

6. Там же. Ф. 1. Оп. 3. Д. 173. Л. 73–76.

7. Там же. Ф. 1. Оп. 3. Д. 173. Л. 134 об., 135 об.

крестьяне покидали деревню, переселялись в города и становились горожанами. Большевистская идеология и практика преломлялись в сознании вчерашних крестьян, осмысливались через призму их мировоззрения, обычаев и традиций. Большевики не могли не знать традиционную культуру, стремились использовать отдельные ее элементы в конструировании своей идеологии. Советскому государству пришлось со временем создавать аналоги народных объединений, так появились различные молодежные организации, повторяющие во многом формальную структуру крестьянских «бесед» и «артелей», но с иной идеологией и обрядностью (Базлов, 2002: 138).

Итак, в вятской деревне преобладали крестьяне-общинники, в большинстве своем середняки. Крестьян, разбогатевших на эксплуатации чужого труда, и полупролетариев, живущих исключительно продажей своего труда, было относительно немного.

Большевики и крестьяне: от незнания к непониманию

Первоначально вятская деревня в 1917 году, а кое-где и позднее, не имела определенного представления о большевиках и коммунизме. Традиционное сознание питалось самыми невероятными слухами. В докладе Яранского уездного комитета РКП(б) о своей деятельности с марта 1918 до 15 мая 1919 года отмечалось, что крестьянство в уезде «настолько темно, что верит каждому, даже нелепому слуху. Есть много уголков, где еще не могут разобраться, была ли революция или нет, не говоря о том, что она дала народу»⁸. После заключения Брестского мира и возвращения демобилизованных солдат, во время проведения уездных крестьянских съездов Советов произошло первое знакомство крестьян с новой властью. Крестьяне в массе своей к новой власти присматривались, но в проводимой политике, а тем более идеологии, не разбирались.

Сказанное партработниками порой не имело особой значимости для крестьян. Инструктор-организатор Георгий Ильичев, побывавший весной 1919 года в Вятской губернии и описавший свои беседы с крестьянами об оказании помощи РККА, сообщал: «...Они слушали внимательно, но только отошли в сторону... как тотчас забыли то, что им было сказано»⁹.

Когда крестьяне столкнулись с практической деятельностью большевиков, то их реакция изменилась. В докладе Яранской ЧК 3 мая 1919 года сообщалось: «Ни в коем случае нельзя сказать, чтобы деревня была близка к коммунизму. На партию коммунистов крестьяне смотрят как на что-то большое и опасное». Коммуниста «надо сторониться, не сказать лишнего слова, а то он донесет.

8. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 85. Л. 47.

9. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 85. Л. 13.

В глазах крестьянства он не авторитетен, это человек, забывший бога»¹⁰. Когда в деревню приезжает партийный агитатор, то крестьяне «слушают его без особого интереса и потом говорят: мели Емеля, твоя неделя, или: агитатор говорил много что-то, но мы совершенно ничего не поняли, или: мы слышали эти сказки, к чему он говорит так много, сказал бы несколько слов, да ясней...»¹¹.

16 мая 1919 года председатель Яранского уездного комитета РКП(б) Андрей Яранцев, анализируя состояние партийной работы в уезде во время Гражданской войны, подчеркивал, что крестьянство оказалось между двух огней: «таинственная “коммуния”, которую оно не в силах понять, а с другой стороны — Колчак, который столь же таинственный. И кто его знает, кто лучше... Главный идеал крестьянина — хозяйство, дающее возможность жить и независимо чувствовать себя...»¹².

В высказываниях крестьян стали звучать упреки в адрес партработников. Так, член Нолинского укома Вершинин, побеседовав с крестьянами некоторых волостей, сообщал услышанные претензии: «Вы получаете приличное жалование, вам хорошо живется, вам можно устраивать каждую неделю разные митинги и собрания...»¹³ В свою очередь, большевики не сразу поняли, что крестьяне оценивают их деятельность, исходя из своих, прежде всего материальных, интересов. На языке большевиков это называлось «шкурным» интересом и считалось проявлением контрреволюционных настроений.

Такое непонимание порождало конфликт, который грозил подорвать устои новой власти. Некоторые это осознавали. Так, в докладе представителя уездной избирательной комиссии Яранского уезда Н. Г. Коновалова подчеркивалось: «...Если бы мы, стоящие у власти, посмотрели, что творится в деревне, то во многом обвинили бы себя...»¹⁴

Революционные преобразования, их характер и последствия

Культурные преобразования большевиков в деревне в 1918–1920 годах носили противоречивый характер. Революция всколыхнула патриархальную деревню, вызвала определенный интерес к новой власти, вселила надежды и породила тревоги. Преобладающая часть населения «оставалась по-прежнему неграмотной», «активным и сознательным участником модернизационного культурного процесса была главным образом часть городского населения» (Бор-

10. Там же. Ф. 15. Оп. 2. Д. 43. Л. 2.

11. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 85. Л. 55.

12. Там же.

13. Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 30. Л. 72 об.

14. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 85. Л. 13 об.

чина, 2005: 15). Чтобы ускорить процесс культурных преобразований, большевиками «нередко использовались методы «военного коммунизма»: «чтецкая повинность, грамотные граждане обучали неграмотных и т. д.» (Там же: 18).

Государственное строительство в вятской деревне, как и отмеченное выше культурное, также имело противоречивые последствия. В системе социальной организации в первое десятилетие советской власти крестьянская община «продолжала доминировать во всех сферах деревенской жизни». Во время «военного коммунизма» община являлась «фактическим хозяином деревни в области земельно-хозяйственных отношений» (Вознесенская, 2008: 188). Роль общины была велика и в области советского строительства. Советы на низовом уровне «вырастали из общинных органов управления» (Там же: 51). В 1918–1920 годах «наблюдается постепенный отрыв низовых советских органов от общинного «тела» (Там же). В Советах все большую роль начинают играть исполкомы, а пребывание в составе Советов представителей от крестьянства стало рассматриваться как отбывание своеобразной «повинности». Именно исполкомы становятся опорой формирующейся в 1918–1920 годы большевистской диктатуры, они вынуждены исполнять распоряжения новой власти, порой очень непопулярные в крестьянской среде. Это относилось прежде всего к продовольственной политике большевиков.

Установление продовольственной диктатуры, насильственное изъятие хлеба продотрядами, введение продразверстки, чрезвычайного революционного налога — все это серьезно оттолкнуло крестьян от новой власти. Именно этот фактор сыграл главную роль в фактическом провале партийного строительства в сельской местности.

Летом–осенью 1918 года, в связи с введением чрезвычайного налога и мобилизацией в Красную армию, усилилось недовольство крестьянства, их выступления приобрели массовый характер. До сих пор не подсчитано общее количество крестьянских выступлений в 1918–1920 годах. Об их масштабе может свидетельствовать такой факт: только в Глазовском уезде (всего в губернии было 11 уездов) летом 1918 года произошло около 80 крестьянских волнений (Позднякова, 2015: 100). 12 августа 1919 года информатор отдела управления Глазовского уезда сообщил о высказываниях крестьян по поводу продовольственной политики: «От нас берут все, а нам ничего не дают»¹⁵. Председатель Яранского укома Павел Костерин 11 мая 1919 года писал: «Все приезжающие с мест в один голос свидетельствуют о недоверии крестьянства к советской власти... К теневой стороне необходимо причислить полное непонимание задач новой власти ее проводниками — волостными и сельскими комитетчиками. Зачастую на местах творится вакханалия насилий

15. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 79. Л. 31.

(об этом говорят давно), но до сего времени отдельные представители власти продолжают вести свою линию комиссародержавия и полного произвола...»¹⁶

Организация партийных ячеек

С лета 1918 года новая власть стала активно направлять в деревню агитаторов и организаторов с целью разъяснить проводимую политику и привлечь на свою сторону крестьянство. Именно их усилиями и возникли первые деревенские и волостные партийные ячейки. Организация ячеек шла несколькими способами, прежде всего отметим роль агитаторов. В январе 1919 года в Святицкой волости Глазовского уезда организатором выступил агитатор укома Лескин. Все вошедшие в ячейку дали подписку: «Я [такой-то] предан всем имущественным состоянием, душой и телом идее коммунизма навсегда, и готов исполнять требования свыше товарищей коммунистов, стоящих у власти. Если хотя одно неисполнение мною вышеупомянутого речательства, то я от коммунистов объявляю себя вне закона, в чём и распишусь». На собрании был установлен единовременный вступительный взнос в 5 руб., а членский взнос — 1% с заработка¹⁷. Агитатор, наладив контакт с местным населением, привлекает в состав ячейки «знакомых товарищей», затем «дело строительства ячейки рекламируется и публикуется в газетах»¹⁸.

Организаторами ячеек могли выступать и присылаемые в волости председатели волисполкомов. Так, в Бельской волости Глазовского уезда новый председатель волисполкома матрос Пасынков в январе 1919 года создал ячейку, куда вошли все члены волисполкома¹⁹. В циркуляре Уржумского уездного комитета 22 июля 1919 года отмечалось, что коммунисты «частенько навязчиво предлагали служащим и членам исполкомов заполнить партийные анкеты и вступить в члены партии. В большинстве случаев такие предложения делались в духе предписания...». В этой связи Уржумский уком указал на ненадежность членов партии, «насиленно принятых в партию»²⁰.

Идеи коммунизма и крестьяне

Созданные ячейки состояли из сочувствующих, которые, как правило, имели весьма смутное представление о программе и уставе

16. Крестьянин-коммунист. 1919. 11 мая.

17. Государственный архив общественно-политической истории Удмуртской Республики (далее — ГАОПИ УР). Ф. 2. Оп. 1. Д. 29. Л. 6.

18. ЦГАКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

19. ГАОПИ УР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 90. Л. 10

20. ЦГАКО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 43. Л. 19.

Ю. Н. Тимкин

«Хождение крестьянина в компартию и обратно»: волостные крестьянские организации РКП(б) в 1918–1920 годах (по архивным материалам Вятской губернии)

РКП(б). Поэтому одним из направлений в деятельности партийных организаций стало просвещение членов ячеек, крестьян, а также организация и проведение митингов, «недель пропаганды», субботников и других агитационно-просветительских мероприятий, разъясняющих задачи новой власти.

Идеи коммунизма у крестьян не вызвали практического интереса. По наблюдению инструктора-организатора Георгия Ильичева, крестьяне внимательно слушают его рассказы о коммунизме, отмирании денег и т.п., «на все соглашаются», но когда речь заходит об отмене частной собственности, то решительно протестуют. Они частную собственность «отстаивают, хотя ничего не имеют...» и порой зададут такой вопрос, на который «затрудняешься ответить»²¹.

В докладе А. Гурина, ответственного за проведение «Недели партийной пропаганды» в Шалеговской волости Орловского уезда в октябре 1919 года, отмечалось, что крестьяне к программе партии относятся «сочувственно», но «будущее коммунизма казалось им сказкой и чем-то далеким...»²². Крестьян волновали прежде всего материальные вопросы, что на языке большевиков называлось «шкурным» интересом и являлось основанием для исключения из партии. Партийные и советские печатные органы, по словам ответственного уездного организатора Нолинского укома Метелева, «в деревню попадают в редких случаях и те... искуриваются теми лицами, которые их получают»²³.

Многие вступившие в ячейки крестьяне не знали ни устава, ни программы партии. По словам ответственного работника Ивана Вершинина, с ноября 1919 года возглавлявшего Богородскую волячейку Нолинского уезда, «большинство членов ячеек до сих пор основательно не познакомились с программой РКП...»²⁴. Об этом же сообщали представители Архангельской, Буйской, Верхосунской, Воскресенской ячеек Нолинского уезда²⁵. В докладе Орловского укома о своей деятельности в марте-мае 1920 года об уровне ознакомления с программой и уставом партии сказано еще более категорично: «...Члены волячеек, вступившие в 1919 и 1920 гг., не имеют абсолютно никакой подготовки, не знают программы РКП, не имеют ни малейшего понятия о коммунизме вообще...»²⁶

Председатель Орловского укома В. Сыкут, характеризуя деятельность волостных организаций в 1920 году, писал: «В волостных организациях, за исключением немногих, отсутствует пар-

21. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 85. Л. 11.

22. Там же. Ф. 14. Оп. 2. Д. 13. Л. 6.

23. Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

24. Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 45. Л. 135.

25. Там же. Ф. 13. Оп. 8. Д. 5. Л. 105, 105 об., 106.

26. Там же. Ф. 14. Оп. 2. Д. 12. Л. 87.

тийная дисциплина... Сплошь и рядом замечается, что партийные товарищи забыли свой долг и халатно исполняют свои обязанности... Многие не знают партийного устава...»²⁷

Кризис волостных ячеек

Ввиду малочисленности сельского пролетариата в волостях губернии, большевикам было очень трудно формировать свою прочную опору на местах. До середины 1919 года губернские власти часто считали все крестьянство тех или иных поселений или целых волостей кулацким. Власти пытались, с одной стороны, нащупать бедноту и привлечь ее на свою сторону, что было очень непросто сделать. С другой стороны, политику продовольственной разверстки и чрезвычайного революционного налога стали рассматривать как способ расслоения деревни.

Проводимая политика нанесла удар рабоче-крестьянскому союзу, о котором говорили большевики, сопровождалась бегством крестьян из партии и кризисом волостных ячеек. Для многих крестьян-коммунистов наступил момент, когда пребывание в рядах РКП(б) потеряло всякий смысл. Слова агитаторов и представителей власти расходились с делами, вместо изъятых по продразверстке продовольствия крестьяне не получали ничего взамен, власть часто применяла насилие. 5 февраля 1919 года на общем собрании Орловской организации РКП(б) с докладом о работе волостных ячеек выступил товарищ председателя уездного исполкома Василий Ростовцев, который подчеркнул: «...Я был в 17 волостных ячейках и только одна из них на высоте своего положения»²⁸. По словам другого члена комитета, Самарцева, «агитаторы, посылаемые из Орлова, часто запугивают крестьян револьверами...»²⁹.

13 июля 1919 года прошла перерегистрация волостных ячеек Яранского уезда от «шкурников» и преступных элементов. 26 июля на общем собрании членов Яранской городской организации были заслушаны доклады разъездных инструкторов о состоянии волостных ячеек уезда. По словам инструктора Зыкова, Царевосанчурская ячейка «подорвала свой авторитет неумением работать, а на коммунистов смотрят как на разбойников...». В Тожсолинской, Пижанской и Зыковской волостях партийная работа либо не велась вообще, либо прекратилась. В Оршанской, Кадамской и Ернурской волостях ячейки, по словам ответственного партийного работника Яранцева, перегружены советской работой. В Кадамской волости отношение к коммунистам откровенно враждебное и причиной тому стали их действия: грубое обращение с населением, «стрель-

Ю. Н. Тимкин
«Хождение крестьянина в компартию и обратно»: волостные крестьянские организации РКП(б) в 1918–1920 годах (по архивным материалам Вятской губернии)

27. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 115. Л. 164.

28. Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 5. Л. 32.

29. Там же.

ба по гражданам из ружей», произвольные конфискации и насилия. Инструктор Коновалов сообщал, что крестьяне Кокшагской, Кикнурской, Корлякской и Цекеевской волостей «говорят, что у нас все отобрали, и мы вам не верим». Общий итог подвел член укома Зубарев. По его словам, «...крестьянство если не везде, то во многих волостях против советской власти и коммунистов. Партийная работа не налажена за исключением 2–3 ячеек». Он высказал пожелание: «оградить ячейки от тех элементов, которые дискредитируют советскую власть и... грабят население...»³⁰. Осенью 1919 года ситуация в волостях Яранского уезда еще больше ухудшилась и, по словам Павла Костерина, «говоря откровенно, у нас почти нет на местах парторганизаций в волостях...»³¹.

На заседании Уржумского укома 12 февраля 1919 года отмечалось: «...Деревня бушует, возмущается политикой партийных и советских работников на местах». Крестьяне указывают: «...Агитаторы говорят хорошо, но их слова далеко расходятся с делами исполкомов и комиссаров»³². Токтай-Белякская волостная ячейка Уржумского уезда вся не прошла перерегистрацию в июле 1919 года. На бывших членах ячейки заведены дела «за разные уголовные преступления: кражи, насилия, убийства с целью грабежа»³³.

В протоколе Нолинского укома от 4 апреля 1919 года отмечалось: «Работа в ячейках ведется политически малоразвитыми людьми, приходится все время делать предписания, которые исполняются не всегда в точности. Давно назрел вопрос об инспектировании ячеек, но отсутствуют... партийные организаторы»³⁴. В конце года проверка укомом работы волостных ячеек Нолинского уезда показала, что «партийная работа идет очень слабо, в некоторых волостных ячейках почти совсем не бывает партийных собраний. Население к коммунистам относится враждебно...»³⁵.

Мобилизации и крестьяне

Во время борьбы с Колчаком далеко не все члены партии подчинялись приказу о мобилизации. Так, мобилизация на фронт в Рожкинской волостной ячейке Малмыжского уезда в январе 1919 года привела к тому, что, по словам делегата I уездной партийной конференции Ивана Кирпикова, «все стали выходить из нее. Многие состояли членами ячейки только для того, чтобы получить шубу

30. Там же. Ф. 15. Оп. 1. Д. 6. Л. 133, 134

31. Там же. Ф. 15. Оп. 2. Д. 6. Л. 5 об.

32. Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 126. Л. 18 об.

33. Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 76. Л. 1.

34. Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 46. Л. 80, 81.

35. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. Л. 12.

да валенки...»³⁶. Согласно сводке губернской чрезвычайной комиссии от 13 мая 1919 года, двое членов Батаевской волычейки Котельничского уезда скрылись от мобилизации, а остальные члены были причастны к бегству арестованных дезертиров³⁷.

18 апреля 1919 года на заседании Вятского губкома было принято постановление о проведении мобилизации 50% коммунистов. На фронт ушло около 6 тыс. коммунистов, причем в Сарапульском, Елабужском, Малмыжском уездах и Северо-Вятском округе почти в полном составе (Верной дорогой, 1983: 112). А. С. Коробец, учававшая партийные мобилизации в Вятской парторганизации, акцентировала внимание на проведении мобилизаций сотрудников советских учреждений. Она отметила многочисленные случаи отказа от мобилизации, в том числе сотрудников волисполкомов и милиционеров (Коробец, 2013: 63). На заседании губкома 2 июня 1919 года было вынесено жесткое постановление с характерным названием «Об уклоняющихся от партийной мобилизации». В нем подчеркивалось, что отказывающиеся от мобилизации исключаются из партии «навсегда» и направляются «в тыловое ополчение наряду с кулаками, врагами революции...»³⁸.

Весной 1919 года в Яранском уезде до мобилизации насчитывалась 21 ячейка, после мобилизации — 12, в каждой по 5–6 человек. 9 ячеек распались, так как мобилизация для ее членов, по словам председателя укома партии, «оказалась такой страшной, что после ее объявления ячейки самораспустились, а члены разбежались»³⁹. Весной 1919 года в Глазовском уезде числилось «до 46 ячеек, но с приближением фронта осталось только 37, со многими из них связь потеряна. Членами ячеек состоят главным образом ответственные советские работники, а рабоче-крестьянский элемент стоит на втором плане...»⁴⁰. После проведенной в мае 1919 года мобилизации коммунистов на фронт активность ячеек пошла на спад. Волостной инструктор укома Коптяев, прибывший в июне 1919 года для инспекции волостных ячеек, не смог созвать общее собрание оставшихся коммунистов⁴¹. В Нолинском уезде в июне 1919 года после мобилизации «работа лишь 12 ячеек идет успешно»⁴².

Таким образом, активность ячеек весной 1919 года была связана с ситуацией на Восточном фронте Гражданской войны и иницировалась вышестоящими партийными и военными властями. С исчезновением непосредственной военной угрозы эта активность снижалась.

36. Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 14. Л. 2.

37. Там же. Ф. р-875. Оп. 1. Д. 165а. Л. 40.

38. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 54. Л. 64.

39. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 85. Л. 55.

40. ГАОПИ УР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 60. Л. 30.

41. Там же.

42. ЦГАКО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 30. Л. 72 об.

На проводимые позднее мобилизации на фронт борьбы с Польшей и Врангелем крестьяне реагировали далеко не всегда положительно. Объявленная весной 1920 года мобилизация привела к массовому бегству членов из волостных ячеек в Нолинском уезде. На IV Нолинской уездной конференции РКП(б) (март 1920 года) делегаты приводили красноречивые примеры. Так, в Большеситминской волостной ячейке, по словам ее представителя Брылякова, «первоначально состояло до 30 человек, но после мобилизации осталось всего 6. Работа ячейки «слишком незначительна», члены ячейки заняты советской работой. В Архангельской волячейке состояло 4 человека и ее деятельность находится «на точке замерзания». В Буйской ячейке первоначально числилось до 40 человек, но в связи с мобилизацией «шкурники постарались выйти, осталось всего 5 чел., все — члены и сотрудники волисполкома»⁴³. О том, что «волячейки разбежались из-за партийных мобилизаций», отмечали и на общем собрании членов РКП(б) г. Советска 16 ноября 1920 года⁴⁴.

Ко времени V губернской конференции (июль 1919 года) в губернии насчитывалось 264 волостные ячейки, в которых состояло 980 человек: в среднем — 3–4 члена. Если учесть, что население волостей насчитывало от нескольких тысяч до нескольких десятков тысяч, такое небольшое количество членов ячеек весьма выразительно свидетельствует об отношении крестьян к партии⁴⁵. Примечательно, что численность губернской организации составляла 2368 членов и 453 сочувствующих (Кировская областная организация КПСС в цифрах, 1986: 14).

Волостные ячейки осенью 1919 года отличались малочисленностью и пассивностью членов. Слабость социальной базы и наплыв карьеристов вынуждали партийные «верхи» проводить частые реорганизации, чистки, устанавливать жесткую дисциплину. Осенью 1919 года приток новых членов в волостные ячейки, по сути, прекратился. Партийный организатор Суслов, посетивший в середине октября Васильковскую волость Нолинского уезда, докладывал на общем партсобрании 17 октября: «Неделя партийной пропаганды прошла плохо, вновь вступивших в партию не было. В деревне читались лекции, но крестьяне отнеслись к ним без внимания. Много задавали шкурных вопросов. Хлеб на ссыпные пункты везут слабо, заявляют, что дайте нам соли, тогда повезем»⁴⁶. Такая же картина в Мельканской, Соколовской, Сунской, Семериковской, Пугинской, Чигиринской, Ильинской и других волостях уез-

43. Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 27. Л. 1.

44. Там же. Ф. 13. Оп. 8. Д. 5. Л. 150.

45. Например, население волостей Уржумского уезда насчитывало от 4 до 26 тыс. чел., а Слободского — от 1,4 до 17 тыс. чел. (Статистический справочник по Вятской губернии, 1917: 26, 30).

46. ЦГАКО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 170. Л. 34.

да. Причем в Верхоишетской и Чертищенской волостях во время выступления большевистского агитатора «чуть было не произошел бунт». В отчете Нолинского укома за ноябрь 1919 года сообщалось, что, несмотря на проведение недели пропаганды 2–9 ноября, в партию в городе вступили всего 7 человек. Население уезда «в большинстве к власти Советов относится недоверчиво». Уездный ответственный организатор Метелев, посетивший 11 волостных ячеек, докладывал, что в них работа ведется «очень слабо»⁴⁷.

В Уржумском уезде осенью 1919 года существовало 22 волостные организации, 10 союзов молодежи, 3 союза женщин и только что открывшаяся партийная школа. Некоторые волостные ячейки, как, например, Новоторъяльская, «числится только на бумаге, не проявляя никакой деятельности...»⁴⁸. Партийная работа ячейкой проводится «очень слабо», а отношение к ней крестьян — «враждебное». Зав. отделом по работе в деревне укома партии Шарапов, посетивший волость 20 ноября 1919 года, сообщал, что во время бесед с крестьянами они «задавали ему шкурные вопросы»⁴⁹.

11 ноября 1919 года на заседании Советского укома обсуждалось состояние волостных ячеек. Инструктор Фоминых сообщал, что в волостях партийная работа «велась слабо, ячейки почти бездействовали. Даже в них распоряжения центра воспринимались равнодушно, а часто и не сочувственно». Агитаторы «не достигали цели — надоели населению»⁵⁰.

В 1920 году кризисные явления в ячейках усилились, о чем свидетельствуют многочисленные архивные материалы. Так, в Вятском уезде 9 февраля 1920 года в резолюции пленарного заседания Вятского укома партии подчеркивалось: «...Все волостные ячейки бессильны и малочисленны»⁵¹. В марте 1920 года на II Вятской уездной партконференции делегат Сырцев отмечал, что за волостными ячейками «необходимо все время следить и разъяснять распоряжения и декреты, чтобы они не пошли по неправильному пути»⁵². В мае 1920 года, по словам разъездного инструктора А. Кашиной, Просницкая ячейка «бездействует более двух месяцев. Работа совершенно стоит, даже корреспонденцию не распечатывают...», при этом исключенный из партии Архипов, ставший затем секретарем волисполкома, «является для населения авторитетом»⁵³.

Осенью 1920 года в Советском уезде, по словам участников II уездной партконференции, работа волячеек «стоит на точке замирания. Ячейки плохо связаны с укомом. Информация поступает

47. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 79. Л. 30.

48. Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 73. Л. 9, 10.

49. Там же.

50. Там же. Ф. 13. Оп. 8. Д. 4. Л. 113 об.

51. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 14. Л. 12.

52. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 11. Л. 4.

53. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 22. Л. 30 об.

слабо, сведения обычно приукрашенные и напыщенные. Собрания ячеек малопродуктивны, так как члены ячеек политически не воспитаны и не в состоянии вести пропаганду...»⁵⁴.

В докладе о деятельности отдела по работе в деревне Нолинского укома с 15 ноября 1919 по 1 марта 1920 года отмечалось: «... Организовать партийную работу на местах невозможно, так как местных сил недостаточно». Отношение крестьян к местным коммунистам «почти враждебное вследствие того, что члены волостных ячеек являются в то же время и советскими работниками...»⁵⁵. 6 ноября 1920 года Нолинский уком, обсудив состояние партийных организаций, постановил: «...Ввиду малочисленности ячеек и выхода членов из партии... считать распущенными следующие организации...», дальше шел список из 9 ячеек. Всего в уезде тогда насчитывалось не более 29 ячеек⁵⁶.

Распад ячеек в Орловской уездной организации приобрел массовый характер. Из отчета уездной комиссии по перерегистрации от 9 ноября 1920 года следует, что из 26 волостных ячеек прекратили свое существование «из-за малочисленности» — 11, не прошли перерегистрацию — 3⁵⁷.

Волостные организации РКП(б) Яранского уезда весной 1920 года, несмотря на «упорную работу районных организаторов, не имели под собой твердой почвы, во-первых, ввиду своей малочисленности (от 3 до 10 человек), во-вторых, члены ячеек, вышедшие из недр той же местной крестьянской среды и находящиеся под влиянием кулачества... не могли революционизироваться, являясь коммунистами формально, поверхностно»⁵⁸. В сентябре 1920 года наступил полный упадок партийной работы. В докладе члена укома Шевелевой признавалось: «За весь месяц работы в уезде я от ячеек не получала ничего, кроме извещений волисполкомов о распаде той или иной ячейки». Прекратили свое существование организации в Корляковской, Кокшагской, Юкшумской, Кундыжской и Цекеевской волостях. Шешурская ячейка «совершенно не работает», а в Комаровской и Пачинской нет ни одного «партийного товарища». Зыковская ячейка «слаба». В Тужинской волости ячейка состоит исключительно из милиционеров. Пижанская ячейка «сильна за счет продовольственников»⁵⁹.

В конце 1919 — начале 1920 года на территории Глазовского уезда численность уездной парторганизации достигла 600 человек. Ячейки возникли в 41 из 45 волостей уезда (История Удмуртии, 2005: 86). Но уже к началу 1921 года они упоминаются толь-

54. Там же. Ф. 13. Оп. 3. Д. 1. Л. 36.

55. Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 45. Л. 150.

56. Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 115. Л. 164.

57. Там же. Ф. 14. Оп. 3. Д. 3. Л. 117.

58. Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 46. Л. 22.

59. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 179. Л. 86.

ко в половине волостей, а после проведения в октябре-ноябре 1920 года перерегистрации «многие организации прекратили свое существование. В последнее время наблюдается распад волячек и добровольный выход из партии членов. Партия идет на убыль. Молодежи нет совсем...»⁶⁰.

Волостные ячейки «партии власти»

В течение 1919–1920 годов волостные ячейки становились, наряду с волисполкомами, опорой власти в деревне и состояли главным образом из сотрудников и служащих волисполкомов, милиционеров. В январе 1919 года Яранская организация включала 10 волостных ячеек сочувствующих и 36 членов, главным образом советских служащих⁶¹. В ноябре 1919 года, по словам ответственного организатора по работе в деревне Малмыжского уезда И.Е. Крупина, «все партийные товарищи несут определенную работу в советских учреждениях как в городе, так и в уезде»⁶².

В марте 1920 года на II Вятской уездной партконференции делегаты сообщили, что партийная ячейка в Медянской волости состоит из трех человек: милиционер, учитель и заведующий библиотекой. Все 6 членов Куменской ячейки «перегружены советской работой, поэтому партработа ведется очень слабо»⁶³. На III Малмыжской уездной конференции (март 1920 года) делегаты волостных ячеек Федянин (Сюмсинская), Гомаюнов (Безменшурская), Гладышев (Старотрыкская) и Евдокимов (Мериновская) сообщали, что партийная работа в ячейках фактически прекратилась, так как члены их занимают те или иные ответственные должности в волисполкомах⁶⁴. На III Советской уездной конференции РКП(б) (март 1920 года) делегаты Новоселов (Колянурская ячейка), Головков (Ильинская ячейка), Злобин (Васильковская ячейка), Мальков (Боровковская ячейка) отмечали, что члены ячеек, в большинстве советские служащие, все больше занимались административной работой⁶⁵. Весной 1920 года из протоколов волостных ячеек Нолинского уезда и докладов командированных инструкторов выясняется, что «работа партийных организаций на местах превратилась в чисто советскую»⁶⁶. Из доклада в губком одного из партийных инструкторов 1 февраля 1920 года отмечалось, что Нолинский уком «мало обращал внимания на работу волячек, иногда целыми месяцами не да-

Ю. Н. Тимкин
«Хождение крестьянина в компартию и обратно»: волостные крестьянские организации РКП(б) в 1918–1920 годах (по архивным материалам Вятской губернии)

60. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 54. Л. 147.

61. Там же. Ф. 15. Оп. 2. Д. 6. Л. 16.

62. Там же. Ф. 13. Оп. 8. Д. 5. Л. 14.

63. Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 32. Л. 13.

64. Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 58. Л. 7 об., 8, 10, 11.

65. Там же. Ф. 13. Оп. 3. Д. 1. Л. 25, 25 об.

66. Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 45. Л. 116.

вал никаких указаний, от чего ячейки находятся в недоумении...»⁶⁷. На IV Малмыжской конференции (ноябрь-декабрь 1920 года) при обсуждении отчета укома делегат Чижев подчеркивал, что «в ячейках было мало чисто партийной работы, а уком... совершенно не принимал участия в жизни ячеек»⁶⁸. По словам делегата Нагорных, Цыпьянская ячейка «занимается «ловлей дезертиров...»⁶⁹.

Общую картину по губернии рисует доклад зав. губернского отдела по работе в деревне Тараса Харечко 7 января 1920 года: «...Волостные ячейки в большинстве случаев носят официальный характер, состоя из членов и служащих волисполкомов»⁷⁰.

Переход к НЭПу был вызван общественно-политическим кризисом политики «военного коммунизма», когда в стране вновь вспыхнули очаги Гражданской войны. Именно антибольшевистские восстания, а среди них волнения и восстания крестьян, вынудили большевиков пойти на изменение экономической политики в 1921 году. Немалую роль в этом сыграл кризис и распад многих крестьянских волостных ячеек в 1920–1921 годах и превращение оставшихся в «партию власти».

Библиография

- Базлов Г. Н. (2002). Деревенская артель кулачных бойцов-рукопашников. Опыт реконструкции. Дисс. ... канд. ист. наук (07.00.02). М.: Московский государственный университет.
- Борчина М. А. (2005). Культурное развитие в Вятской губернии в 1917–1920 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Сыктывкар.
- Быстрова А. С. (1956). Комитеты бедноты в Вятской губернии. Киров: Кировское книжное издательство.
- Верной дорогой (1983). Хроника истории Кировской организации КПСС. 1883–1983. Киров: Волго-Вятское кн. изд-во.
- Вознесенская Е. И. (2008). Общинная организация вятского крестьянства в советской доколхозной деревне (1917–1930 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук (07.00.02). Киров.
- 200 лет Вятской губернии: статистический сборник (1996). Киров: Кировский областной комитет государственной статистики.
- Дмитриев П. Н., Куликов К. И. (1992). Мятаж в Ижевско-Воткинском районе. Ижевск: Удмуртия.
- Дмитриенко А. А. (2007). Отношение предреволюционного крестьянства к Государственной думе (на примере Вятской губернии) // Полис. № 5. С. 25–34.
- История Удмуртии: XX век (2005). Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН.
- Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи по Вятской губернии (1916). Вятка: Статистическое отделение Вятской губернской земской управы.
- Кировская областная организация КПСС в цифрах (1917–1985) (1986). Киров: Волго-Вятское книжное издательство. Кировское отделение.

67. Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 45. Л. 135.

68. Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 59. Л. 10.

69. Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 59. Л. 10.

70. Там же. Ф. 7. Оп. 1. Д. 11. Л. 3.

- Колоницкий Б. И. (1994). Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуазское» сознание // Отечественная история. № 1. С. 17–27.
- Коробец А. С. (2013). «Голод, разруха, восстание имущих классов, с одной стороны, и иноземные разбойники — с другой...». Партийные мобилизации в Красную армию в 1918–1920 гг. (по архивным документам Вятской губернии) // Военно-исторический журнал. № 2. С. 63–65.
- Мусихин В. Е. (1995). Вятские крестьяне в начале XX в. // Энциклопедия земли Вятской: В 10 т. Т. 4. Киров: Вятское государственное издательско-полиграфическое предприятие. С. 282–297.
- Ошаев А. Г. (2003). Общественно-политическое развитие в Марийском крае в период первой российской революции (1905–1907 гг.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук (07.00.02). Казань.
- Памятная книжка на 1911 г. (1910). Вятка: Вятский Губернский Статистический комитет.
- Позднякова А. С. (2015). Деятельность Вятского губернского революционного трибунала в 1918–1922 гг. как фактор стабилизации власти большевиков в регионе. Дисс. ... канд. ист. наук (07.00.02). Киров.
- Соловьев А. А. (2000). Крестьянское хозяйство Вятской губернии в конце XIX — начале XX в. Дисс. ... канд. соц. наук (07.00.02). Йошкар-Ола.
- Статистический справочник по Вятской губернии (1917). Вятка: Статистическое отделение Вятской губернской земской управы.
- Установление и упрочение советской власти в Вятской губернии: сб. док. / А. С. Быстрова [и др.] (редкол.) (1957). Киров: Кировское кн. изд-во.
- Фефелов С. В. (2000). Диктатура большевиков и крестьянство в 1918–1921 гг.: у истоков левого тоталитаризма (на материалах Центрального Черноземья России). Дисс. ... док. ист. наук (07.00.02). Орел.
- Чемоданов И. В. (2014). Сельское хозяйство и крестьянство Вятского региона при переходе от политики «военного коммунизма» к нэпу (1920–1922) // Вестник Вятского государственного университета. 2014. № 1. С. 22–28.
- Шанин Т. (1997). Революция как момент истины. Революция 1905–1907 гг. 1917–1922. М.: Весь мир.

Ю. Н. Тимкин
«Хождение крестьянина в компартию и обратно»: волостные крестьянские организации РКП(б) в 1918–1920 годах (по архивным материалам Вятской губернии)

“Peasant journey to the Communist Party and back”: Volost peasant organizations of the RCP (Bolsheviks) in 1918–1920 (based on the archival materials of the Vyatka Province)

Yuri N. Timkin, PhD (History), Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Vyatka State University. 610000 Kirov, Moskovskaya St., 36. E-mail: timkin43@mail.ru

Abstract. The article considers the development and work of the *volost* peasant cells of the RCP (b) in 1918–1920 through the relationship between the state and the people. The article is based on the archival materials from the Central State Archive of the Kirov Region and the State Archive of the Social and Political History of the Udmurt Republic, and on the historical-genetic and historical-institutional approaches. The author also analyzed materials from the funds of the Vyatka Gubkom and the Vyatka, Glazov, Kotelnich, Malmyzh, Nolin, Orlov, Soviet, Urzhum and Yaran regional committees of the RCP (b), Provincial Commission on the Party History, Vyatka Province Executive Committee of the Soviets of Workers', Peasants' and Red Army Deputies, Yaransk Regional Committees of the Workers', Peasants' and Red Army Deputies Councils, Vyatka Regional Statistical Committee, and the personal fund of Vasily Georgievich Plenkov. The author examines the development and crisis of the *volost* peasant cells of the RCP (b) in the Vyatka Province in 1918–1920 in order to identify the features of the Vyatka peasantry in the early 20th century and peasants' expectations from the new power; of the in-

teraction between the Soviet power and peasants; of the crisis of *volost* cells and their transformation into power structures consisting of the employees of the Soviet *volost* institutions. The study revealed that on the eve of the 1917 Revolution, the Vyatka village community still existed though middle peasants prevailed. Peasants expected from the new government to solve primarily social-economic tasks: the lack of land, construction of road infrastructure, and social development. Bolsheviks only partially satisfied the peasants' demands, which led to the strongest peasants' dissatisfaction under the forced food policy and other political measures, and, thus, determined the crisis of *volost* cells in 1919–1920. The author argues that in the village dominated by communist peasants who wanted to develop their economy on the market basis, there was hardly any ground for the voluntary acceptance of communist ideas. *Volost* peasant cells were created as associations supporting the new government, but eventually either disintegrated or turned into the 'party of power'.

Key words: Vyatka Province, middle peasants, community, *volost* organizations of the RCP (b), war communism, crisis

References

- Bazlov G. N. (2002) *Derevenskaya artel' kulachnykh bojcov-rukopashnikov. Opyt rekonstrukcii* [Village Artel of Fist Fighters. A Reconstruction Case] (PhD Thesis), Moscow: Moscow State University.
- Borchina M. A. (2005) *Kul'turnoe razvitie v Vyatskoj gubernii v 1917–1920 gg.* [Cultural Development in the Vyatka Province in 1917–1920] (PhD Thesis), Syktyvkar: Syktyvkar State University.
- Bystrova A. S. (1956) *Komitety bednoty v Vyatskoj gubernii* [Committees of the Poor in the Vyatka Province], Kirov: Kirovskoe knizhnoe izdatelstvo.
- Bystrova A. S. (Ed.) (1957) *Ustanovlenie i uprochenie sovetskoj vlasti v Vyatskoj gubernii* [Establishment and Consolidation of the Soviet Power in the Vyatka Province], Kirov: Kirovskoe knizhnoe izdatelstvo.
- Chemodanov I. V. (2014) *Selskoe khozyajstvo i krestyanstvo vyatskogo regiona pri perekhode ot politiki 'voennogo kommunizma' k nepu (1920–1922)* [Agriculture and peasantry of the Vyatka region under the transition from the policy of 'war communism' to the New Economic Policy (1920–1922)]. *Bulletin of the Vyatka State University*, no 1, pp. 22–28.
- Dmitrienko A. A. (2007) *Otnoshenie predrevolyucionnogo krestyanstva k Gosudarstvennoy dume (na primere Vyatskoj gubernii)* [Attitude of the pre-revolutionary peasantry to the State Duma (on the example of the Vyatka Province)]. *Polis*, no 5, pp. 25–34.
- Dmitriev P. N., Kulikov K. I. (1992) *Myatezh v Izhevsko-Votkinskom rajone* [Revolt in the Izhevsk-Votkinsky District], Izhevsk: Udmurtiya.
- Fefelov S. B. (2000) *Diktatura bol'shevikov i krest'yanstvo v 1918–1921 gg.: u istokov levogo totalitarizma (na materialah Central'nogo Chernozem'ya Rossii)* [Bolshevik Dictatorship and the Peasantry in 1918–1921: Origins of the Left Totalitarianism (on the data from the Central Black-Earth Region of Russia)] (PhD Thesis), Orel: Orel State University.
- Itoji Vserossijskoj selskokozyajstvennoj perepisi po Vyatskoj gubernii (1916)* [Results of the All-Russian Agricultural Census in the Vyatka Province], Vyatka: Statisticheskoe otделение Vyatskoj gubernskoy zemskoy upravly.
- Kirovskaya oblastnaya organizatsiya KPSS v tsifrah (1917–1985) (1986)* [Kirov Regional Organization of the CPSU in figures (1917–1985) (1986)], Kirov: Volgo-Vyatskoe knizhnoe izdatelstvo, Kirovskoe otделение.
- Kolonitsky B. I. (1994) *Antiburzhuznaya propaganda i 'antiburzhuzskoe' soznanie* [Anti-bourgeois propaganda and 'anti-bourgeois' consciousness]. *Russian history*, no 1, pp. 17–27.

- Korobets A. S. (2013) "Golod, razrukha, vosstanie imushhih klassov, s odnoy storony, i inozemnye razboyniki — s drugoy...". Partijnye mobilizatsii v Krasnuyu armiyu v 1918–1920 gg. (po arkhivnym dokumentam Vyatskoy gubernii) ["Hunger, devastation, rebellion of the propertied classes, on the one hand, and foreign brigands, on the other hand...". Party mobilizations to the Red Army in 1918–1920 (based on the archival documents of the Vyatka Province)]. *Military history journal*, no 2, pp. 63–65.
- Musikhin V. E. (1995) Vyatskie krestyane v nachale XX v. [Vyatka peasants in the early 20th century]. *Entsiklopediya zemli Vyatskoy*: in 10 vols., vol. 4, Kirov: Vyatka State Publishing and Printing Enterprise.
- Pamyatnaya knizhka na 1911 g.* [Commemorative Booklet for 1911] (1911), Vyatka: Vyatsky Gubernsky Statistichesky komitet.
- Pozdnyakova A. S. (2015) *Deyatel'nost' Vyatskogo gubernskogo revolyucionnogo tribunala v 1918–1922 gg. kak faktor stabilizatsii vlasti bol'shevikov v regione* [Activity of the Vyatka Province Revolutionary Tribunal in 1918–1922 as a Factor of the Bolshevik Power Consolidation in the Region] (PhD Thesis), Ekaterinburg: Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
- Oshaev A. G. (2003) *Obshchestvenno-politicheskoe razvitie v Marijskom krae v period pervoj rossijskoj revolyucii (1905–1907 gg.)* [Social-Political Development of the Mari Region during the First Russian Revolution (1905–1907)] (PhD Thesis), Kazan: Kazan State University.
- Shanin T. (1997) *Revolyutsiya kak moment istiny. Revolyutsiya 1905–1907 gg. 1917–1922* [Revolution as a Moment of Truth. Revolution of 1905–1907. 1917–1922], Moscow: Ves mir.
- Soloviev A. A. (2000) *Krest'yanskoe hozyajstvo Vyatskoy gubernii v konce XIX — nachale XX v.* [Peasant Economy of the Vyatka Province in the Late 19th — Early 20th Century] (PhD Thesis), Yoshkar-Ola: Mari State University.
- Statistichesky spravochnik po Vyatskoy gubernii* [Statistical Handbook of the Vyatka Province] (1917), Vyatka: Statisticheskoe otdelenie Vyatskoy gubernskoy zemskoy uprav. *Vernoy dorogoy. Khronika istorii Kirovskoy organizatsii KPSS. 1883–1983* [The Right Way. Chronicle of the Kirov Organization of the CPSU. 1883–1983] (1983), Kirov: Volgo-Vyatskoe knizhnoe izdatelstvo.
- Voznesenskaya E. I. (2008) *Obshchinnaya organizaciya vyatskogo krest'yanstva v sovetskoj dokolhoznoj derevne (1917–1930 gg.)*. [Community Organization of the Vyatka Peasantry in the Soviet Pre-Colonial Village (1917–1930)] (PhD Thesis), Kirov: Udmurtia State University.
- 200 let Vyatskoy gubernii: statistichesky sbornik* [200 years of the Vyatka Province: Statistical Collection] (1996), Kirov: Kirovsky oblastnoy komitet gosudarstvennoy statistiki.

Как реформы Маленкова и Хрущева изменили жизнь колхоза «Большевик»: опыт микроисторического исследования

М. В. Филев

Максим Викторович Филев, аспирант Балтийского федерального университета им. И. Канта. 236041, Калининград, ул. Александра Невского, 14. E-mail: tsvachimo3@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается производственная деятельность колхоза «Большевик» Правдинского района Калининградской области в период реформ, инициированных Г. М. Маленковым и Н. С. Хрущевым. С помощью микроисторического подхода предпринимается попытка оценить результативность реформ. Исследование базируется на изучении архивного фонда сельхозартели: протоколах общих и партийных собраний, заседаний правления, ежегодных отчетах, а также документах региональных органов управления сельским хозяйством. В статье описываются основные изменения в структуре производственной деятельности сельхозартели: перестройка трудовых бригад и распорядка дня, реорганизация МТС, укрупнение колхоза и т.п. Характеризуется государственная политика в отношении личных подсобных хозяйств, выразившаяся, с одной стороны, в принятии новых ограничений, а с другой — в использовании его ресурсов для улучшения показателей работы самого колхоза. Рассмотрены административные и экономические способы мотивации крестьян к работе в коллективном хозяйстве и показана их несостоятельность с точки зрения повышения производительности труда. Проанализированы ежегодные статистические отчеты колхоза по животноводству и полеводству, из которых следует, что ни по одному из показателей не удалось добиться устойчивого роста, а скромные успехи были достигнуты за счет экстенсивных методов развития и эксплуатации ресурсов личных подсобных хозяйств колхозников. Сделан общий вывод об отсутствии существенных результатов от реформ 1950-х годов, не затронувших коренных причин неэффективности колхозной системы.

Ключевые слова: аграрные реформы, микроистория, Калининградская область, колхоз, машинно-тракторные станции, личные подсобные хозяйства, Г. М. Маленков, Н. С. Хрущев

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-2-68-92

Оценивая положение дел в советском сельском хозяйстве на рубеже 1940–1950-х годов, академик А. А. Никонов заключал, что «деревня хирела», а вся политика государства строилась «на административном нажиме и налогово-заготовительном терроре» (Никонов, 1995: 298). После смерти Сталина, как заметил Р. Г. Пихоя, «гнет государственного крепостничества ослабел» (Пихоя, 2000: 169). Новые веяния историки обычно связывают

с инициативами Г. М. Маленкова, выступившего в августе 1953 года на пятой сессии Верховного Совета СССР с речью, в которой призвал «в кратчайший срок покончить с запущенностью сельского хозяйства в отстающих районах и колхозах, обеспечить быстрое развитие и укрепление общественного хозяйства колхозов и на этой основе значительно увеличить выдачу на трудодни колхозникам денег, хлеба и других продуктов» (Маленков, 1953: 12).

На сентябрьском пленуме ЦК ВКП(б) 1953 года была намечена программа действий по преобразованию сельского хозяйства. Предусматривались налоговые льготы, которые должны были способствовать восстановлению поголовья скота в хозяйствах колхозников; с колхозников, рабочих и служащих списывалась задолженность по обязательным поставкам продуктов животноводства. Произошло значительное повышение государственных закупочных цен на мясо, молоко, масло и зерновые (Лаптев, Макаров, 1963; Хрущев, 1953).

Эти реформы оцениваются в историографии весьма позитивно. Ю. Н. Жуков считает, что Маленков стремился обеспечить подъем сельского хозяйства прогрессивными интенсивными методами, и отмечает неприятие его предложений со стороны «партократии» (Жуков, 2000: 646–648). В. П. Мотревич приходит к выводу, что «эффект принятых в 1953 г. решений по сельскому хозяйству сохранялся до конца 1950-х гг.», на что указывает увеличение на треть валовой сельскохозяйственной продукции (Мотревич, 2019). И. Е. Зеленин также считал пятилетие после сентябрьского пленума 1953 года «наиболее успешным и результативным периодом», когда «аграрное реформирование было нацелено на решение назревших экономических и социальных проблем деревни, предоставление крестьянству, работникам совхозов и МТС большей самостоятельности в планировании и управлении производством, внедрение принципа материальной заинтересованности в труде» (Зеленин, 2000: 397). Выработанные сентябрьским пленумом меры поддержки аграрного сектора экономики О. М. Вербицкая называет «наиболее удачной программой преодоления длительного упадка сельского хозяйства» (Вербицкая, 1992: 26).

Довольно часто в фокусе внимания историков оказывается как аграрная политика Н. С. Хрущева в целом (Безнин, Димони, 2014; Данилов, 2011; История крестьянства СССР, 1988), так и отдельные ее аспекты (Безнин, 1991; Безнин, Димони, 2002; Конышев, 2011), при этом часто подчеркивается ее противоречивость. Например, неоднозначно оценивается реорганизация МТС (История сельского хозяйства Калининградской области, 2006; Полх, 2008; Томилин, 2020). Тем не менее большинство историков сходятся во мнении, что реформы в сельском хозяйстве в годы оттепели способствовали повышению производительности труда и общему подъему уровня жизни колхозников.

Гораздо реже начинания Маленкова и Хрущева критикуют. Так, Р. Г. Пихоя замечает, что «характерной чертой хрущевских реформ в сельском хозяйстве стала унаследованная еще от сталинских времен вера в чудодейственный метод, который мог бы разом улучшить положение этой отрасли», тогда как партийное руководство «могло гарантировать только благополучные отчеты» (Пихоя, 2000: 172–173). С. Н. Андреенков, признавая факт повышения доходности колхозов, пишет, что «уровень заработка в общественном хозяйстве не создавал у колхозников заинтересованности в расширении производства» (Андреенков, 2010: 122).

К тому же изучение истории сельского хозяйства 1953–1964 годов велось преимущественно на макроуровне, взгляд «снизу» практически отсутствовал. Целью настоящего исследования, выполненного в русле микроистории, является попытка оценить эффективность государственной аграрной политики с 1953 по 1964 год на примере типичного для Калининградской области колхоза «Большевик» Правдинского района, продемонстрировав как реакцию самих колхозников на проводимые реформы, так и их реальные результаты.

Колхоз «Большевик» был основан переселенцами из Костромской области и Белорусской ССР в 1946 году (Филев, 2020: 260–266). Артель расположилась в поселке Алленау под Фридландом, чуть позже переименованном в село Поречье Правдинского района Калининградской области. Позднее в его состав вошли поселки Лукино, Раздольное и несколько хуторов. В начале изучаемого периода в колхозе было 1369 га земли (836 га пахотной), 74 двора, 144 трудоспособных члена; к середине 1960-х годов (до укрупнения), соответственно, 2291 (996) га, 97 дворов и 153 артельщика. В 1957 году колхоз переименовали в «Поречье», в 1963 году он объединился с сельхозартелью «Советская Россия» и получил название «Новая жизнь».

Выбор колхоза «Большевик» в качестве объекта микроисторического исследования не в последнюю очередь обусловлен полнотой и хорошей сохранностью источников, которыми послужили документы из фондов Государственного архива Калининградской области (ГАКО): протоколы общих колхозных собраний, заседаний правления колхоза, партийной организации, ежегодные статистические отчеты колхоза, а также фонды органов управления сельским хозяйством¹.

1. Государственный архив Калининградской области (ГАКО). Ф. П-1. Калининградский обком КПСС; Ф. П-145. Партийная организация колхоза «Новая жизнь» (быв. «Большевик»); Ф. Р-139. Калининградское областное управление сельского хозяйства; Ф. Р-205. Правдинский районный совет народных депутатов; Ф. Р-297. Калининградский областной Совет народных депутатов; Ф. Р-404. Управление торговли Калининградской области; Ф. Р-1059. Объединенный архивный фонд колхоза «Новая жизнь» (быв. «Большевик»)

В настоящей статье предполагается последовательно рассмотреть связанные с проводимыми реформами изменения в организации и условиях работы в колхозе, мотивации трудовой деятельности его членов и экономических показателей сельхозартели.

Организация и условия работы в колхозе

На протяжении всего хрущевского десятилетия основной формой организации труда в колхозах оставались бригады. В 1956 году в «Большевике» появились три комплексные полеводческо-животноводческие бригады вместо прежних животноводческой, садово-огородной и двух полеводческих. Реорганизация, помимо прочего, означала экономию на зарплатах бригадиров, что должно было снизить себестоимость производимой продукции (Вербицкая, 1992: 39).

В феврале 1958 года, еще до реорганизации МТС, в «Поречье» создали тракторно-полеводческую бригаду (в СССР в качестве эксперимента они стали появляться с 1956 года (Томилин, 2009: 16)). При этом с планами сокращения числа руководителей среднего звена и экономии на их зарплатах пришлось распрощаться, поскольку в помощь бригадиру назначались еще три заместителя (по полеводству, животноводству и механизации)². После реорганизации МТС была сформирована тракторная бригада. Помимо этого, в артели действовали бригада сортоиспытательного участка и строительная бригада³. К звеньям в этот период в колхозе прибегали редко, только для выращивания и уборки кукурузы.

Постоянные реорганизации приводили к путанице в руководстве колхозными работами. Во время посевной 1962 года механизаторы получили от бригадира тракторной бригады указание сеять пшеницу и ячмень, но руководитель полеводческой бригады подготовил только пшеницу. «У нас нет согласованности тракторной бригады с полеводческой», — огорчился механизатор Шарай⁴. В 1964 году колхозник Савицкий, обвиненный в невыполнении наряда, резко высказался об организации колхозного труда: «Я и не знаю, кому подчиняться: наряд мне дают и бригадиры, и заместитель председателя по технике, и сам председатель»⁵.

Комплексные бригады в теории должны были способствовать росту производительности труда, но на деле отсутствие специализации вело к распылению трудовых ресурсов. «Да, на животноводстве у меня хорошие люди, а в полеводстве одни инвалиды остались, а за мной закреплены все овощи, кормовые

2. ГАКО. Ф. Р-1059. Оп. 2. Д. 30. Л. 4 об.

3. Там же. Д. 25. Л. 3 об. — 4.

4. Там же. Ф. П-145. Оп. 1. Д. 4. Л. 9 об.

5. Там же. Д. 5. Л. 6.

корнеплоды и кукуруза, и я со своей бригадой с этим делом никак справиться не могу», — объяснял возникшие в ходе уборочной 1959 года задержки бригадир Кудряшов⁶.

В рассматриваемый период изменения коснулись и регламента работы, режим трудового дня становился более щадящим. Так, в 1956 году на период наиболее напряженных весенне-летних полевых работ рабочий день устанавливался с 8 утра до 9 часов вечера с двухчасовым перерывом на обед, а для домохозяек и многодетных матерей он начинался на час позже и завершался на час раньше⁷. В 1946–1955 годах продолжительность трудового дня во время посевной и уборочной была на несколько часов больше.

Районных руководителей такой распорядок дня не устраивал. В 1960 году заведующий сельхозинспекцией на собрании вызвал к колхозникам, чтобы они вспомнили, что «в колхозе все крестьяне, и каждый знает, что во время сенокоса на работу [нужно выходить] с 5 часов утра и работать до 10 часов вечера», т. е. сверх положенного регламентом времени⁸. На критику районного начальства следовали резонные возражения. По словам Кудряшова, «уполномоченные приезжают один за другим, но не хотят вникнуть в дела бригады», что трудовую дисциплину колхозников разлагают живущие в поселке работники правдинских предприятий, вот почему план по сенокосу не выполняется — «есть где косить, но нет народа»⁹.

В конечном счете существовавшая с момента образования артели нехватка руководителей среднего звена в рассматриваемый период только усугубилась. Уход одного бригадира порождал почти неразрешимую проблему поиска замены: желавших взять на себя бригадирские обязанности было мало.

Реорганизация МТС и укрупнение колхоза

Курс на полную механизацию сельского хозяйства, взятый на сентябрьском пленуме ЦК КПСС 1953 года, должен был способствовать резкому подъему аграрного сектора экономики (Лаптев, Макаров, 1963: 10). МТС в этом процессе отводилась ключевая роль. На январском пленуме 1955 года Хрущев говорил, что «машинно-тракторная станция должна быть нашей крепостью в сельском хозяйстве» (Хрущев, 1955: 63). Между тем в этой отрасли назревали большие перемены. Некоторые их признаки можно обнаружить уже в начале 1956 года, когда была одобрена просьба председателей двух колхозов Московской области

6. Там же. Ф. Р-1059. Оп. 2. Д. 32. Л. 32 об.

7. Там же. Д. 24. Л. 48 об.

8. Там же. Д. 36. Л. 20.

9. Там же. Д. 32. Л. 32 об.

о покупке нескольких тракторов (Miller, 1970: 317–318). В 1957 году в 24 артелях Ставропольского края и Кубани произошло слияние руководства колхоза и МТС (Шестаков, 2006: 237).

В 1957 — начале 1958 года Хрущев в своих выступлениях несколько раз затрагивал тему возможной реорганизации МТС. На февральском 1958 года пленуме ЦК КПСС он выступил с докладом «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций», а 31 марта того же года Верховный Совет СССР принял Закон о дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации МТС (Зеленин, 2001: 115–118).

Восемнадцатого апреля 1958 года появилось постановление ЦК КПСС и Совмина СССР № 425 «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации МТС». На следующий день вышло соответствующее постановление бюро Калининградского обкома КПСС и облисполкома, которое предписывало начать продажу техники колхозам за наличный расчет или с предоставлением для этой цели кредита сроком до 5 лет¹⁰. Уже к 1 июля 1958 года технику приобрели 124 из 133 колхозов области¹¹.

Вопрос о покупке техники в «Поречье» обсуждался сначала на партийном, а затем на общем собрании. Партсобрание, состоявшееся 19 марта 1958 года, не обошлось без дискуссий. Заседание открыл секретарь райкома КПСС Седов, проинформировавший об основных тезисах февральского пленума ЦК КПСС. Взявший после него слово председатель Старовойтов отметил, что прежний порядок «подчистую тормозил в работе колхоза», и предложил приобрести «любыми средствами» 9 тракторов и 4 комбайна, прицепной и навесной инвентарь, «или нам делать нечего». Идею главы артели разделяли не все собравшиеся. Бригадир тракторной бригады Тимофеев считал, что не следует спешить с покупкой техники без тщательной подготовки, поскольку «запчастей нету даже самых первых на взгляд — болтов, гаек...». Царев предположил, что покупать трактора и комбайны нужно лишь после того, как «более окрепнем», а пока «мы еще не стали миллионерами»¹². Скептически высказывались и другие партийцы.

Нашлись и сторонники незамедлительной покупки сельхозмашин. Савченко сказал, что «хотя мы и должны много государству, но технику приобретать необходимо», а колхозник Букштан заявил, что «нечего и смотреть, технику нужно купить, как бы оно ни было». Коммунист Исакова даже предложила «просить кредит» на эту цель¹³.

На общем собрании 3 апреля 1958 года, в присутствии секретаря райкома Глушкова, все ораторы с редким единодушием говорили, что

10. Там же. Ф. Р-139. Оп. 9. Д. 702. Л. 3.

11. Там же. Ф. Р-297. Оп. 8. Д. 607. Л. 39.

12. Там же. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 3. Л. 89-90.

13. Там же. Л. 90-91.

«на земле не может быть два хозяина», «МТС сыграли свою роль», «настало время приобретать технику» и «эффект в работе будет лучше». В итоге было вынесено единогласное решение выкупить у МТС тракторы и комбайны, а также станки для осуществления ремонтных работ¹⁴.

Технику, как и в других колхозах области, закупили в кредит. Уже в апреле 1958 года колхоз располагал 9 тракторами, за каждым из которых закреплялись один-два тракториста¹⁵. Комбайнов оказалось меньше — пять штук, но это весьма солидный показатель, т. к. 47% имевшихся в области комбайнов в 1958 году не были выкуплены колхозами¹⁶. Выплата кредита государству для «Поречья», как и для большинства артелей региона, оказалась делом непосильным: в феврале 1959 года Правдинский райисполком предоставил колхозу отсрочку в погашении платежей за технику¹⁷, а в 1964 году задолженность была списана (История сельского хозяйства Калининградской области, 2006: 177).

После реорганизации МТС Хрущев заявил, что «открылись новые возможности для развития сельского хозяйства и быстрее создания в стране обилия сельскохозяйственных продуктов»¹⁸. Однако его замысел о более эффективном использовании техники после ее перехода в распоряжение колхозов не оправдался. В январе 1959 года состоялось общее собрание колхоза «Поречье», центральное место в повестке которого заняла проблема механизации различных работ. Содержание дискуссии мало чем отличалось от времен существования МТС. Секретарь парторганизации Бекоев ругал механизаторов за простои техники и нежелание работать, а колхозник Марченко выразил недовольство отсутствием механизации в огородничестве¹⁹.

Агроном Ильина и бригадир тракторно-комплексной бригады Виноградов осенью 1960 года докладывали о медленном осеннем севе и уборке картофеля из-за поломки тракторов, колхозу пришлось срочно арендовать трактор у правдинской РТС для его эксплуатации в ночную смену. Фактически это был откат к временам МТС, когда в колхозе использовалась арендуемая техника. И в дальнейшем артель продолжала заимствовать технику в сторонних организациях (РТС, ММС)²⁰.

Реорганизация МТС изначально виделась делом нескольких лет. Но уже 24 ноября 1958 года заместитель председателя исполкома

14. Там же. Ф. Р-1059. Оп. 2. Д. 30. Л. 35 — 35 об.

15. Там же. Л. 8 об.

16. Там же. Ф. Р-297. Оп. 8. Д. 607. Л. 40.

17. Там же. Ф. Р-205. Оп. 3. Д. 58. Л. 82-Ж.

18. Пленум ЦК КПСС. 15–19 декабря 1958 г. Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1958. С. 59.

19. ГАКО. Ф. Р-1059. Оп. 2. Д. 32. Л. 28-29.

20. Там же. Д. 36. Л. 29; Ф. П-145. Оп. 1. Д. 4. Л. 9 об.

областного Совета депутатов трудящихся Логинов в отчете в Совет Министров РСФСР сообщил о том, что «в области полностью закончена реорганизация МТС в РТС»²¹. Форсирование реформы, однако, не дало ожидаемого эффекта — колхозы оказались не готовы к закупке и качественному обслуживанию техники, даже несмотря на списание задолженности за произведенные МТС работы²². Тяжелые условия труда механизаторов в сочетании с низкой заработной платой создали кадровую проблему, которую в рассматриваемый период решить так и не удалось.

На рубеже 1950–1960-х годов Хрущевым была инициирована очередная кампания укрупнения колхозов и реорганизации колхозов в совхозы, которую некоторые историки расценивают как окончательно разрушившую деревенский уклад (Попов, 1994). По стране число колхозов сократилось в 2,3 раза (с 91 тыс. в 1955 году до 39 тыс. в 1963 году) (Пыжиков, 2002: 157).

Мысль о создании на базе «Поречья» совхоза прозвучала на общем собрании колхозников, прошедшем в декабре 1961 года. После очередного разбора многочисленных проблем колхоза член ревизионной комиссии Жуков предложил попросить, чтобы «наш колхоз приняли в совхоз». До столь кардинальных преобразований дело не дошло, итогом собрания стала отставка председателя Самсонова²³.

В рассматриваемый период отчетливо наметилась тенденция к отмиранию «колхозной демократии». Спускаемые «сверху» важные директивы обсуждались в первую очередь на партийных собраниях. Затем организовывалось общее собрание колхозников, одобрявшее принятые решения без каких-либо дискуссий. Так получилось с укрупнением колхоза. Сначала состоялось объединенное собрание партийных организаций колхозов «Поречье» и «Советская Россия», перманентно пребывавшего в статусе отстающего, а в декабре 1963 года был образован укрупненный колхоз²⁴.

Два общих собрания колхозников прошли спокойно. На первом представитель РК КПСС Махобойский рассказал о том, что «крупное хозяйство быстрее развивается», а глава «Поречья» Тимофеев привел в пример успешно работающий после укрупнения колхоз им. Ильича. После этого колхозники при одном воздержавшемся проголосовали за объединение, а через день единогласно избрали

21. Там же. Ф. Р-297. Оп. 8. Д. 607. Л. 35.

22. Постановление Совета Министров СССР от 30 июня 1958 г. № 690 «Об отмене обязательных поставок и натуроплаты за работы МТС, о новом порядке, ценах и условиях заготовок сельскохозяйственных продуктов» / URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&dst=100001&n=37744&req=doc#KtCPYwS67nnivEjH> (дата обращения: 09.02.2022).

23. ГАКО. Ф. Р-1059. Оп. 2. Д. 39. Л. 55-58.

24. Там же. Ф. П-145. Оп. 1. Д. 4. Л. 60-64, 82.

председателем Тимофеева и попросили районные власти присвоить укрупненной артели название «Новая жизнь»²⁵.

Впрочем, в протокол партийного заседания, прошедшего уже в январе 1964 года, попали некоторые сведения о реакции колхозников на происходившие события. Как минимум часть из них с удовлетворением отнеслась к укрупнению, после собрания «выпив за воссоединение двух колхозов», о чем поведал шофер Гутник, разбивший после этого мероприятия колхозную машину²⁶.

Оплата труда: форма новая — проблемы старые

Аграрные реформы и государственная политика в сфере сельского хозяйства на колхозных собраниях обсуждались крайне редко. Одним из таких исключений стало общее собрание в июле 1954 года, во время которого председатель Старовойтов рассказывал о снижении норм поставок хлеба государству, повышении закупочных цен, возможности «иметь скот в личном пользовании, сколько нужно» и недоумевал, как при такой поддержке со стороны государства колхозники могут недобросовестно относиться к общественному труду. Эти увещевания потребовались, чтобы проголосовать за спущенное сверху предложение повысить минимальную норму выработки на трудоспособного до 200 трудодней в год. В 1956 году минимум для мужчин был увеличен до 350 трудодней, для женщин остался прежним²⁷.

В 1956–1964 годах предпринимались активные попытки мотивировать крестьян к работе в колхозе через дополнительную оплату труда. В 1956 году для колхозников, занятых в полеводстве и выработавших в месяц свыше 35 трудодней, предусматривалась выдача по 2 кг зерна и 2 рубля на один трудодень. Те, кто не добирал до нормы в 35 трудодней, получали по 1 кг зерна и 1 рублю на трудодень.

Предполагались бонусы, связанные с отпусками и больничными. Ежеквартальная выработка нормы трудодней и 280 выходов на работу в течение года позволяли колхознику получить 15-дневный отпуск за счет колхоза, а в случае получения производственной травмы — оплачиваемый больничный (50% среднемесячного заработка). Не выработавшие минимума трудодней могли довольствоваться отпуском исключительно за свой счет, а в случае пребывания на больничном им выплачивалось 25% среднемесячного заработка²⁸. На некоторых тяжелых работах в качестве оплаты устанавливалась

25. Там же. Ф. Р-1059. Оп. 2. Д. 47. Л. 37-39.

26. Там же. Ф. П-145. Оп. 1. Д. 5. Л. 4 об.

27. Там же. Ф. Р-1059. Оп. 2. Д. 20. Л. 51 об. — 54 об.; Д. 24. Л. 44.

28. Там же. Л. 43 об. — 44.

доля от собранного урожая для личного потребления. Так, на копке картофеля она составляла 10%²⁹.

Однако все эти нововведения не могли удовлетворить даже минимальных потребностей колхозников. В 1963 году во время закрытого партийного собрания бригадир Кудрявцев объяснил невыход на работу своих подчиненных-полеводов тем, что они свой заработок считают низким. Реакции на заявление Кудрявцева не было никакой, а собрание в качестве инструмента для укрепления трудовой дисциплины постановило «организовать группы содействия партийного и государственного контроля»³⁰.

В животноводстве доплаты были чуть более ощутимыми. Хорошая работа на фермах позволяла рассчитывать на премии от 25 до 60 рублей³¹, правда время от времени вскрывались факты увеличения показателей по надою за счет добавления в молоко воды³².

Различия в дополнительных платах животноводам и полеводам приводили к спорам на собраниях. В феврале 1958 года колхозник Жуков предложил пересмотреть несправедливые, по его мнению, нормы их начисления, поскольку «многие доярки получают большую доплату», а полеводы, которые «поработали хорошо, и хлеб сохранен полностью», — нет. «Насколько “много” начисляют трудодней в животноводстве, то я могу отказаться от работы конюха и передать другому колхознику», — едко ответил ему труженик фермы Ягодников. К дискуссии присоединились другие колхозники, но зарождавшийся конфликт длинной речью погасил секретарь райкома КПСС Седов, отметивший «большие ошибки» всех колхозников³³.

В действительности заработки животноводов, даже при наличии различных стимулирующих выплат, также были мизерными. Зоотехник Осоловский на собрании в октябре 1960 года недоумевал, почему в колхозе имеется дефицит доярок, ведь «оплата хорошая», и упрекнул доярку Полянцеву, переставшую выходить на работу. В ходе разбирательств выяснилось, что Полянцева предпочла колхозу более высокооплачиваемую должность школьной уборщицы³⁴.

Немного выше оценивался труд механизаторов. Колхозным комбайнерам руководство артели во время уборочной кампании 1958 года предложило доплаты в 6 рублей и 6 кг хлеба за каждую намолоченную тонну зерна, а для тех, кто за период уборочной смог бы намолотить 250 тонн зерна, предполагался ценный подарок:

29. Там же. Д. 36. Л. 26 об.

30. Там же. Ф. П-145. Оп. 1. Д. 4. Л. 51-52.

31. Там же. Ф. Р-1059. Оп. 2. Д. 27. Л. 8.

32. Там же. Д. 32. Л. 1 об.

33. Там же. Д. 30. Л. 31 об. — 33.

34. Там же. Д. 36. Л. 30.

ручные часы «Победа» для комбайнера и карманные часы для его помощника³⁵.

Сами механизаторы не были удовлетворены своей заработной платой. Комбайнер Шарай 12 августа 1960 года призывал правление оплачивать сверх оклада «уборку на увлажненных землях, на полегших хлебах и засоренных участках». Его предложение нашло определенный отклик у руководства колхоза: три дня спустя расценки норм выработки комбайнерам были увеличены в два раза³⁶.

Несмотря на это, механизаторы искали возможность сторонних заработков с использованием колхозной техники. Тракторист Михеев в течение четырех часов своей рабочей смены перевозил на тракторе личное сено Николаю Пыльцову. Скрыть факт нарушения не получилось, ввиду чего Михеев был наказан финансово: из зарплаты была вычтена сумма аренды трактора по ставке РТС³⁷.

Зарплаты руководящего состава артели разнились. Самым высокооплачиваемым был председатель, второе место занимали бухгалтер и зоотехник, получавшие 80% от зарплаты главы артели. Сумма оплаты труда бригадиров, механика, агронома и ветврача была еще на 10% ниже. Работу бригадных учетчиков оценивали в 70% месячного оклада бригадира³⁸.

В марте 1956 года вышло в свет Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О ежемесячном авансировании колхозников и дополнительной оплате труда в колхозах»³⁹, задавшее тон постепенному переходу сельхозартелей на денежную форму оплаты труда. В общесоюзном тренде оказалось и «Поречье», где в конце 1950-х годов на собраниях зазвучали призывы полностью перейти на денежную оплату труда. Первым об этом высказался секретарь парторганизации Бекоев. В январе 1959 года на партийном собрании он сказал, что «наступило время перехода на денежную оплату труда колхозников, это поднимет трудовую дисциплину и повысит производительность труда»⁴⁰, а в феврале того же года на общем собрании заявил о необходимости «готовить почву к переходу на денежную оплату»⁴¹.

Но разговоры без конкретных решений продолжались довольно долго. Эта тенденция была свойственна стране в целом, где к концу 1959 года только 8% колхозов перешли на денежную форму оплаты

35. Там же. Д. 30. Л. 15 об.

36. Там же. Д. 36. Л. 22, 24.

37. Там же. Л. 30.

38. Там же. Л. 13 об.

39. О ежемесячном авансировании колхозников и дополнительной оплате труда в колхозах. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 марта 1956 г. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/246074#-mode/inspect/> (дата обращения: 12.02.2022).

40. ГАКО. Ф. П-145. Оп. 1. Д. 3. Л. 108 об.

41. Там же. Ф. Р-1059. Оп. 2. Д. 32. Л. 28 об.

(Вербицкая, 1992: 44). В марте 1960 года правление постановило вынести на суд общего собрания вопрос о переходе на выдачу зарплаты деньгами и утверждении тарифной сетки — расценок тех или иных видов работ⁴², но до общего обсуждения дело не дошло. В колхозе в это время господствовала смешанная форма оплаты труда. Например, кузнец зарабатывал в месяц 50 трудодней и 300 рублей, а счетовод-кассир — 45 трудодней и 100 рублей⁴³.

В апреле 1962 года правление утвердило переход на денежную оплату труда, образовав комиссию из 7 человек по составлению норм выработки и расценок⁴⁴. В июне было решено выплачивать зарплату дважды в месяц⁴⁵. Ожидаемого стремительного роста производительности труда за этим не последовало: колхозники продолжали нехотя выходить на работу, а техника простаивать.

Попытки стимулировать людей трудиться в колхозе за счет дополнительных выплат оказались провальными. Рациональная на первый взгляд идея, продвигаемая на различных собраниях районным и колхозным начальством, которую можно свести к формуле «больше и лучше поработал, больше заработал», в реальности не приносила пользы по вполне простой причине: основная заработная плата (будь то выдачи на трудодни, комбинированная оплата труда или чисто денежный оклад) даже в совокупности с различными доплатами и премиями по-прежнему не позволяла обеспечить крестьянскую семью самыми необходимыми средствами для существования без привлечения сторонних источников дохода. Лучше всего это иллюстрируют заявления самих колхозников, обращавшихся в правление с жалобами на низкую заработную плату.

Наступление на личные подсобные хозяйства

С первых дней существования «Большевика» на собраниях велись разговоры о вреде личного хозяйства, повышенное внимание крестьян к которому тормозит развитие колхоза. Доклад Хрущева на сентябрьском пленуме 1953 года, в котором прозвучали слова о необходимости мириться с подсобными хозяйствами, «пока общественное хозяйство колхоза еще недостаточно развито» (Хрущев, 1953: 9), позволил колхозникам более свободно заниматься личным подворьем. С 1 января 1954 года колхозники освобождались от обязательных поставок сельхозпродуктов (Никонов, 1995: 306).

Эта однозначно позитивно оцениваемая в историографии реформа руководством колхоза воспринималась негативно. Старовойтов,

42. Там же. Д. 36. Л. 8.

43. Там же. Л. 6, 12, 13 об., 17.

44. Там же. Д. 44. Л. 11.

45. Там же. Л. 17 об.

в ходе зашедшего на отчетно-выборном партийном собрании в мае 1955 года разговора о низком уровне трудовой дисциплины, заявил, что налоговые послабления для личных подсобных хозяйств поспособствовали еще большей демотивации к труду общественному, поскольку «помогают недисциплинированным», т. е. крестьянам, отдававшим предпочтение ведению собственного хозяйства⁴⁶.

Настороженное отношение к подсобным хозяйствам сохранялось как на государственном, так и на локальном уровне. Новые ограничительные меры не заставили себя ждать. В марте 1954 года Совмин СССР принял Постановление № 520 «О порядке рассмотрения заявлений колхозников, рабочих и служащих, проживающих в сельской местности на территории колхозов, об уменьшении размеров приусадебных участков», которым предусматривалось сокращение личных земельных наделов⁴⁷. Руководствуясь этим решением, в «Большевике» в 1955 году урезали приусадебные участки 12 членов артели с 0,5 до 0,25 га «в связи с потерей связи с колхозом, неучастием в общественном труде»⁴⁸.

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 марта 1956 года «Об уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управлении делами артели» предусматривало уменьшение размеров приусадебных участков для лиц, мало работающих в колхозах, и дальнейшее сокращение приусадебного земельного фонда, поскольку общественное хозяйство «несравненно выгоднее». Аргументировалось такое решение ссылкой на «многочисленные письма» трудящихся, жаловавшихся на «нерадивых колхозников», которые «раздувают свое личное хозяйство в ущерб общественному»⁴⁹.

На местном уровне реакция последовала незамедлительно. В «Большевике» уже в марте 1956 года появилась комиссия по обрезке приусадебных участков, которую возглавил председатель ревизионной комиссии Васюков⁵⁰.

В новом уставе артели, принятом в 1961 году, прописывалась возможность уменьшения площади личного участка на 0,05–0,1 га в случае невыработки установленного минимума трудодней, а для не живущих в колхозе или не выходящих на работу вообще участок сокращался вдвое. Самовольный захват земли грозил

46. Там же. Ф. П-145. Оп. 1. Д. 2. Л. 103.

47. Постановление № 520 от 26.03.1954 г. «О порядке рассмотрения заявлений колхозников, рабочих и служащих, проживающих в сельской местности на территории колхозов, об уменьшении размеров приусадебных участков». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4944.htm#:~:text=Совет%20министров%20СССР.%20Постановление.%20от,06%20уменьшении%20размеров.%20Приусадебных%20участков (дата обращения: 13.02.2022).

48. ГАКО. Ф. Р-1059. Оп. 2. Д. 22. Л. 18 об. — 19.

49. История колхозного права: сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг. М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1958. Т. II. С. 450–451.

50. ГАКО. Ф. Р-1059. Оп. 2. Д. 24. Л. 5 об.

санкциями по статье 199 Уголовного кодекса РСФСР 1960 года (исправительные работы на срок от шести месяцев до одного года или штраф до 300 рублей)⁵¹. Правление получало возможность сокращать или изымать участки в случае их запущенности. Были и послабления: в целях развития садоводства каждый колхозный двор мог получить сверх нормы до 0,1 га земли⁵².

Одновременно проводился комплекс мероприятий по сокращению поголовья домашнего скота и птицы в личных хозяйствах. В августе 1956 года было издано Постановление Совета Министров СССР № 1192 «О мерах борьбы с расходом из государственных фондов хлеба и других продовольственных продуктов на корм скоту», которым запрещалось «скармливание скоту и птице хлеба, муки, крупы, картофеля и других продовольственных продуктов, покупаемых в государственных и кооперативных магазинах»⁵³, что негативно повлияло на продуктивность личного скота и птицы.

Стартовавшая в 1957 году кампания под лозунгом «Догнать и перегнать США по производству мяса, масла и молока на душу населения» означала очередной виток наступления на личные хозяйства колхозников, поскольку в ходе ее осуществления у них стали изымать скот в счет поставок колхозов и совхозов государству (Коньшев, 2011: 106).

Ревизионная комиссия «Поречья» проводила рейды по колхозу с целью выявления имевшихся домашних животных сверх положенных по уставу норм. Нарушителям предлагалось на выбор сдать лишний скот в колхоз или заплатить внушительный штраф: например, каждый лишний гусь был оценен в 2,5 руб., овцематка — в 15 руб., а свиноматка — в 50 руб.⁵⁴.

На ограничения своих подсобных хозяйств и дополнительные повинности крестьяне отвечали использованием общественного имущества в личных целях. Обычным явлением для сельской повседневности было использование колхозных лошадей на приусадебных участках во время рабочего дня. Правление колхоза пыталось пресекать подобные нарушения введением ограничений: в сентябре 1956 года бригадирам запретили выдавать колхозных лошадей труженикам артели в рабочее время⁵⁵. Каких-либо санкций за нарушение этого правила установлено не было — в руководстве колхоза прекрасно понимали значимость тягловой

51. Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. URL: <https://www.dokipedia.ru/document/5160945?pid=1148> (дата обращения: 13.02.2022).

52. ГАКО. Ф. Р-1059. Оп. 2. Д. 40. Л. 1-2.

53. Постановление Совета Министров СССР № 1192 «О мерах борьбы с расходом из государственных фондов хлеба и других продовольственных продуктов на корм скоту». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5123.htm (дата обращения: 25.03.2022).

54. ГАКО. Ф. Р-1059. Оп. 2. Д. 39. Л. 20; Д. 44. Л. 18.

55. Там же. Ф. Р-1059. Оп. 2. Д. 24. Л. 25 об.

силы для обработки личных участков, к чему систематически прибегали и сами члены правления.

Собственный скот и птицу крестьяне предпочитали выпускать на колхозные поля, где они бесконтрольно кормились, что приводило к порче посевов. В протоколах колхозных собраний это называлось «потравами», за которые устанавливались штрафы⁵⁶.

В историографии указывалось на отрицательные последствия борьбы с личными подсобными хозяйствами, что вело к ограничению важного источника производства продовольствия в стране и снижению уровня жизни населения, а также спровоцировало отток рабочей силы из деревни (Коньшев, 2011: 108–109).

Тринадцатого ноября 1964 года, уже после отставки Хрущева, было принято Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об устранении необоснованных ограничений подсобного хозяйства колхозников, рабочих и служащих», означавшее ослабление давления на личные подсобные хозяйства. Согласно данным, приводимым М. А. Безниным, средний размер земельных участков колхозников в Калининградской области увеличился с 28 соток в 1964 году до 32 соток в 1965 году (Безнин, 1991: 101). Несмотря на долгие годы государственной борьбы с личными подсобными хозяйствами, полностью подорвать интерес крестьянина к труду на собственной земле не удалось, хотя позднее ЛПХ утратили былое значение для доходов колхозников.

Как преобразования в сельском хозяйстве отразились на показателях работы колхоза

В заключительной части статьи предпринята попытка на основе анализа годовых отчетов колхоза за 1953–1961 годы оценить результаты маленковско-хрущевских реформ в сельском хозяйстве на микроуровне. Отчеты за 1962–1963 годы не сохранились; не использовались также экономические показатели 1964 года, так как после укрупнения колхоз представлял собой уже совершенно иную структуру с гораздо большим количеством работников, посевных площадей и животноводческих ферм.

В рассматриваемый период колхоз имел животноводческий уклон, и положение в этой отрасли на заседаниях правления характеризовалось как кризисное. Нехватка кормов, отсутствие необходимой инфраструктуры, низкий уровень механизации и кадровый дефицит не позволяли рассчитывать на достижение высоких показателей.

Хотя количество скота и птицы в колхозе вроде постоянно увеличивалось вплоть до начала 1960-х годов (табл. 1), главным источником прироста поголовья являлись личные хозяйства колхозников.

56. Там же. Д. 30. Л. 20 об.; Д. 32. Л. 18, 34.

	1953	1954	1955	1956	1957	1958	1959	1960	1961
КРС	199	261	234	274	348	401	452	495	509
в т. ч. коров	–	–	–	–	–	180	174	201	231
Свиньи	142	245	336	246	467	442	585	405	656
Куры	–	1250	1243	728	1034	1417	1500	1440	1986
Овцы и козы	–	–	206	140	290	291	123	186	179
Пчелы (семей)	28	28	–	66	66	73	82	90	105
Лошади	87	81	–	74	74	77	72	69	55

М. В. Филев
Как реформы Ма-
ленкова и Хруще-
ва изменили жизнь
колхоза «Боль-
шевик»: опыт ми-
кроисторического
исследования

Источник: ГАКО. Ф. Р-139. Оп. 9. Д. 384, 450, 515, 591, 678, 780, 899, 988-М, 1072-П.

Успехи в животноводстве во многом достигались за счет ежегодной контрактации. Например, в 1954 году председатель Старовойтов объявил проведение контрактации по закупке телят и овец у колхозников и жителей города Правдинска. За 1 кг живого веса предлагалось 4,5–5 рублей деньгами или 3 кг зерном, при этом «плохо развитые» телята не закупались⁵⁷ (для сравнения: цена говядины на колхозных рынках области в середине 1950-х годов составляла 18–24 руб.)⁵⁸. В 1959 году для выполнения «грандиозной задачи» по увеличению сдачи мяса государству инструктор райкома КПСС Глушков рекомендовал «всех имеющихся телят законтрактовать в колхоз»⁵⁹.

Практика закупки скота, выращенного в личных хозяйствах, для выполнения производственных планов колхозов со второй половины 1950-х годов стала постоянно расширяться. Сверху спускались планы «контрактации телят», закупки «излишков сельхозпродукции» у колхозников. Парторганы всех уровней бдительно следили за выполнением этих планов⁶⁰.

Через госбанк колхозам выделялись на эти цели немалые кредитные средства, которые впоследствии благополучно списывались. Так, например, в июле-августе 1956 года по области у частных лиц было закуплено 2006 голов крупного рогатого скота, на что из госбанка колхозам был выдан кредит в 9,8 млн руб. Через несколько лет, в августе-сентябре 1960 года, план

57. Там же. Ф. Р-1059. Оп. 2. Д. 20. Л. 23 — 23 об.

58. Там же. Ф. Р-404. Оп. 4. Д. 113. Л. 10.

59. Там же. Ф. Р-1059. Оп. 2. Д. 32. Л. 28 об.

60. Там же. Ф. П-1. Оп. 32. Д. 21а. Л. 55, 63.

закупок у населения составлял уже 3060 голов коров и 8150 телят⁶¹. А в течение всего 1960 года «с целью увеличения поголовья скота» колхозы и совхозы области должны были закупить с приусадебных хозяйств 50–60 тыс. голов крупного рогатого скота и не менее 35 тыс. телят⁶². На областной партконференции в январе 1960 года, где эти цифры были оглашены первым секретарем обкома Ф. В. Марковым, в выступлениях делегатов прозвучала и критика такой практики «получения мяса и молока от индивидуального сектора»; высказано мнение, что «такой опыт распространять не следует», а необходимо «больше выращивать мяса за счет социалистического сектора»⁶³.

Впрочем, на эти «правильные» речи никто не обратил внимания. Обращение за помощью к частному сектору, похоже, было единственным способом выполнения колхозами обязательств перед государством. Постоянная нехватка кормов не позволяла надеяться на дальнейший рост и увеличение продуктивности колхозного стада: животных нечем было кормить. В конце концов колхоз был вынужден продавать часть скота, чтобы на вырученные деньги приобрести корма⁶⁴.

В части продуктивности животноводства стабильного увеличения показателей не было (табл. 2). Рост сменялся спадом, и наоборот. Так, в 1956 году средний удой на одну корову составил 2357 л, в 1957 году — 3146 л, а в 1958 году уменьшился до 2815 л. Колхоз регулярно входил в число лидеров по надоям на одну корову и заметно превосходил средние показатели по РСФСР. На рубеже 1950–1960-х годов «Поречье» стало отставать от средних показателей по региону.

Таблица 2. Среднегодовые удои на 1 корову в 1953–1961 годах (кг)

	1953	1957	1958	1959	1960	1961
РСФСР	1199	2001	2062	2130	2025	1940
Калининградская область	2611	3004	2778	2858	2721	2665
«Большевик» («Поречье»)	1970	3146	2815	2541	2564,6	2527

Источник: ГАКО. Ф. Р-139. Оп. 9. Д. 384, 678, 780, 899, 988-М, 1072-П; Народное хозяйство РСФСР в 1956–1961 гг. М., 1957–1962.

61. Там же. Ф. П-1. Оп. 19. Д. 67. Л. 31; Оп. 32. Д. 18. Л. 13.

62. Для сравнения: в этот период по всей области в год закупалось государством во всех типах хозяйств от 14,4 тыс. тонн мяса всех видов в 1955 году до 31,5 тыс. тонн в 1961 году (ГАКО. Ф. П-1. Оп. 19. Д. 49. Л. 11; Оп. 32. Д. 21. Л. 45, 52-53, 56).

63. ГАКО. Ф. П-1. Оп. 32. Д. 2. Л. 181-182.

64. Там же. Ф. Р-1059. Оп. 2. Д. 36. Л. 41.

Аналогичной была картина и в птицеводстве. В 1956 году яйценоскость находилась на уровне 37 яиц на одну курицу-несушку. В 1957 году последовал резкий взлет до 114 яиц, в 1958 году продуктивность птицефермы увеличилась до 142 яиц на одну курицу, но затем последовало снижение до 94,5 шт. Птичник Шемякин на партийном собрании объяснял низкую яйценоскость отсутствием надлежащих условий: «Давай посмотрим, как же они (птицы. — М. Ф.) пережили зимний сезон, в каком помещении они зимовали и какой [им] давали корм, и поэтому сказывается на яйценоскости»⁶⁵.

Одним из главных аргументов при оценивании эффективности реформ Маленкова в историографии считается увеличение валового сбора сельхозкультур. При сравнении 1953 и 1956 годов, действительно, можно обнаружить заметный прирост собранного урожая: озимой пшеницы в 4,8 раза, озимой ржи в 2,6 раза, картофеля в 1,7 раза (рис. 1).

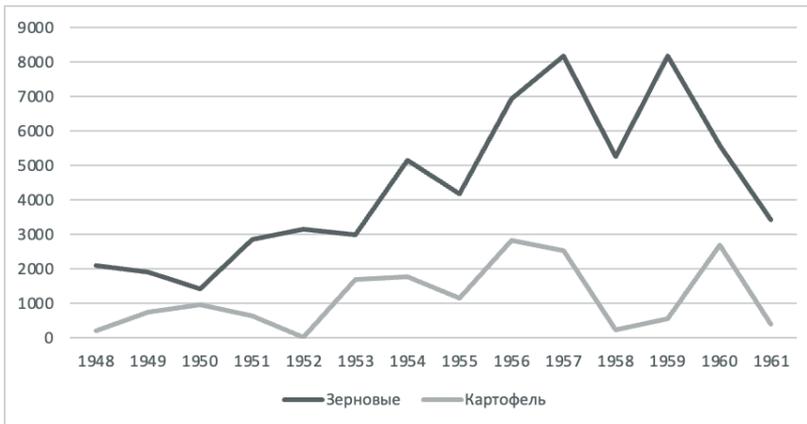

Рисунок 1. Валовые сборы зерновых и картофеля в колхозе «Большевик»/«Поречье» в 1948–1961 гг. (центнеров)

Источник: ГАКО. Ф. Р-139. Оп. 9. Д. 89, 136, 188, 237, 298, 384, 450, 515, 591, 678, 780, 899, 988-М, 1072-П.

Однако это увеличение достигалось экстенсивными методами. В истории колхоза была даже своя маленькая целинная кампания. В марте 1954 года в Поречье прибыл представитель облисполкома Коцибаев, поставивший задачу увеличения зерновой продукции посредством «освоения целинных земель». Общее собрание посчитало идею правильной, вынеся решение «увеличить рост посевных площадей в колхозе «Большевик» за счет подъема

65. Там же. Ф. П-145. Оп. 1. Д. 2. Л. 105.

целинных земель»; всего предполагалось освоить 150 га⁶⁶. В результате площадь посевов озимой пшеницы с 1953 по 1956 год увеличилась с 62 до 285 га (в 4,6 раза), картофеля с 20 до 47 га (в 2,4 раза). Но успешным оказалось разве что выращивание озимой ржи и овса. При росте валовых сборов ржи в 2,6 раза площадь посевов почти не поменялась (68 га в 1953 году, 72 га в 1956 году), а сборы овса стали больше в 1,4 раза при уменьшении площади со 170 до 67 га. В 1960 году колхоз получил в свое распоряжение еще 291,4 га земли⁶⁷.

Другим важным источником прироста показателей в полеводстве оказалось увеличение численности трудоспособных колхозников. Рекордные показатели по валовому сбору зерновых были достигнуты в 1959 году (8175 ц), что совпало с наличием наибольшего количества трудоспособных членов артели (228). В последующие два года количество трудоспособного населения уменьшилось, одновременно произошёл заметный спад валовых сборов зерновых (рис. 2).

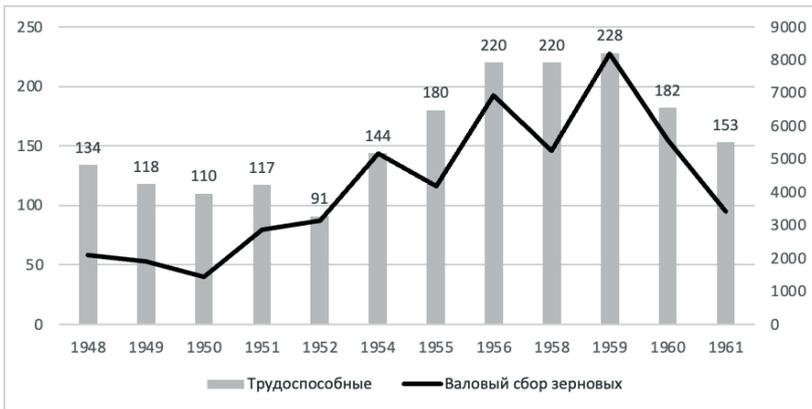

Рисунок 2. Динамика валовых сборов и количества трудоспособных колхозников в 1948–1961 гг.

Источник: ГАКО. Ф. Р-139. Оп. 9. Д. 89, 136, 188, 237, 298, 384, 450, 545, 594, 678, 780, 899, 988-М, 1072-П.

При этом часть урожая терялась во время уборочных кампаний. В 1960 году пореченцы не смогли убрать 22 га озимой пшеницы, 10 га яровой пшеницы, 15 га ярового ячменя, 35 га овса, 7 га картофеля и 2 га гороха (это был весь горох, посеянный в тот год)⁶⁸. В 1961 году из отчетов даже была убрана графа «фактически убрано», осталась только «фактически посеяно»⁶⁹.

66. Там же. Ф. Р-1059. Оп. 2. Д. 20. Л. 50 об.

67. Там же. Ф. Р-205. Оп. 3. Д. 66. Л. 243–244.

68. Там же. Ф. Р-139. Оп. 9. Д. 899. Л. 166.

69. Там же. Д. 1072-П.

Важным показателем для оценки эффективности колхозного полеводства является урожайность. Из данных, приведенных в таблице 3, следует, что в указанные годы отсутствовал стабильный рост урожайности зерновых, картофеля и овощей. В 1961 году урожайность пяти зерновых культур и вовсе вернулась на уровень 1953 года (6,89 ц/га в 1953 году, 6,41 ц/га в 1961 году).

Таблица 3. Средняя урожайность зерновых, картофеля и овощей в колхозе «Большевик»/«Поречье» (ц/га)

Культура	1950	1951	1952	1953	1954	1955	1956	1957	1958	1959	1960	1961
Пшеница озимая	2,4	-	21,9	14,8	10,1	6,6	15,8	12,6	7,1	19,5	15,6	8,6
Рожь озимая	3,4	10,6	8,5	6,9	11,7	7,7	16,7	16,1	10,2	14,3	15,5	14,2
Пшеница яровая	6,1	4,0	6,2	9,3	4,9	9,5	13,0	18,9	17,8	12,2	10,7	5,2
Ячмень яровой	5,7	14,2	7,0	5,0	10,3	4,2	12,3	37,6	33,0	16,7	8,6	3,9
Овес	4,0	6,2	4,2	3,2	6,8	9,3	11,2	12,9	9,6	16,5	5,4	7,6
Картофель	51,7	41,8	1,1	85,5	50,0	27,4	60,0	60,0	18,9	90,0	13,3	18,1
Овощи	13,0	-	47,8	-	-	-	43,0	47,3	88,2	29,4	94,5	136,7

Источник: ГАКО. Ф. Р-139. Оп. 9. Д. 89, 136, 188, 237, 298, 384, 450, 515, 591, 678, 780, 899, 988-М, 1072-П.

Среди главных причин такой нестабильности в полеводстве можно выделить погодные условия, низкую производительность труда, проблемы с техникой и инвентарем, тяжелые почвы, зачастую заставлявшие колхозников вести посев и уборку вручную.

Скользкие пятилетние значения урожайности зерновых и картофеля позволяют обнаружить некоторый прирост урожайности зерновых (рис. 3).

Для всех зерновых (кроме овса) лучшим оказался промежуток с 1956 по 1960 год. Лучшие показатели по урожайности картофеля пришли на отрезок с 1953 по 1957 год. Для всех зерновых в последнем периоде (1957–1961 годы) произошло снижение урожайности, но в сравнении с начальным периодом можно отметить ее прирост: для озимой ржи — на 18,6%, озимой пшеницы — на 5,8%, яровой пшеницы — на 11,7%, овса — на 19,5%. В то же время урожайность картофеля в сравнении с 1953–1957 годами упала на 29,2%.

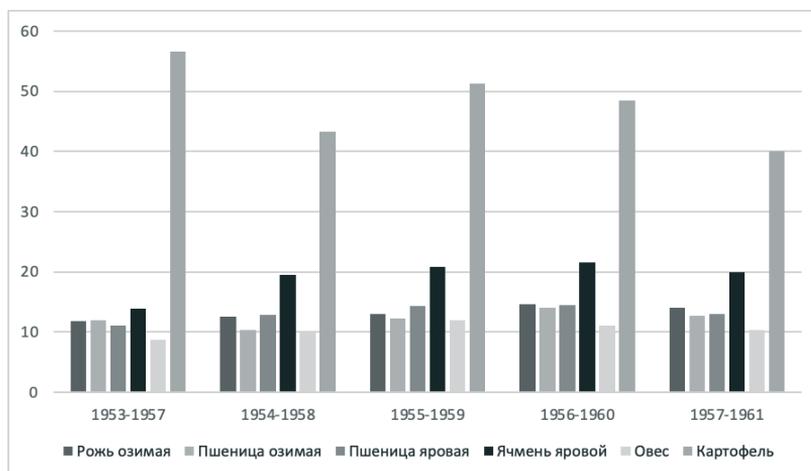

Рисунок 3. Динамика урожайности зерновых культур и картофеля в 1953–1961 гг.

Источник: ГАКО. Ф. Р-139. Оп. 9. Д. 89, 136, 188, 237, 298, 384, 450, 515, 591, 678, 780, 899, 988-М, 1072-П.

Выступая в декабре 1953 года на областном совещании по обсуждению итогов сентябрьского пленума, первый секретарь Калининградского обкома партии В. Е. Чернышев заметил, что «есть указания Хрущева и Маленкова — дать нам всё, и мы должны показать высокие результаты»⁷⁰. Однако колхозная действительность не оправдывала надежды высокопоставленного руководства. Годовые отчеты колхоза за 1953–1961 годы демонстрируют, что добиться устойчивого роста и достижения высоких показателей не удалось ни в животноводстве, ни в полеводстве.

Заключение

Анализ реализации государственной аграрной политики с 1953 по 1964 год в одном конкретном колхозе, конечно, не может служить основанием для окончательных выводов относительно ее эффективности, однако такое микроисторическое исследование позволяет подвергнуть сомнению справедливость доминирующего в историографии мнения о существенных позитивных изменениях, которую привнесли в жизнь советской деревни маленковско-хрущевские реформы. Повседневные практики колхоза «Большевик» показывают, что экономические показатели деятельности сельхозартели, как и общее благосостояние колхозников,

70. Там же. Ф. Р-139. Оп. 9. Д. 335. Л. 19.

оставались на крайне низком уровне. Не оправдались ожидания от многочисленных реорганизаций и слияний, часто непродуманных и неподготовленных. Небольшое повышение доходов за счет изменений в системе оплаты было недостаточным, чтобы стимулировать рост производительности труда и компенсировать потери от непрекращающегося наступления государства на личные подсобные хозяйства, которые оставались основным источником средств к существованию крестьянской семьи.

Некоторые позитивные сдвиги в показателях колхоза в животноводстве были связаны почти исключительно с закупками и реквизициями из подсобных хозяйств скота и птицы. Добиваться незначительного (и неустойчивого) прироста валовых сборов урожая удавалось благодаря росту числа работников и введению в оборот новых земель, в том числе изымаемых у колхозников, то есть экстенсивными методами. Колхозники продолжали отвечать государству пассивным сопротивлением, которое заключалось в нарушении трудовой дисциплины, «отходничестве» на работу в город и использовании общественной собственности в личных целях. Такой итог объясняется тем, что все рассмотренные в статье реформы имели поверхностный характер и не затрагивали коренных причин неэффективности колхозной системы.

Библиография

- Андреевков С. Н. (2010). Материальные стимулы в колхозах Сибири в 1953–1964 годы // Исторический ежегодник. С. 119–130.
- Безнин М. А., Димони Т. М. (2014). Аграрный строй России 1930–1980-х гг. М.: Ленанд.
- Безнин М. А., Димони Т. М. (2002). Повинности российских колхозников в 1930–1960-е годы // Российская история. № 2. С. 96–111.
- Безнин М. А. (1991). Крестьянский двор в российском Нечерноземье. 1950–1965 гг. М.: Вологда.
- Вербицкая О. М. (1992). Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. М.: Наука.
- Данилов В. П. (2011). История крестьянства СССР в XX веке: избранные труды: в 2 ч. М.: РОССПЭН.
- Зеленин И. Е. (2001). Аграрная политика Хрущева и сельское хозяйство. М.: ИРИ РАН.
- Зеленин И. Е. (2000). Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство // Труды Института российской истории РАН. 1997–1998 гг. Вып. 2 / Отв. ред. А. Н. Сахаров. М.: ИРИ РАН. С. 394–425.
- Жуков Ю. Н. (2000). Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М.: ТЕРРА-Книжный клуб.
- История крестьянства СССР (1988). М.: Наука. Т. 4.
- История сельского хозяйства Калининградской области (2006). Калининград: ИП Мишуткина.
- Коньшев Д. Н. (2011). Государственная политика ограничения личного подсобного хозяйства (конец 1950-х — начало 1960-х гг.) // Российская история. № 3. С. 102–111.
- Лаптев Г. Н., Макаров П. И. (1963). Сентябрьский пленум Центрального комитета КПСС. М.: Политиздат.
- Маленков Г. М. (1953). Речь на пятой сессии Верховного Совета СССР. М.: Госполитиздат.

- Мотревич В. П. (2019). Аграрная политика Н. С. Хрущева: основные направления и результаты // Аграрное образование и наука. № 1. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_39241058_41196725.pdf.
- Никонов А. А. (1995). Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М.: Энциклопедия российских деревень.
- Пихоя Р. Г. (2000). Советский Союз: история власти. 1945–1991. Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Полх П. П. (2008). Колхозы и МТС Калининградской области в послевоенные годы: поиск оптимальной модели взаимоотношений // Калининградские архивы. Вып. 8. С. 138–148.
- Попов В. П. (1994). «Второй и важнейший этап» (об укрупнении колхозов в 50-е — начале 60-х годов) // Отечественные архивы. № 1. С. 27–50.
- Пыжигов А. В. (2002). Хрущевская «оттепель». М.: ОЛМА-ПРЕСС.
- Томилини В. Н. (2009). Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного центра России в послевоенный период: 1945–1958 гг. М.: АИРО-XXI.
- Томилини В. Н. (2020). Реорганизация колхозов СССР после реформы 1958 года // Северо-Запад в аграрной истории России. Вып. 26. С. 243–259.
- Филев М. В. (2020). Создание переселенческих колхозов в Калининградской области в первые послевоенные годы // Роль государства в колонизационных процессах: от древности к современности. Уфа: Изд-во БГУ. С. 260–266.
- Хрущев Н. С. (1955). Об увеличении производства продуктов животноводства: доклад на пленуме Центрального комитета КПСС 25 января 1955 года. М.: Госполитиздат.
- Хрущев Н. С. (1953). О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР. Доклад на пленуме ЦК КПСС 1953 г. М.: Госполитиздат.
- Шестаков В. А. (2006). Социально-экономическая политика советского государства в 50-е — середине 60-х годов. М.: Наука.
- Miller R. F. (1970). One Hundred Thousand Tractors: The MTS and the Development of Controls in Soviet Agriculture. Massachusetts: Harvard University Press.

How the reforms of Malenkov and Khrushchev changed the life of the collective farm Bolshevik: A microhistoric study

Maksim V. Filev, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University. 236041, Kaliningrad, Alexander Nevsky St., 14. E-mail: tsvachimo3@mail.ru

Abstract. In historiography, agricultural transformations started by G. M. Malenkov and N. S. Khrushchev are usually considered as having improved the situation of the peasantry and the level of production. The author assesses the effectiveness of these reforms with a microhistorical approach based on the study of the collective farm Bolshevik in the Pravdinsky district of the Kaliningrad Region — as typical for the region and the country. The research is based on the archives of this *kolkhoz*: collective farmers', communist party members' and managers' meetings, annual reports, documents of the regional agricultural authorities. The article describes the main changes in the structure of agricultural production: reorganization of labor brigades, daily routines and machine-tractor stations, consolidation of the collective farm, etc. The author examines the state policy regarding personal subsidiary economies of collective farmers: on the one hand, there were new restrictions, on the other hand, resources of peasant economies improved the statistical indicators of the *kolkhoz*. The article focuses on administrative and economic ways for motivating peasants to work in the collective farm and shows their inconsistency in terms of increasing labor productivity. Annual statistical reports of the collective farm on animal husbandry and crop production show no sustainable growth of any indicators and only modest progress due to the extensive methods of development and exploitation of the collective farmers' personal subsidiary econo-

mies. The author emphasizes the absence of any significant results from the 1950s reforms which did not affect the roots of the collective-farm system inefficiency.

Key words: agrarian reforms, microhistory, Kaliningrad Region, collective farm, machine-tractor station, personal subsidiary economies, G. M. Malenkov, N. S. Khrushchev

М. В. Филев
Как реформы Маленкова и Хрущева изменили жизнь колхоза «Большевик»: опыт исторического исследования

References

- Andreenkov S. N. (2010) Materialnye stimuly v kolhozah Sibiri v 1953–1964 gody [Material incentives in the collective farms of Siberia in 1953–1964]. *Istorichesky ezhegodnik*, pp. 119–130.
- Beznin M. A., Dimoni T. M. (2014) *Agrarny stroj Rossii 1930–1980-h gg.* [Russian Agricultural System in the 1930s–1980s], Moscow: LENAND.
- Beznin M. A., Dimoni T. M. (2002) Povinnosti rossijskikh kolhoznikov v 1930–1960-e gody [Duties of Russian collective farmers in the 1930s–1960s]. *Rossijskaja istorija*, no 2, pp. 96–111.
- Beznin M. A. (1991) *Krestjansky dvor v rossijskom Nechernozemie. 1950–1965 gg.* [Peasant Household in the Russian Non-Black Earth Region. 1950–1965], Moscow–Vologda.
- Danilov V. P. (2011) *Istorija krestjanstva SSSR v XX veke: izbrannye trudy* [History of the Soviet Peasantry in the 20th Century: Selected Works]: in 2 vols., Moscow: ROSSPEN.
- Filev M. V. (2020) Sozdanie pereselencheskikh kolhozov v Kaliningradskoj oblasti v pervye poslevoennye gody [Resettlement collective farms in the Kaliningrad Region in the first post-war years], *Rol gosudarstva v kolonizatsionnyh protsessah: ot drevnosti k sovremennosti*, Ufa: Izd-vo BGU, pp. 260–266.
- Khrushchev N. S. (1955) Ob uvelichenii proizvodstva produktov zhivotnovodstva: doklad na plenumе Tsentralnogo komiteta KPSS 25 janvarja 1955 goda [On the increase in the production of livestock: Report at the Plenum of the Central Committee of the CPSU on January 25, 1955], Moscow: Gospolitizdat.
- Khrushchev N. S. (1953) O merah dalnejshego razvitija selskogo hozjajstva SSSR. Doklad na plenumе CK KPSS 1953 g. [On measures for the further development of agriculture in the USSR. Report at the Plenum of the Central Committee of the CPSU in 1953], Moscow: Gospolitizdat.
- Istorija krestjanstva SSSR* [History of Peasantry in the USSR] (1988), Moscow: Nauka, vol. 4.
- Istorija selskogo hozjajstva Kaliningradskoj oblasti* [History of Agriculture in the Kaliningrad Region] (2006), Kaliningrad: IP Mishutkina.
- Konyshchev D. N. (2011) Gosudarstvennaja politika ogranichenija lichnogo podsobnogo hozjajstva (konets 1950-h — nachalo 1960-h gg.) [State policy of limiting personal subsidiary economies (late 1950s — early 1960s)]. *Rossijskaja istorija*, no 3, pp. 102–111.
- Laptev G. N., Makarov P. I. (1963) Sentjabrskij plenum Tsentralnogo komiteta KPSS [September Plenum of the Central Committee of the CPSU], Moscow: Politizdat.
- Malenkov G. M. (1953) Rech na pjatoj sessii Verhovnogo Soveta SSSR [Speech at the 5th Session of the Supreme Soviet of the USSR], Moscow: Gospolitizdat.
- Miller R. F. (1970). *One Hundred Thousand Tractors: The MTS and the Development of Controls in Soviet Agriculture*, Massachusetts: Harvard University Press.
- Motrevich V. P. (2019) Agrarnaja politika N. S. Khrushcheva: osnovnye napravlenija i rezultaty [Agrarian policy of N. S. Khrushchev: Main directions and results]. *Agrarnoe obra-zovanie i nauka*, no 1.
- Nikonov A. A. (1995) *Spiral mnogovekovoj dramy: agrarnaja nauka i politika Rossii (XVIII — XX vv.)* [The Spiral of the Centuries-Old Drama: Agrarian Science and Politics in Russia (XVIII — XX)], Moscow: Entsiklopedija rossijskikh dereven.
- Pikhoja R. G. (2000) *Sovetsky sojuz: istorija vlasti. 1945–1991* [Soviet Union: History of Power. 1945–1991], Novosibirsk: Sibirskij khronograf.

- Polkh P.P. (2008) Kolhozy i MTS Kaliningradskoj oblasti v poslevoennye gody: poisk optimalnoj modeli vzaimootnoshenij [Collective farms and MTS of the Kaliningrad Region in the post-war years: In search for an optimal model of relations]. *Kaliningradskie arhivy*, no 8, pp. 138–148.
- Popov V.P. (1994) “Vtoroj i vazhnejshy etap” (ob ukрупnenii kolhozov v 50-e — nachale 60-h godov) [“The second and most important stage” (on the consolidation of collective farms in the 1950s — early 1960s)]. *Otechestvennye arhivy*, no 1, pp. 27–50.
- Pyzhikov A.V. (2002) *Khrushchevskaja ‘ottepel’* [Khrushchev’s ‘Thaw’], Moscow: OLMA-PRESS.
- Shestakov V.A. (2006) *Sotsialno-ekonomicheskaja politika sovetskogo gosudarstva v 50-e — seredine 60-h godov* [Social-Economic Policy of the Soviet State in the 1950s — mid-1960s], Moscow: Nauka.
- Tomilin V.N. (2009) *Nasha krepost. Mashinno-traktornye stantsii Chernozemnogo Tsentra Rossii v poslevoenny period: 1945–1958 gg.* [Our Fortress. Machine-Tractor Stations of the Black-Earth Center of Russia in the Post-War Period: 1945–1958], Moscow: AIRO-XXI.
- Tomilin V.N. (2020) Reorganizatsija kolhozov SSSR posle reformy 1958 goda [Reorganization of the Soviet collective farms after the 1958 reform]. *Severo-Zapad v agrarnoj istorii Rossii*, no 26, pp. 243–259.
- Verbitskaja O.M. (1992) *Rossijskoe krestjanstvo: ot Stalina k Khrushchevu* [Russian Peasantry: From Stalin to Khrushchev], Moscow: Nauka.
- Zelenin I.E. (2001) *Agrarnaja politika Khrushcheva i selskoe hozjajstvo* [Khrushchev’s Agrarian Policy and Agriculture], Moscow: IRI RAN.
- Zelenin I.E. (2000) Agrarnaja politika N.S. Khrushheva i selskoe hozjajstvo [Khrushchev’s agrarian policy and agriculture], *Trudy Instituta rossijskoj istorii RAN. 1997–1998 gg.*, no 2, A.N. Sakharov (ed.), Moscow: IRI RAN, pp. 394–425.
- Zhukov Ju.N. (2000) *Tajny Kremlja. Stalin, Molotov, Beria, Malenkov* [Secrets of the Kremlin. Stalin, Molotov, Beria, Malenkov], Moscow: TERRA.

Russia's food security under the crisis of 2020–2021: Objective and subjective dimensions

N. I. Shagaida, I. V. Trotsuk

Natalia I. Shagaida, DSc (Economics), Head of the Center for Agro-Food Policy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp, 82. E-mail: nshagaida@mail.ru

Irina V. Trotsuk, DSc (Sociology), Professor, Sociology Chair, RUDN University; Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

Abstract. The article presents the results of the assessment of Russia's food security in 2020–2021 based on the available statistical data and sociological monitoring of the population's 'food well-being' conducted since 2015 by the Center for Agro-Food Policy of the RANEPA. The authors believe that the pandemic risks for Russian agriculture were limited, and agricultural production ensured a high level of food self-sufficiency. Although the physical access to food remained at the same level, the economic access has deteriorated; however, Russian families managed to keep their usual diet by redirecting the money saved due to the pandemic restrictions to food consumption. Rising food prices have become the most important problem under the crisis, and to solve it, the Russian government has used a wide range of measures — from reducing duties on food imports and temporary bans on food exports to setting marginal retail prices for certain food products. The sociological assessment of the population's 'food well-being' (the all-Russian telephone survey) showed that the families' requirements to the access to food are rather modest due to the huge credit of patience and sustainable practices of adaptation to the objective social-economic restrictions. Given the achieved indicators of Russia's food self-sufficiency according to the Food Security Doctrine, the state should shift its focus from food self-sufficiency (and increasing exports) to the economic access of the population to food.

Key words: food security, food well-being, self-sufficiency, economic and physical access to food, pandemic, statistical and sociological data

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-2-93-121

Introduction

The covid-19 pandemic has changed the conditions for the functioning of food systems — both global and national — and still questions their sustainability. There was a risk of a decrease in donor contributions to the global funds supporting poor countries and in demand for agricultural products under the falling incomes of countries and households. However, based on the statistical data, many researchers found no significant disruptions in food chains but iden-

tified problems with the physical and economic access to food, and with the ability of countries to help others (see. e.g.: Béné et al, 2021).

“Russia’s food security is ensured” is the refrain of representatives of the relevant Russian departments (primarily Ministry of Agriculture) at official meetings and media events. Russian Ministry of Agriculture insists on such an optimistic assessment by referring to the following¹: food-producing enterprises work without interruptions; the country is self-sufficient in basic types of products (in 2022, the production index of the food and processing industry is about 101%); for 2022, all key measures of the state support for agricultural producers have been extended, including the program for farmers’ low-interest crediting, which was supplemented and strengthened; the state plans for the production of meat in 2022 did not change, and some growth is expected in a number of sectors (pork and beef production); the state takes anti-crisis measures to reduce the negative effect of the global post-pandemic situation — restores the destroyed logistics chains and develops alternative routes for the supply of raw materials, equipment, etc.

According to the official statement of the Ministry of Agriculture on March 3, 2022, Russia is self-sufficient in the main types of food such as grain and cereals, meat and fish, sugar, vegetable oil and so on; the production of dairy products, vegetables and fruits provides a significant part of the national consumption; for six years, Russia has been ranked the first in the world in grain exports; the country buys most of cheeses and dairy products from its official ally — the Republic of Belarus². The Ministry of Agriculture underlines that Russia’s need for food imports is insignificant: these are mainly products not produced in the country due to its climatic conditions, and importers work with a wide range of countries-suppliers, i.e., “the national food market is reliably protected, and food security risks are low”.

In order to check the declarations of state officials, some experts suggest a food security index³: the state focuses on the physical access to food (for instance, the Russian President demands to keep low retail prices, which is difficult for the market economy in general not to mention the current social-economic and geopolitical situation), while experts consider the economic access to food an equally important indicator of food security, in particular, “the social role of retail chains in negotiating with the state and zeroing the trade mar-

1. See, e.g.: <https://specagro.ru/news/202203/prodovolstvennaya-bezopasnost-rossii-obespechena-minselkhoz>

2. See, e.g.: <https://www.ogirk.ru/2022/03/03/prodovolstvennaja-bezopasnost-rossii-v-celom-obespechena>

3. See, e.g.: <https://www.gazeta.ru/social/2022/04/28/14794016.shtml?ysclid=1462klo4nu579630840>

gin for certain socially important goods”. Other experts believe that the targeted food aid to the low-income groups (below the poverty line) is a more effective form of the state support, or insist on increasing the number of criteria in the food security index so that it would show regional differentiation.

In other words, issues of food security have returned to the national and global political agenda under the pandemic which dealt the first blows on food chains. In the international perspective, the Russian leadership focuses on keeping and strengthening the national export potential; in the internal perspective, food security is a part of national security and implies both economic and physical access to food. In January 2020, a new Food Security Doctrine⁴ was approved to replace the Food Security Doctrine of 2010⁵. The definition of food security was not changed in its core (physical and economic access to food that meets all quality requirements) but was expanded by a list of food products that would guarantee the country's food independence. Despite the declared balance of external and internal elements of food security, the Russian state is obviously more successful in its export program. The population's economic access to a sufficient number of high-quality food products remains a problem: food expenses grow faster than real incomes and prevail in the structure of consumption (for instance, the 'borsch set' price increased several times in the last five years, which affected the groups with the lowest incomes).

The article presents the results of the study of food security with such indicators as the physical access to food (production, exports and imports), the dynamics of food retail prices, the rush demand for food (time, products, and the ability of the food system to cope with it), government measures for protecting national food chains and physical access to food, statistical changes in food consumption, and households' estimates of changes in their food practices. The article is based on two sets of data: (1) statistical data collected by the Russian Federal State Statistics Service (*Rosstat*), including the household surveys (studies of living conditions, diet, etc.); (2) sociological data collected in the all-Russian telephone survey, i.e., sociological monitoring⁶. The latter aims at assessing food security not

4. <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/3e5/3e5941f295a77fdcfed2014f82ecf37f.pdf?ysclid=1515tae3hf430868976>

5. <http://government.ru/docs/all/71224>

6. By 2020, the sociological monitoring program and questionnaire were designed and tested as a combination of the telephone survey (all-Russian sample) with 'expert' interviews — the longest conversations of interviewers with respondents were transcribed, because the duration can be an indicator of explanations in the answers to the questions that do not imply detailed comments in such a standardized formalized survey. The choice of the telephone survey was determined by its ability to work with non-cluster samples without increasing the costs of the field

in the perspective of state programs and national strategies, but in the perspective of the population's economic access to food, everyday food (consumer) practices, and perception of personal and family food (consumer) risks.

The all-Russian survey was conducted on March 18–21, 2022 (N = 1810) on the random stratified (five conditional time zones — Center, Ural, Siberia, East, and capitals) sample of mobile phone numbers from the Russian Federal Communications Agency (*Rossvyaz*) website. The traditional social-demographic sample structure for mass surveys (18–34, 35–54, 35–44, 45–54, 55–64, 65+) was not used due to the lack of generational differences in previous 'waves'. The differences between the sample and the *Rosstat* data by sex, age, type of settlement are insignificant: in the sample, the share of middle-aged men and women is by 3% larger, of older men and women (55+) and younger women (18–34) — by 2% smaller, of urban residents — by 3% larger; these differences do not affect the sample representativeness. The greatest difference is a 20% larger share of respondents with higher education in the sample, which is unlikely to significantly affect food practices (the share of respondents without higher education is decreasing with each wave).

Statistical dimension of Russia's food security

The aggregated indicators of the fact that in 2020–2021, the Russian agriculture managed cope with the negative economic phenomena

stage, i.e., its ability to provide more accurate data compared to cluster samples (less 'dispersed' and reducing the number of settlements surveyed). The sample is based on the telephone numbers registered in Russia: their random systematic selection provides an equal probability of calling each number, and georeferencing allows to localize mobile phone numbers within the regions of the Russian Federation. By 2022, there were four 'waves':

all-Russian survey in 2016: N = 3068; regional differentiation of food practiced was studied in three 'cases' — Republic of Bashkortostan, Belgorod Region and Krasnodar Region;

all-Russian survey in 2017: N = 1800 without regional sub-samples, given the twice confirmed absence of significant regional differences in food practices;

all-Russian survey in 2020: N = 1817; the random stratified sample based on mobile and fixed-line phone numbers was divided into four conditional time zones that divide the population into four territorial groups similar in time zones and corresponding to the regional borders (the fifth zone consists of Moscow with the Moscow Region and Saint Petersburg with the Leningrad Region due to their methodological survey features);

all-Russian survey in 2021: N = 1809; the random stratified sample of mobile phone numbers was used due to the degree of the mobile-phone coverage of the country.

of the pandemic include cultivated area and agricultural production. The sown areas were not reduced neither in 2020 nor in 2021, but the structure of production changed.

By the beginning of the pandemic in Russia in 2020, agricultural producers had already stocked up inputs for crop production. There were fears of disruptions in the supplies for animal husbandry but they were not justified: there were supplies of the high-tech inputs — seeds, breeding eggs, veterinary preparations, and plant protecting agents — from Europe, the USA and Canada, i.e., from the countries with the short-term production stoppages. Thus, the production of agricultural inputs did not stop, but in 2022, the situation changed, and by the end of February 2022, not all necessary agricultural inputs were imported to Russia.

In 2020, Russia harvested the largest crop of grain in its post-Soviet history; in 2021, production volumes decreased but insignificantly (Fig. 1).

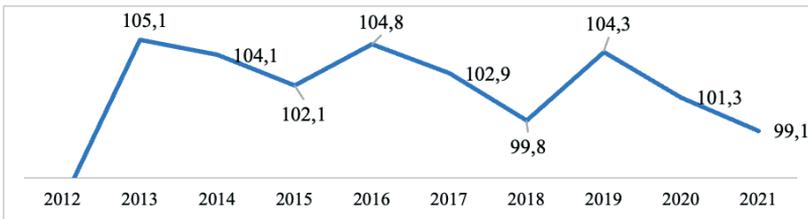

Fig. 1. Index of physical volume of gross agricultural products (% , compared to the previous year)

The main contribution to the decline in agricultural production was made by cereals (–9%), potato (–6.7%) and vegetables (–2.8%). At the same time, in 2021, there was an increase in the production of sunflower (+17.6%) and sugar beet (+21.6), and almost no changes in animal husbandry (from 0 to –3% in different branches). Grain production is the main agricultural activity in terms of scale, and its decline was determined by the poor overwintering of winter crops and not by the disruptions in the supply of inputs or labor migrants during the pandemic. The Russian government has taken various measures to protect food chains, including preventing bankruptcy of large companies — a list of strategic organizations in agriculture was made: in a difficult situation threatening their functioning, the state would take additional measures to support them. This list consists primarily of the well-known agroholdings with many large regional subsidiaries. However, this decision — to support strategic agricultural organizations — still requires additional explanations, because there is no convincing evidence that the state support of one agroholding with dozens of subsidiaries provides greater food security (by keeping the food chain during the

pandemic) than the state support of many independent agricultural producers. The state focus on the strategic organizations in agriculture seems to be a hidden support for owners of agricultural businesses, which is unlikely to find understanding among independent agricultural producers.

The pandemic started in Russia later than in Europe and the United States, so the Russian population was aware of the empty supermarket shelves in these countries thanks to the television reports. The population considered these reports as a warning and rushed to the shops: food sales were growing from January to March and exceeded the monthly purchases of March 2019 by 5% (on average in the first quarter of 2020 — by 3,6%) (Fig. 2). However, in April, the population drastically reduced purchases, and the sales fell by 9.3%.

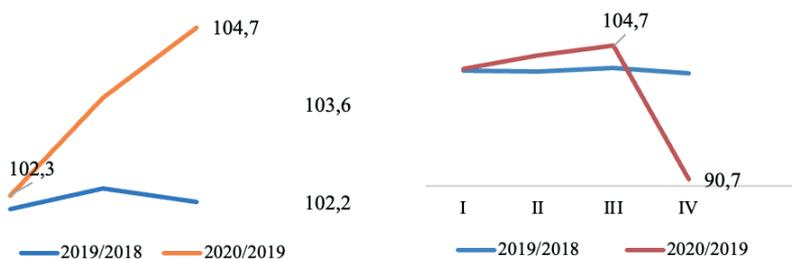

Fig. 2. Index of physical volume of food retail sales (% compared to the previous year)

There were factors preventing the shortage of food: availability in stocks, demand for cheap products from the low-income groups, limited savings (Fig. 3). The sales of salt, pasta and cereals in March 2020 increased by 77–78% compared to the February level, while the stocks decreased by 53%. As can be seen from the list of products, the cheapest ones were snapped up very fast. However, the ability of businesses to supply enough food and the general lack of savings for purchases put an end to the buying craze quite quickly. Therefore, in January–April 2020, exactly as many food products were purchased as a year earlier.

Food inflation reached 11% in 2021 (Fig. 4), which determined social tension and became one of the main issues in the state and social agenda. This was quite a paradox, because the issue became the most urgent when food inflation was lower than in some previous years.

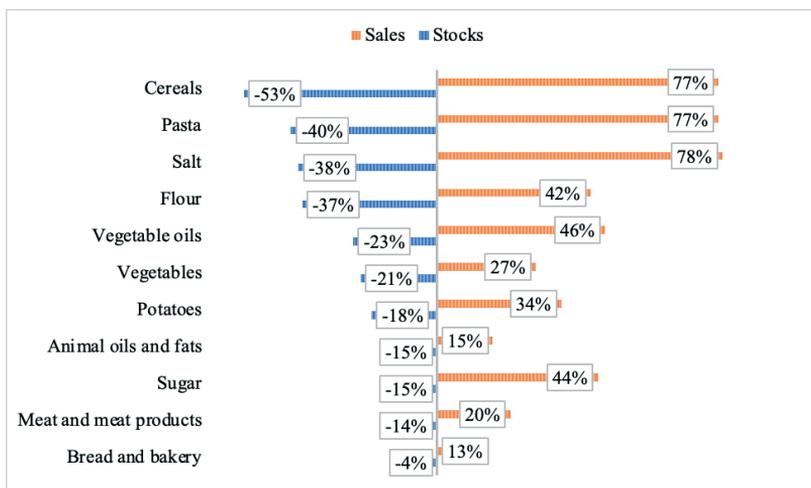

Fig. 3. Changes in sales and stocks of basic products in the retail trade (March 2020 to February 2020, %)

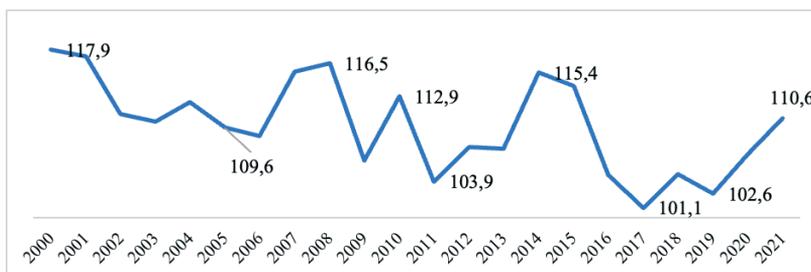

Fig. 4. Consumer price index for food (December compared to the previous December, %)

In February 2020, devaluation created risks of the excess food exports and rising internal food prices, but such fears were not justified. The government introduced duties and quotas for grain exports, and in 2021, a duty for the export of sunflower oil. At the end of 2021, food exports increased by \$36.2 billion (+21.4% compared to 2020). The largest contribution to this growth was made by fat-and-oil products — 37% (+48% compared to 2020), cereals — 20% (+12%), fish and seafood — 9%. However, in physical volume, food exports decreased by 5.6% compared to 2020⁷, which means that there was no food outflow from the national market, and food exports did not lead to rising prices. Another explanation for rising prices of agricultur-

7. Calculations based on the Federal Customs Service data: <https://customs.gov.ru/statistic>

al products was the transfer of external prices to internal ones in the open economy, which is difficult to confirm since prices were changing differently for different food groups and mainly for products that were not exported or imported (Fig. 5). The explanation by the transfer of external prices to internal ones applies only to the export-oriented food (grain as the basis for bread, cereals, pasta, vegetable oil) or imported one (primarily fruits and nuts).

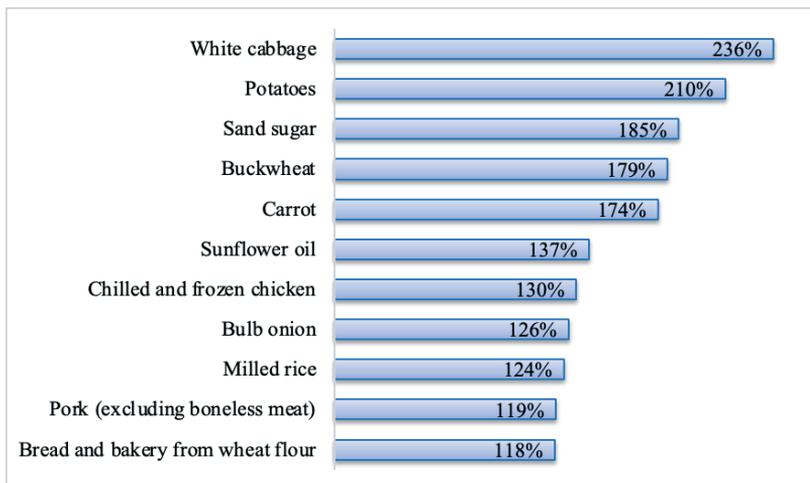

Fig. 5. Consumer prices (December 2021 to December 2020)

The more plausible hypothesis is that rising prices for potatoes and vegetables were determined by the production transfer from the smallest economies (family consumption) to the commodity economies (agricultural enterprises). The production profitability of potatoes and vegetables is much lower compared to cereal crops and oilseeds (Ternovsky, Shagaida, 2021; Shagaida, Uzun, Ternovsky, 2022), which points to the further increase in prices of potatoes and vegetables (their price is still lower than in many countries; Russia is not self-sufficient in their production).

The rising prices in Russia were negatively assessed by the experts calculating the Global Food Security Index for 2020. Nevertheless, according to the aggregated data, Russia improved its position (24th place among 113 countries, which is 6 positions higher than in 2019)⁸. In 2020, Russia was placed in the red zone of 'price warning'⁹ due to rising prices and increasing share of households' food expens-

8. Global Food Security Index. <https://impact.economist.com/sustainability/project/food-security-index/Country/Details#Russia>

9. See, e.g.: Bloomberg classified Russia as a 'hot spot' in terms of rising food prices. <https://www.rbc.ru/economics/28/02/2021/603bb1a29a794716a52e4bf6>

es. In 2021, Russia improved its position in terms of food security by taking the 23rd place.

In 2020–2022, in order to control retail prices, the Russian government has taken a wide range of measures — from reducing some import duties to limiting marginal retail prices for certain types of sunflower oil and sugar. There were quotas and duties on some export products, short-term export bans on certain types of food, changed rules for setting marginal prices and changed marginal prices for socially important goods, subsidies for some food producers (flour, sugar and sunflower oil), a duty-free quota for certain food imports and reduced import duties. In 2020–2021, to support family incomes and demand, the government paid some small sums to the families with children three times.

The effectiveness of these measures varies: it is difficult to assess the effect of subsidizing millers; after setting the marginal price for one type of sunflower oil, its prices were no longer connected to external prices; for sugar, marginal prices were introduced when they did not exceed the previous level (Fig. 6); the price dynamics changed due to being no longer dependent on external prices. Sunflower-oil and sugar producers received subsidies to compensate for ‘lost profit’. Limited compensations did not allow the government to extend the period for controlling the price of sunflower oil after October 1, 2021, and the price of sugar — after June 1, 2021¹⁰. Export restrictions for sunflower seeds implied risks of lower prices for agricultural producers, but the high demand for sunflower oil in foreign markets caused competition for raw materials in Russia, which led to the internal prices increase to the level of world prices due to logistics costs.

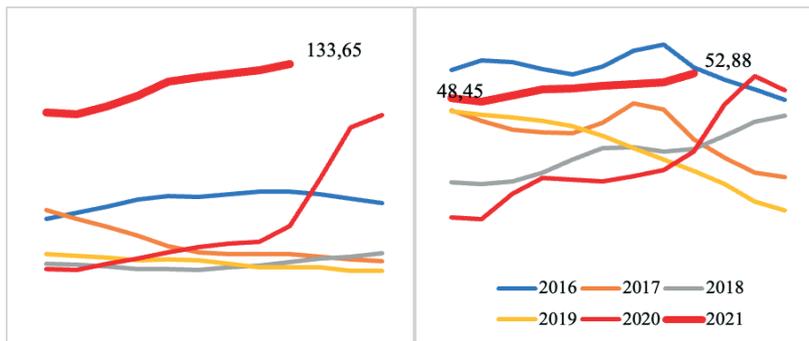

Fig. 6. Dynamics of retail prices for sunflower oil and sand sugar, rub/kg

10. The government will no longer control oil prices. <https://rg.ru/2021/06/07/pravitelstvo-ne-planiruet-bolshe-ogranichivat-ceny-na-maslo.html>

Russia's Doctrines of Food Security (2010 and 2020) declared the national self-sufficiency in various food groups as the priority of food security policy, and this idea was common for official discourse and public opinion. During the pandemic, Russia showed a high level of self-sufficiency in the form of the zero import-export balance and according to the Doctrines' self-sufficiency criteria for main food groups (Table 1). Therefore, the long-term focus of the Doctrines on self-sufficiency is no longer relevant: even during the pandemic, the food self-sufficiency was ensured, and the pandemic did not reduce the physical access to food.

Table 1. National production, %

Products	Fact	Doctrine
Grain	170	95
Sugar	101	90
Vegetable oil	158	90
Meat and meat products	100	85
Milk and dairy produce	84	90
Fish and seafood	163	85
Potatoes	95	95
Vegetables and gourds	89	90
Fruits and berries	43	60

The Doctrines also introduced the criterion for the economic access to food — food consumption according to the rational norms set by the state. Rational norms set the level of nutrition necessary for a healthy and productive life. If we compare actual and rational norms for each food group, we will see that the achieved rational norms were quite the same before and during the pandemic (Table 2).

Table 2. Food consumption: fact/rational norm, %

Products	2019	2020	Products	2019	2020
Bread	121	121	Dairy products	72	74
Potatoes	99	96	Meat	104	104
Vegetables and gourds	77	76	Fish	100	91
Fruits and berries	62	61	Eggs	110	109
Sugar	163	163	Vegetable oil	117	116

At the same time, households' food expenses increased to 37%: 35.7% in cities, 42.6% in rural areas. On the one hand, there were signs of the worsening economic access to food — an increase in

the share of family food expenses and rising consumer prices; on the other hand, in general the diet has not changed. This is a paradox of the pandemic — families spent more to buy the same set of food as before the pandemic, which was possible due to the restrictions on travels, activities and entertainment. In 2019, the average family food expenses provided 95.3% of the rational set, in 2020 — 96% (Table 3). However, by decile income groups, this indicator varies: at least 50% cannot afford food ensuring their consumption according to the rational set (in the first decile group — 66%, in the fifth — 95%).

Table 3. Families' ability to afford the rational food set with their food expenses (Shagaida-Uzun indicator of rational consumption)

Indicators	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Actual food set, rubles per capita a year	51,566	56,437	65,171	70,304	71,102	72,620	78,363	83,624
Recommended set, rubles per capita a year	54,779	60,439	70,834	73,329	75,273	76,661	82,212	87,101
Actual set/ Recommended set, %	94.1	93.4	92	95.9	94.5	94.7	95.3	96

In post-Soviet Russia, many families have a personal subsidiary plot for producing fruits and vegetables during vacations and holidays (such plots were allotted by the state free of charge). The average plot is from 0.06 to 0.5 ha. In Soviet times, the population produced about 26% of all agricultural products (1990); under the economic reforms after the collapse of the USSR, this share increased to 57% (1998), and then was steadily decreasing — to 25% (2020). In 2021, there were first signs of the growing families' interest in expanding production, which the sociological data proves.

Sociological dimension of Russia's food security

Russians prefer to buy food in large department stores (72%, which is close to the 2020 level; perhaps, its decline in 2021 was the consequence of the pandemic restrictions); 48% prefer small stores (48%), 23% — food markets, 11% — private sellers (friends and someone consumers know); the last two indicators have slightly decreased since 2020 (Fig. 7). In 2021, given the decreasing number of stores in rural areas, we added van shops to the list — as in the previous wave, 5% chose it.

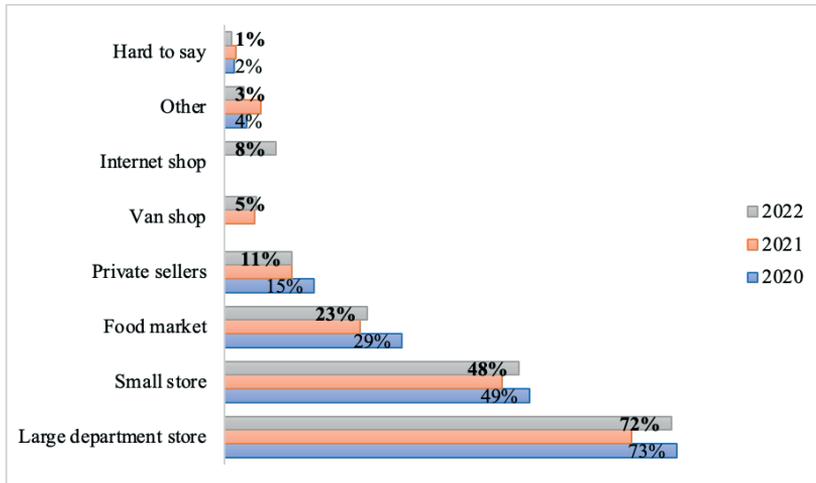

Fig. 7. Places to buy food

The trends identified in 2021 are still observed in 2022. The expansion of large retail chains leads to the decreasing number of small stores that cannot compete with their assortment, price policy and promotions. In 2021, 13% of the answers in the ‘other’ were Internet shops, in 2022, we added them to the list of answers (8%): the forced online shopping during the pandemic has turned into a consumer pattern.

Vegetarianism and veganism are not widespread in Russia — 97% eat meat; of the remaining 3%, 27% adhere to the ideology of vegetarianism/veganism, and 44% cannot afford meat products. The level of fish consumption is slightly lower — 92% families eat fish; of the remaining 8%, 3% adhere to the veganism, and 38% cannot afford fish products; the majority of those who chose the ‘other’ say that their families do not like fish (77%). It would seem that 38% and 44% of the relatively small number of those who do not eat meat or fish is an insignificant indicator, but the fact that the lack of money is the reason threatens food security.

In 2022, we changed the form of some questions: the option ‘do not eat’ was removed from the list of answers. First, the respondents answered the control question “Does your family eat meat/fish?”; if the answer was positive, the next question was about the frequency of meat/fish consumption. This form is more convenient for respondents and interviewers, and reduces the time of the survey (the interviewer does not read all answers to those who are not in the group of meat/fish consumers).

Russians prefer meat products (Fig. 8), and the distribution of answers is similar to 2020–2021 with a small increase in daily meat consumption: every second family eats meat every day (46% in 2020, 48%

in 2021, 51% in 2022), several times a week — less often (respectively, 37% and 40% in the following years), less than once a week — much less often (9% in previous years, 7% in 2022).

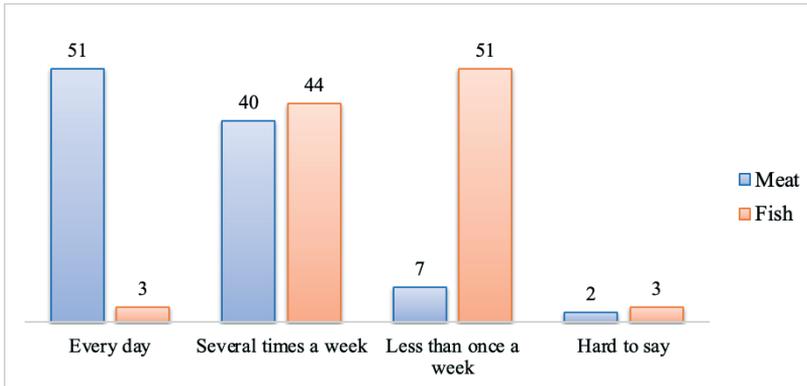

Fig. 8. The frequency of consumption of meat and fish, %

44% eat fish several times a week (29% in 2020, 42% in 2021), and 51% (63% in 2020, 52% in 2021) less than once a week. The increase in fish consumption in 2021 (compared to 2020) was probably due to the pandemic combined with the sanctions, which increased the volume of Russian fish products in stores, including the deep-frozen ones. Given the removal of pandemic restrictions but the increased sanction pressure, we can expect this trend to continue provided that the sufficient purchasing capacity (which is doubtful under rising prices). Until now, sanctions and inflation have not drastically affected food and consumer practices. Therefore, we should not be too optimistic about the consumption of meat and fish — the survey reveals the shares of respondents eating meat and fish with a certain frequency but not the quantity and quality of such products. For instance, people can buy only the cheapest chicken: “*there is no way to live without meat*” but “*beef is too expensive*”.

The specific feature of the Russian public opinion is ‘normalization’: people tend to give socially approved answers even to slightly sensitive questions. Thus, the ‘normal’ family should have a good diet consisting of ‘healthy’ products, primarily meat and ‘vitamins’ (fruits) which are bought even in a difficult financial situation. Only 6% (7% in 2021) say that they do not buy fruits in winter, every tenth (12% in 2022 and 2021) claims to buy them every day, every second (57% in 2022, 56% in 2021) — several times a week, every third (respectively, 29% and 30%) — less than once a week. Like with meat and fish products, the main reason for not buying fresh fruits in winter is the lack of money (68% of this group in 2022, 64% in 2021).

In 2021, the option ‘do not buy’ was removed from the list of answers to the question about buying fruits in winter, and the options ‘every week’, ‘several times a month’ and ‘less than once a month’ were replaced with ‘every day’, ‘several times a week’ and ‘less than once a week’. Such changes in wording somewhat affected the distribution of answers, but clarified the situation (Table 4). Since 2017, the share of those who cannot afford fruits in winter has doubled (from 3% to 6%), which indicates the growing social-economic polarization. There is a very small share of those who find it difficult to answer the question (2%), which indicates that it is clear and relevant. Only a small share of Russians can buy fruits every day in winter (12%), while every second respondent can afford them several times a week (57%). Some changes in the data can be explained by the pandemic and different months of the survey — in the spring of 2021 and in the summer of 2020 (i.e., people may forget their winter food practices). However, the similar distribution of answers in 2021 and 2022 proves that Russian families have developed sustainable practices in fruit consumption provided that their purchasing capacities do not change.

Table 4. Does your family buy fruits in winter?

Answers	2022	2021	2020	2017	Answers
No	6%	7%	7%	3%	No
Every day	12%	12%	64%	55%	Every week
Several times a week	57%	56%	21%	29%	Several times a month
Less than once a week	29%	30%	6%	12%	Less than once a month
Hard to say	2%	3%	2%	2%	Hard to say

In the previous waves, we identified the persistent food nationalism of Russians with a block of questions, but since 2021, we have been focusing on the very fact of food nationalism and its scale. If two products are of the same price, the majority will prefer the Russian product (76%, 75% in 2021) to the foreign one (respectively, 5% and 7%). In 2021, we explained the distribution of answers by the fact that it is increasingly difficult for the consumer to identify a product as Russian or foreign, and today the situation is aggravated by the anti-Western media rhetoric. The high level of food nationalism is ensured by older generations: of two products of the same price, the Russian one will be chosen by 85% (87% in 2021) of older respondents, 79% (77%) of 35-54-year-olds, but 58% (57%) of the youth. Women are more likely (86% vs 73% of men) to choose a Russian product, but not because men prefer foreign products (5% vs 2%) — men more often find it difficult to answer the question (21% vs 12%).

The 2022 data confirms the findings of 2020 and 2021 — two factors seem to determine the inconsistency in assessments of food practic-

es and opportunities. First, Russians evaluate their past and current food-consumer practices, compare their life situation with their social circle and conclude that everything is ‘satisfactory’. Second, before the pandemic, the range of food products was expanding; under the social-economic restrictions of the pandemic, food became a source of a sense of ‘normality’. In 2022, both factors remain, and the influence of the second one will increase despite the end of the pandemic, given the decreasing purchasing capacities due to the ruble fall, rising prices and sanctions pressure.

In general, since 2017, the assessments of food practices and opportunities have not changed significantly (some fluctuations do not exceed the statistical error) (Fig. 9): most assessments are of the ‘normal’ type — the majority claims to eat well or satisfactorily (84% in 2017, 80% in 2020, 82% in 2021, 81% in 2022; the sums of those who eat excellently or well — 55%, 61%, 56% and 58%, respectively). With age, assessments of the family diet change for the worse: 17% of young people, 13% of 35-54-year-olds, 8% of the oldest claim that their diet is excellent, 52%, 45% and 43%, respectively, name it good, 26%, 35% and 40% — satisfactory.

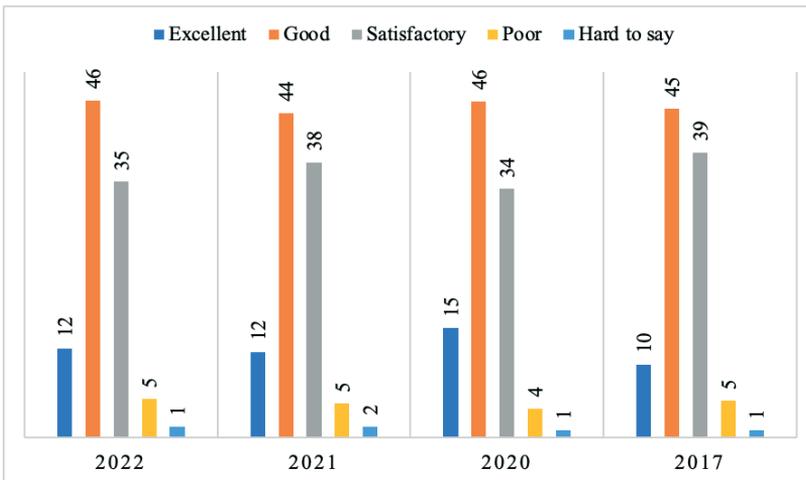

Fig. 9. Assessments of the diet quality, %

In 2022, there is a number of indicators similar to 2021 and 2020 (their fluctuations do not exceed the statistical error). In 2020, there was a smaller share (23% vs 29% in 2017) of those having relatives and friends who eat poorly; in 2021 this share was 25%, in 2022 — 22%, and this is a too high indicator (only 70% do not have malnourished families in their social circle). The situation is similar with the assessments of the number of such malnourished people: from 2017 to 2020, there was a positive trend — the share of re-

spondents who noted an increase in the number of malnourished families decreased from 51% to 43%, but in 2021, it returned to its previous level — 51%, 47% in 2022. In other words, every second respondent believes that the number of malnourished families among his friends and relatives has increased, which is an extremely negative indicator given the Russians' tendency to social 'normalization'. Every second respondent, who admitted an increase in the number of the malnourished families, describes his close social circle from which he hardly differs in terms of financial and consumer opportunities. The social desirability factor makes Russians assess their own situation more positively: 72% claim that the quality of their diet has not changed (60% in 2021), 8% say that it has improved (15%), and every fifth (19%; 23% in 2021) — that deteriorated. After changing the interval for assessing such changes — from three years to one year, we got the similar distribution of answers despite significant changes in other indicators, which confirms the pressure of social desirability. And Russians keep mutual food-aid practices: 42% do not help relatives with food purchases, 57% help (60% in 2021): 41% help sometimes, 16% help constantly (in 2021, 41% and 18%, respectively).

In a shorter term, respondents assessed not only the sufficiency of food but also the requirements for it. In 2021, we used half a year interval, in 2022 — a month, since a shorter interval ensures more reliable data. However, the differences in answers were not significant, which seems to confirm the pressure of social desirability in direct questions (Fig. 10-11): in 2021, 85% claimed that their families did not suffer from malnutrition (45% had enough food they wanted, 40% had enough food but not always the one they wanted); in 2022, 88% were not malnourished (48% and 40%, respectively). The main reason why respondents do not always have the food they want is the lack of money (85%; 82% in 2021).

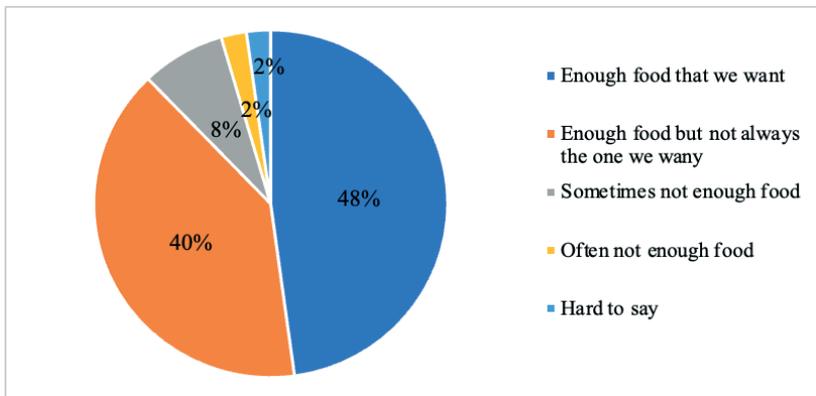

Fig. 10. Estimates of food self-sufficiency in 2022

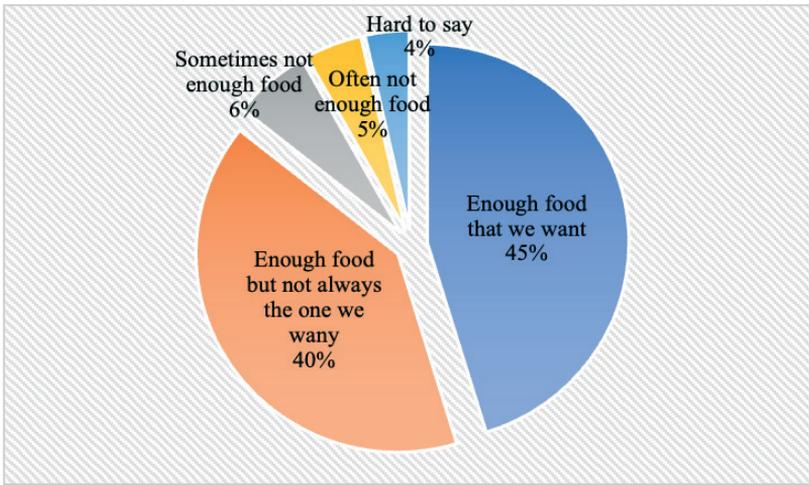

Fig. 11. Estimates of food self-sufficiency in 2021

According to the 2022 data, most indicators show some stabilization. The distribution of self-restrictive practices has changed since 2017 (one half limited food expenses, and the other half did not); by 2020, the share of self-limiting families decreased to 39%, in 2021 — 43%, in 2022 — 41% (Fig. 12). In 2022, we changed the interval to a more convenient for estimation — ‘last month’ instead of ‘last 12 months’. On the one hand, these are very different intervals in duration; on the other hand, the resulting fluctuations do not exceed the statistical error (i.e., respondents answer the question in general, not focusing on a given period).

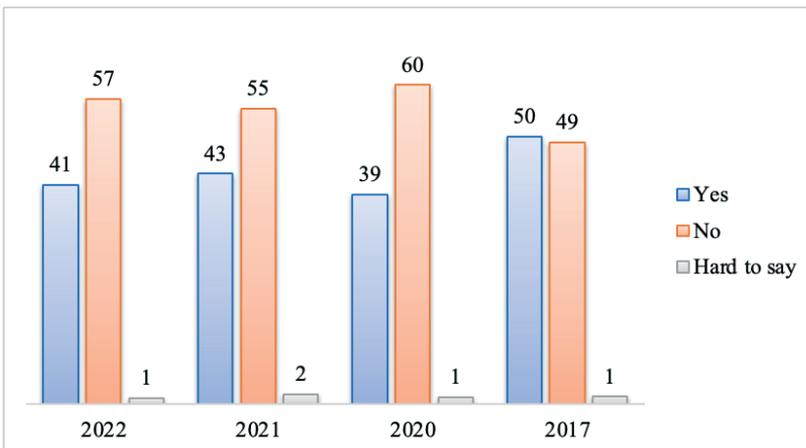

Fig. 12. “Has your family started limiting food expenses in the last month (2022)/in the last 12 months (2017, 2020, 2021)?”, %

Although since 2017, rising prices (58%) have remained the main reason for limiting food expenses rather than decreasing incomes (23%), in 2020, 50% (42% — incomes) named rising prices, in 2021 — 64% (28%), in 2022 — 74% (20%), i.e. there is a constant decline in purchasing capacities due to the rising food prices.

The list of products in which Russian families limit themselves has changed little since 2017 (Fig. 13), but there are some negative trends. As before, respondents cut down expensive meat purchases (67% in 2017, 60% in 2020, 57% in 2021, 55% in 2022), and this indicator approached fish products (respectively, 49%, 51%, 55% and 47%), i.e. Russians reduce their fish and meat consumption. Since 2017, from a quarter to a third of respondents have cut down dairy purchases (in 2021–2022, 31%), 39%–40% — fruits. The shares of those who cut down purchases of fruits and dairy products change little, while the share of those who reduce purchases of vegetables started to grow: in 2017, one in four households, in 2020 — one in five, and now — one in three (34% in 2021, 37% in 2022). In 2021, this change could be explained by the fact that we removed ‘potatoes and bread’ from the list of answers, but the growth of this indicator in 2022 is alarming (it is unlikely that Russians reduce their diet by excluding potatoes). In the previous waves, in the ‘other’ desserts/sweets dominated (every fourth answer in this group in 2021, every third — in 2020), then came smoked meats, sausages, cheese and delicatessen. In 2022, sugar became the leader (29%) due to the recent sugar boom, then come cereals (25%), desserts/sweets, smoked meats, sausages and cheese.

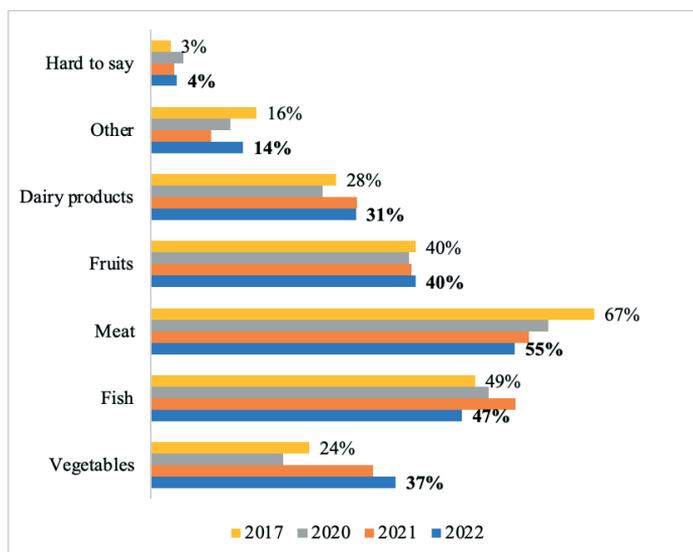

Fig. 12. “What food products does your family buy less?”

For assessing food purchases, the indirect question — about the close social circle — did not work, perhaps, due to the difficulty in assessing purchasing practices of other people (compared to more ‘visible’ food ones). 41% admitted that their families started to limit themselves in food expenses in the last month, and 44% noticed an increase in the number of such families among their friends and relatives. Probably, the difficulty in assessing the purchasing practices of other households makes respondents answer this question by referring to their own situation.

The majority noticed the rising prices — 95% (74% believe that prices rose significantly, 21% — slightly). In this question, we also changed the interval to ‘last month’ (instead of ‘since the beginning of the year’). On the one hand, this change ensures the question simplicity for respondents and more reliable data for researchers. On the other hand, the option ‘last month’ allows for more accurate comparisons. For objective reasons, the monitoring timing changes (March 2022, April 2021, June 2020), and respondents were to evaluate different periods — in terms of duration, range and affordability of seasonal products. Despite the different interval, the answers have not changed since 2020 (the majority noticed rising food prices), and the shares of those convinced of rising prices in general and of the significant increase in particular are growing (85% and 37% in 2020, 91% and 68% in 2021, 95% and 74% in 2022), i.e. Russians are increasingly pessimistic about purchasing capacities.

The response strategies of households to rising food prices do not change much (Table 5): the majority tries to find places (shops, markets) with cheaper prices (71%) or does not change places but chooses cheaper products (69%); another strategy is less expenses (43%), partly combined with the produce of personal subsidiary plots (the latter has reduced from 40% in 2017 to 32% in 2022); the least requested strategy is to ask relatives with personal subsidiary plots for food aid (23% and 15%, respectively).

Table 5. Households’ response strategies to rising food prices

Strategy		2022	2021	2020	2017
We buy less food	Yes	43%	42%	38%	49%
	No	56%	56%	61%	50%
	Hard to say	1%	2%	1%	1%
We try to find a place (shops, markets) with cheaper prices	Yes	71%	70%	69%	78%
	No	27%	27%	29%	21%
	Hard to say	2%	2%	1%	2%
We buy cheaper products in our usual shops	Yes	69%	68%	67%	68%
	No	28%	30%	30%	30%
	Hard to say	2%	3%	3%	2%

Strategy		2022	2021	2020	2017
We get more food from relatives with personal subsidiary plots	Yes	15%	20%	17%	23%
	No	84%	78%	82%	76%
	Hard to say	1%	2%	1%	1%
We started to grow (more) fruits and vegetables	Yes	32%	36%	37%	40%
	No	65%	63%	62%	59%
	Hard to say	3%	1%	1%	1%

Since 2017, the shares of those who prefer the self-reliance practices have declined — 32% start or increase production of vegetables and fruits (40% in 2017); 15% rely on similar efforts of relatives (23%) (Fig. 14).

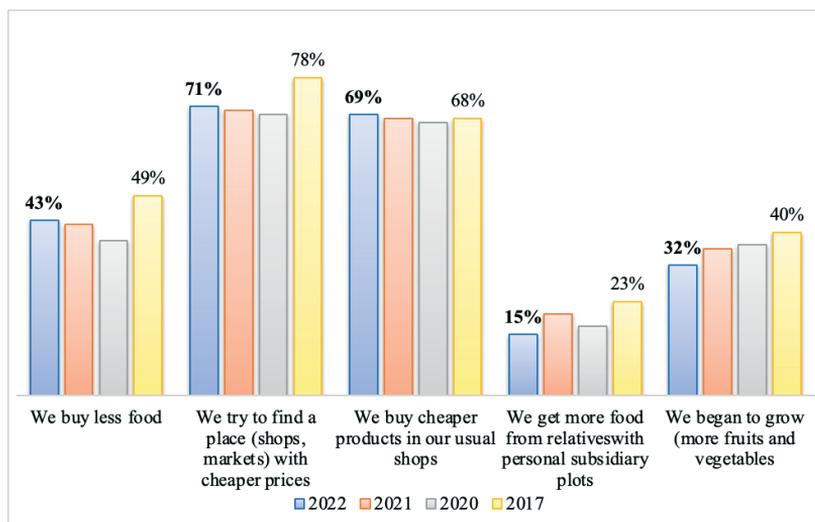

Fig. 14. Household' response strategies to rising food prices

Since 2017, the self-reliance practices have reached their limit: in 2017, 65% grew vegetables and fruits, in 2020 — 60%, in 2021 — 52%, i.e. not even all owners of personal subsidiary plots/gardens (59%). In 2022, the share of respondents growing vegetables and fruits has increased (88%), which is unlikely to be determined by the eco-enthusiasm — rather in the current social-economic situation (rising prices, poor economic access to fruits and vegetables), the limit of self-sufficiency was revised. This is confirmed by the fact that there was no increase in potato production — the share of potato growers has decreased since 2017 (66% of families with personal subsidiary plots; 78% in 2017), which can be explained by the relatively lower price and longer shelf life compared to

other vegetables and fruits. In 2022, the share of those who do not grow potato and/or vegetables and fruits due to their unprofitability has decreased (23% vs 29% in 2021), but other indicators have not changed: every fifth respondent does not consider such a self-reliance activity necessary, 14% (13% in 2021) do not want to be engaged in it. Every second respondent (48% and 45%, respectively) in this group chose the 'other' — objective reasons (too small plot, poor land quality), physical inability (poor health, age, illness) or lack of time.

A small group keeps poultry and/or livestock (13%; 16% in 2021), mostly chicken and duck (91%; 88%) — this indicator has increased significantly since 2017 (55%). The share of those keeping pigs increased from 12% in 2017 to 28% in 2020 and 25% in 2021, but now has decreased to 18%; sheep — from 7% to 13% in 2020, 15% in 2021, and now 9%; cows — from 13% to 18% in 2020, 26% in 2021, and now 18%; 8% in this group keep rabbits (8%) or 'other' (goats, geese or turkeys). In 2021, we suggested the expansion of self-sufficiency practices, and its dairy-meat component became more marketable (farmers had more sales opportunities due to the urban residents moving to the village during the pandemic and the increasing number of urban consumers), but today the situation changes due to the rising costs of poultry and livestock production.

As in 2021, those who produce food on personal subsidiary plots provide their family consumption (over 90%) and have reached their limit. However, the situation has worsened so much that the share of those planning to expand such activities increased: in 2021, 87% refused to do this, in 2022 — 81%; in 2021, every tenth respondent accepted this possibility, and now 16% are ready to grow more potatoes, vegetables and fruits (71% in this group), much less often to keep more poultry (39%) or cattle (22%).

In the previous waves, the majority did not notice the disappearance of usual food (84% in 2021, 85% in 2020, 82% in 2017), but in 2022, this indicator changed to 50%. Accordingly, before a small share noticed a reduction in the usual food range (7%, 8% and 7%, respectively), now it is 44%. As before, every second respondent who noticed a reduction in the range does not experience any inconvenience (49%; 46% in 2021). But there are changes in the estimates of the set of missing products: before, one in five in this group mentioned vegetables, fish and fruits, one in three — dairy products, one in four — groceries; in 2022, groceries (52%) and 'other' became leaders (61%) compared to dairy products and fruits (7%), vegetables (6%), fish (5%) and meat (3%). It seems that the self-limiting practices determined a set of affordable meat and dairy products, fruits and vegetables, while groceries were more diverse before the latest price increase and sanctions (Fig. 15: 'groceries (cereals, pasta)' were included in the list 2020). In 2022, the 'other' has increased significantly due to the sugar rush which led to rising prices and its temporary shortage. Respondents often specify that *"there are cereals and fish — everything is on sale but too expensive — we cannot buy it... at an exorbitant price"*.

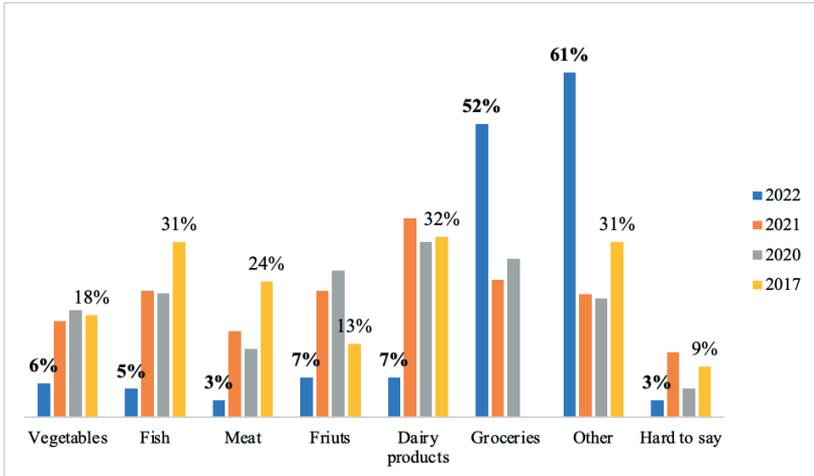

Fig. 15. Missing food products (in the relevant group)

The key part of the sociological monitoring is the economic access to food. Its main indicator is the share of the total monthly family income spent on food (Fig. 16), which has changed little since 2017: one half spent a third to a half of income on food; over 40% — a half to two thirds (43% in 2022, 45% in 2021–2020, 48% in 2017); the most polar income groups — 13% (14% in 2021, 13% in 2020, 12% in 2017) — spent less than a third of income on food, about one in ten (11% in 2022–2021, 12% in 2020, 10% in 2017) — more than two thirds.

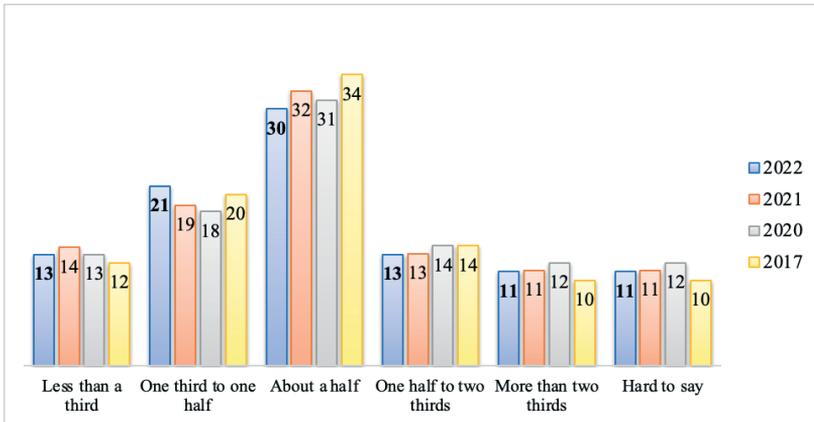

Fig. 16. Shares of food expenses in the total monthly family income, %

In 2021, the oldest had the largest share of food expenses in the total monthly family income — more than a half (65% vs 48% in

the younger group, 54% in the middle group). In 2022, the ratio has changed — 57% in two older groups spend a half or more of income on food, while in the younger group — 46%. “Now the food is all there, but sometimes there is not enough money... We do not spend money on anything except food”. Moreover, the oldest spend a significant share of income on medicines: “I need to buy medicines which have risen in price by the devil knows how much”.

In the middle-age group, fluctuations in the share of food expenses do not exceed the statistical error, while in the older group, the decrease in the share of respondents with the highest food expenses can be explained by the fact that pension indexations and social payments partly compensate for rising prices. In the older group, there is a higher share of those who did not notice changes in food expenses compared to the last year (22% vs 14% and 12% in younger groups), a lower share of those with increasing food expenses (72% vs 83%), and a higher share of those with increasing incomes in the last 12 months (24% vs 19% and 13%).

The low food-purchasing capacities were proved by the answers to the question whether family food expenses had changed over the year (Fig. 17).

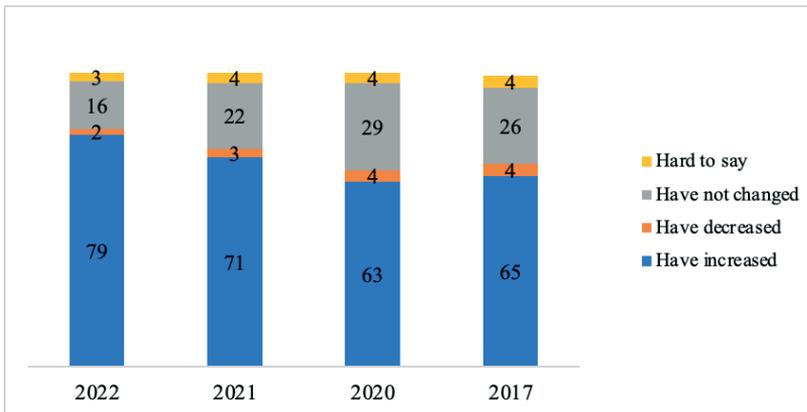

Fig. 17. Changes in family food expenses, %

An ever-increasing share claims that from year to year, their food expenses grow — 65% in 2017, 79% in 2022. Since there are no significant changes in the share of food expenses in the total monthly family income, we can suggest that Russians spend social payments and benefit indexations, pensions and salaries on their usual food basket. However, respondents tend to stereotypically ‘normally’ assess their financial situation: 63% consider it good (‘very good’ — 4%; 58% and 5% in 2021, 63% and 5% in 2020, 60% and 4% in 2017), 30% — poor (‘very bad’ — 4%; 34% and 5% in 2021, 30% and 5%

in 2020, 32% and 4% in 2017). The ‘normalization’ of assessments is confirmed by the clarifying comments: “*Rather good, but sometimes you just want more... You have to suffer in order to buy something in addition to food, something necessary. If you buy this something, you start limiting yourself in everything else, because it is impossible to just get up, go and buy what you want. Even though I am working*”.

The tendency to ‘normalization’ can be seen in the assessment of changes in the total family monthly income over the last 12 months, and the distribution of answers has not changed since 2020: 56% (57% in 2021, 52% in 2020) claim that their family income has not changed, 24% (27% and 34%) — that it has decreased, 18% (14% and 13%) — that it has increased. Given the objective indicators of inflation and rising prices, the share of those who admit a decreasing family income is a negative indicator of the worsening social-economic situation of a significant share of households. Most respondents (60%; 64% in 2021, 67% in 2020, 71% in 2017) have a low average monthly family income — from 11 to 50 thousand rubles, and 32% (38%, 41% and 47%, respectively) — from 11 to 30 thousand (Table 6).

Table 6. Average monthly family income, %

Income	2022	2021	2020	2017
Less than 10,000	4	7	7	9
11–30,000	32	38	41	47
31–50,000	28	26	26	24
51–100,000	20	15	14	11
More than 100,000	10	8	6	3
Refusal to answer/Hard to say	6	7	7	5

Changes in the ratio of income groups since 2017 are insignificant and, for most indicators, do not exceed the statistical error. However, there is an upward trend in the average family income (Fig. 18) — the share of households with an income of more than 50 thousand rubles increases, but, given the food-expenses share, such an income growth does not compensate for rising food prices.

The oldest have the lowest average monthly family income: 53% (63% in 2021) — less than 30 thousand rubles, while 70% (62%) of 18-34-year-olds and 66% (53%) of 35-54-year-olds — much higher. In the youngest group, 40% have an average monthly family income of more than 51 thousand rubles, in the middle group — 37%, and in the older group — only 16%. In general, there is an increase in the average total monthly family income of all age groups in absolute terms, but it lags behind an increase in food prices.

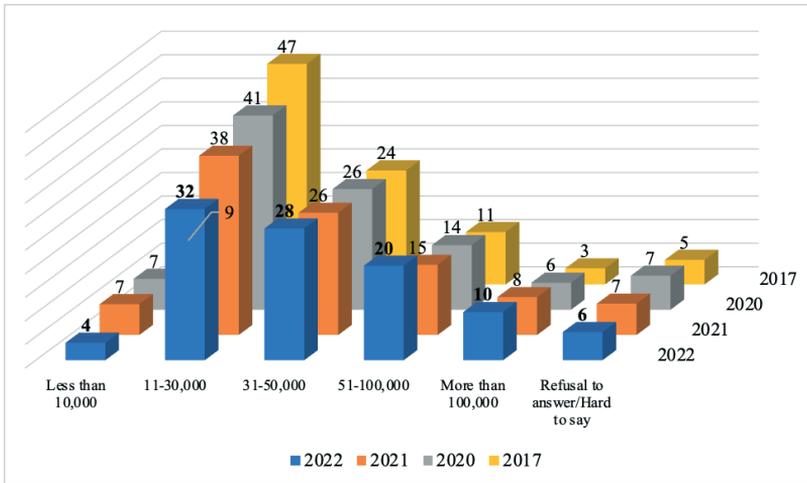

Fig. 18. Average total monthly family income, %

As in the previous waves, in 2022, there are no significant differences by social-demographic characteristic. For instance, some gender differentiation was predictable: women know better food prices; they more often mention the lack of money as the reason for not buying fresh fruits in winter (77% vs 45% of men); more often admit family food restrictions (47% vs 39%); more often prefer the strategy of buying cheaper products in usual stores (73% vs 65%); more carefully monitor the range of food products and notice its reduction more often (49% vs 38%); are more demanding on the family diet — less often consider it excellent (10% vs 15%) and more often — satisfactory (38% vs 32%); more realistically assess family food expenses and more often admit that food limitations are determined by rising prices (95% vs 91%) rather than by decreasing incomes (22% vs 29%). As one male respondent stressed, “*I have a good wife. I open my fridge and can choose whatever I want*”.

There are predictable differences by type of settlement, although in absolute terms incomes of the Russian population grow in urban and rural areas (Table 7): 55% in the countryside (67% in 2021, 61% in 2020) have a total monthly family income of less than 30 thousand rubles, while 31% — in the city (39% and 44%, respectively), i.e. groups with a total monthly family income of more than 31 thousand rubles make up 64% (55%; 48%) in the city and 39% (28%; 34%) in the village. If we take 50 thousand rubles of total monthly family income, then in the city, every third family has a higher income (34%), in the village — 17%. Thus, there is an ongoing concentration of poverty in rural settlements. Moreover, lower incomes of rural households determine a larger share of food expenses which make up less than a half for 38% of urban residents and 22% of rural residents, more than a half — for 52% and 62%, respectively.

СОВРЕМЕННОСТЬ

Average monthly family income	Urban areas	Countryside
Less than 10,000	6 / 5 / 3	8 / 13 / 8
11–30,000	38 / 34 / 28	53 / 54 / 47
31–50,000	27 / 28 / 30	22 / 18 / 22
51–100,000	15 / 17 / 22	8 / 7 / 12
More than 100,000	6 / 10 / 12	4 / 3 / 5
Refusal to answer/Hard to say	7 / 7 / 6	6 / 6 / 6

Despite lower incomes and a larger share of food expenses, most indicators of food consumption and social-economic well-being are similar for rural and urban respondents. On the one hand, this confirms the conservation of rural poverty (as ‘normal’) and sustainability of rural survival strategies (personal subsidiary plots). For instance, although rural residents more often admit having malnourished relatives and friends (27% vs 20%), almost every second rural respondent (49% vs 39%) claims that the number of such families in his social circle has not changed. On the other hand, there is a kind of ‘standardization’ of food-consumer practices — not differing by settlement but depending on objective factors. For instance, urban respondents are more likely to buy food in large department stores (76% vs 58%), while rural respondents — in small stores (60% vs 45%) and from private sellers (16% vs 10%). At the same time, rural respondents do not rely on personal subsidiary plots to a much greater extent than urban respondents: it seems that in the production of potato, vegetables and fruits, rural respondents have reached the limit of their capabilities, so they are less likely to increase their production (60% vs 77%).

Conclusion

The 2022 survey confirmed a number of the previously identified trends. Russians buy food mainly in large department stores and are confident food nationalists. Meat products are considered a necessary indicator of the ‘normal’ family diet, but family income determines their quality and quantity. The absence of meat and fish or fruits in winter in the family diet is always determined by low incomes. Russians react to rising prices mainly by reducing the fish and meat parts of their diet, then reduce expenses on dairy products and fruits, and in 2022 — on vegetables, sugar and cereals. It seems that the population’s self-limiting practices have led to a set of affordable meat and dairy products, fruits and vegetables, while groceries were more diverse until the latest price increase and sanctions.

Russians describe their food practices and opportunities inconsistently, which can be explained by two factors. On the one hand, Russians tend to 'normalize' their practices when comparing them with other people and concluding that their diet is 'satisfactory'. On the other hand, low incomes and high shares of communal and food expenses limit all other opportunities, and food becomes an important source of a sense of 'normality'. Both factors seem to remain and even increase their impact due to the decreasing purchasing capacities under rising prices and sanctions. This is confirmed by the rather high estimates of the quality and sufficiency of one's diet (in direct questions) while admitting the increasing number of malnourished families among one's friends and relatives (in indirect questions).

Low incomes (their growth in absolute terms does not compensate for rising prices) and high food expenses, i.e. the economic access to food, is the main threat to Russia's food security. The physical access to food is sufficient: Russians are worried not by the range of food products (with the latest exception of sugar and groceries) but by rising prices under the exhausted resources of food self-sufficiency and self-limitations. Thus, Russians are constantly looking for cheaper products and stores, do not give up usual products but buy them in smaller quantities; in 2022, Russians were forced to reconsider their attitude to personal subsidiary plots and more often intend to expand food production for self-sufficiency.

Based on the statistical and sociological data, we can conclude that today the main challenge for Russia's food security is the economic access to food. Russian agriculture performs its key function, and its production, with a few exceptions, is sufficient for sustainable food supplies; in some branches, the country is no longer a net importer. However, there are no improvements in the economic access to food, and not enough data to assess the physical access to food. Russia's population is still quite positive about the situation despite the lack of improvements in its economic access to food, but the reserves of social positivity are limited.

References

- Balié J., Valera H. G. (2020) Is covid-19 a threat to the stability of rice price and supply? <https://www.irri.org/news-and-events/news/covid19-threat-stability-rice-price-and-supply>.
- Behzadi G., O'Sullivan M., Lennon Olsen T., Scrimgeour F., Zhang A. (2017) Robust and resilient strategies for managing supply disruptions in an agribusiness supply chain. *International Journal of Production Economics*, vol. 191.
- Béné C., Bakker D., Chavarro M. J., Even B., Melo J., Sonneveld A. (2021) Impacts of Covid-19 on People's Food Security: Foundations for a More Resilient Food System. A Report commissioned by CGIAR. <http://ebrary.ifpri.org/utils/getfile/collection/p15738coll2/id/134295/file/134506.pdf>.
- Borodin V., Bourtembourg J., Hnaïen F., Labadie N. (2016) Handling uncertainty in agricultural supply chain management: A state of the art. *European Journal of Operational Research*, vol. 254, no 2.

- Chiffolleau Y. (2020) Covid-19: Are short food-supply chains more resilient in times of crisis? <https://www.inrae.fr/en/news/covid-19-are-short-food-supply-chains-more-resilient-times-crisis>.
- Devereux S., Béné C., Hoddinott J. (2020) Conceptualising covid-19's impacts on household food security. *Food Security*, vol. 12, no 4.
- Erokhin V., Gao T. (2020) Impacts of covid-19 on trade and economic aspects of food security: Evidence from 45 developing countries. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 17, no 16.
- Hendriks S. (2015) The food security continuum: A novel tool for understanding food insecurity as a range of experiences. *Food Security*, no 7.
- Niles M., Bertmann F., Belarmino E., Wentworth T., Biehl E., Neff R. (2020). The early food insecurity impacts of covid-19. *Nutrients*, vol. 12, no 7.
- Shagaida N. I., Uzun V. Ya. (2015) *Prodovolstvennaya bezopasnost v Rossii: monitoring, tendentsii i ugrozy* [Food Security in Russia: Monitoring, Trends and Threats], Moscow: Izdatelsky dom "Delo".
- Shagaida N. I., Uzun V. Ya., Nikulin A. M., Trotsuk I. V., Shishkina E. A. (2019) *Monitoring sostoyaniya prodovolstvennoy bezopasnosti Rossii v 2014–2016 gg.* [Monitoring of Russia's Food Security in 2014–2016], Moscow: Izdatelsky dom "Delo".
- Shagaida N. I., Uzun V. Ya., Ternovsky D. S. (2022) Vtoroy god pandemii: prodovolstvennaya bezopasnost [Second year of the pandemic: Food security]. *Rossiyskaya ekonomika v 2021 godu. Tendentsii i perspektivy*, Moscow: Institut Gaidara.
- Ternovsky D., Shagaida N. (2021) Tsena na kartofel: faktory rosta i sposoby snizheniya [The price of potatoes: Factors of increase and ways of reduction]. *Ekonomicheskoe razvitiye Rossii*, no 11.
- Trotsuk I. V., Nikulin A. M., Wegren S. (2018) Traktovki i sposoby izmereniya prodovolstvennoy bezopasnosti v sovremennoy Rossii: diskursivnye i realnye protivorechiya [Interpretations and dimensions of food security in contemporary Russia: Discursive and real contradictions]. *Mir Rossii*, vol. 27, no 1.
- Wegren S., Nikulin A., Trotsuk I. (2018) *Food Policy and Food Security. Putting Food on the Russian Table*, Lanham: Lexington Books.
- Wegren S., Nikulin A., Trotsuk I. (2021) *Russia's Food Revolution. The Transformation of the Food System*, London: Routledge.
- Wegren S., Trotsuk I. V. (2013) Prodovolstvennaya bezopasnost v Rossiyskoy Federatsii [Food security in the Russian Federation], *Krestyanovedenie. Teoriya. Istoriya. Sovremenost. Uchenye zapiski*, vol. 8, A. M. Nikulin, M. G. Pugacheva, T. Shanin (Eds.), Moscow: Izdatelsky dom "Delo".
- Wegren S. K., Nikulin A. M., Trotsuk I. V. (2021) The fragility of Russia's agricultural production and implications for food security, *Eurasian Geography and Economics*. DOI: 10.1080/15387216.2021.2002170.

Продовольственная безопасность России в кризисный период 2020–2021 годов: объективное и субъективное измерение

Наталья Ивановна Шагайда, доктор экономических наук, директор Центра агропродовольственной политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, просп. Вернадского, 82. E-mail: nshagaida@mail.ru

Ирина Владимировна Троцук, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, просп. Вернадского, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены результаты оценки продовольственной безопасности России в 2020–2021 годы на основе доступных статистических данных и социологического мониторинга «продовольственного самочувствия» населения, реализуемого с 2015 года Центром агропродовольственной политики ИПЭИ РАНХиГС. Авторы полагают, что для российского сельского хозяйства риски пандемии были ограничены, и производство сельхозпродукции обеспечило высокий уровень продовольственного самообеспечения. Хотя физический доступ к продовольствию сохранился на прежнем уровне, экономический доступ ухудшился, но российские семьи смогли обеспечить привычный для себя рацион питания, перенаправив сэкономленные за период пандемийных ограничений средства на питание. Рост цен на продовольствие стал важнейшей проблемой кризисного периода, и для ее решения российское правительство задействовало богатый арсенал мер — от снижения пошлин на импортное продовольствие и временных запретов на экспорт отечественной продукции до установления предельных розничных цен на отдельные продукты питания. Социологическая оценка «продовольственного самочувствия» населения (общероссийский телефонный опрос) показала, что запросы семей с точки зрения доступа к продовольствию довольно скромны на фоне значительно-го кредита терпения и устойчивых практик приспособления к объективным социально-экономическим ограничениям. Принимая во внимание достижение страной большинства показателей продовольственного самообеспечения согласно Доктрине продовольственной безопасности, целесообразно сместить фокус государственной политики с самообеспеченности (и наращивания экспорта) на экономический доступ населения к продовольствию.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, продовольственное самочувствие, самообеспеченность, экономический и физический доступ к продовольствию, пандемия, статистические и социологические данные

Трансформация сельского самоуправления: сибирский фокус¹

О. П. Фадеева

Ольга Петровна Фадеева, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук. 630090 Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17. E-mail: fadeeva_ol@mail.ru

Аннотация. Перманентная трансформация местного самоуправления подходит к своему логическому финалу. Движение в сторону централизации управления и передачи «наверх» полномочий органов местной власти в сочетании с уменьшением финансовых ресурсов, остающихся в распоряжении территорий, завершается переходом к системе «единой публичной власти», задекларированной в новой редакции Конституции РФ. Восприятие наблюдаемых изменений в контексте организации повседневной сельской жизни и проблем сельского развития исследовано на основе полуструктурированных интервью, проведенных автором с представителями местной власти в трех регионах Сибири.

Как показывает анализ мнений респондентов, перераспределение властного ресурса в пользу регионального уровня и сокращение полномочий органов местного самоуправления ставят под угрозу возможность эффективно решать местные проблемы и прежде всего — проблемы развития сельских территорий. Не всегда обоснованный перенос стандартов городского (корпоративного) управления на сельскую почву неизбежно порождает манипуляции со статистической отчетностью и искажение информации, на основании которой принимаются решения о распределении бюджетных средств. Административные реформы не только не решили, но и еще больше обострили проблему как непосредственного финансирования деятельности органов местной власти, так и выделения ресурсов на проекты сельского развития.

Ставка на механизмы софинансирования инициативных проектов с участием населения и местного бизнеса не дает ожидаемых результатов. «Цифровизация» управленческой деятельности по единым лекалам, осуществляемая без учета местной специфики, скорее создает дополнительную нагрузку на местных администраторов, чем экономит затраты, не повышая при этом эффективность принимаемых решений. Выявленные тенденции формируют новые существенные риски для жизнеобеспечения и развития сельских территорий. Уменьшение этих рисков до разумных пределов предполагает внесение глубоких, но тщательно продуманных и сбалансированных изменений в институт сельского самоуправления.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальная власть, сельское развитие, реформирование, формальные и неформальные институты, Омская область, Алтайский край, Томская область

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-2-122-157

-
1. Работа выполнена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект «Актеры, драйверы, последствия социальных изменений в современном обществе: теория и эмпирика», № 121040100280–1.

Последствия кардинального реформирования аграрного сектора постсоветской России неоднозначны. Несмотря на успехи в импортозамещении и устойчивый рост производства продовольствия в последнее десятилетие, остаются проблемы дефицита рабочих мест и нехватки квалифицированных работников, низких доходов населения, нарастающего разрыва в уровне доходов и качестве жизни сельчан по сравнению с горожанами. Высокий инвестиционный потенциал сельского хозяйства контрастирует с низкой привлекательностью сельского образа жизни и невысокой готовностью молодежи связать свою судьбу с «малой родиной». Сельские территории не могут предложить привлекательные условия для высококлассных специалистов, которые требуются как для работы в крупных аграрных компаниях, так и в фермерских хозяйствах разных масштабов, а также для развития не связанных с сельским хозяйством видов бизнеса. Это во многом следствие несовершенства механизма сельского развития как элемента института местного самоуправления (Старосвоенные, 2021: 68–77). Последний за 20 лет прошел разные этапы реформирования как с позитивными, так и негативными результатами (Бухвальд, 2013; Горяченко, Малов, 2017).

Начало масштабной модернизации муниципальной власти в России датируется 2003 годом, когда был принят Федеральный закон 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»². Для сельских территорий в Законе предусмотрено создание двухуровневой модели органов самоуправления, включающей администрации сельских поселений и муниципальных районов, определены полномочия органов власти и источники их финансирования. Для этих же целей предусмотрена передача управления части государственного имущества на муниципальный уровень. Закон зафиксировал порядок предоставления субвенций из бюджетов вышестоящего уровня органам местного самоуправления для исполнения ими отдельных государственных полномочий, а также определил механизм выравнивания бюджетной обеспеченности поселений. В последующие годы система финансового обеспечения муниципальной власти законодательно корректировалась не менее десяти раз: пересматривался перечень федеральных, региональных и местных налогов, вводились специальные налоговые режимы, социально-экономические функции передавались с одного уровня власти на другой,

2. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 11.04.2022).

при этом менялся порядок межуровневых финансовых взаимоотношений (Сумская, 2016). Структурные изменения были призваны устранить противоречие между избыточностью полномочий муниципалитетов относительно располагаемых ими финансовых ресурсов в существующей модели бюджетного устройства на федеральном и субфедеральном уровнях. Однако эта цель так и не была достигнута. Число полномочий сельских поселений за более чем 10 лет значительно выросло — и достигло рекордных 39 единиц при заметном сокращении собственной базы налоговых и неналоговых поступлений.

В 2015 году вступил в действие Федеральный закон № 136-ФЗ³, который скорректировал процедуру перераспределения полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъектов Российской Федерации. Он предусматривал сокращение полномочий сельских администраций с 39 до 13⁴ для передачи их исполнения в районные и региональные органы власти в сочетании с перераспределением части бюджетных налогов с нижнего уровня в пользу верхнего. Так, норматив отчисления налога на доходы физических лиц (НДФЛ) был переназначен следующим образом: в бюджеты сельских муниципальных образований перечислялось только 2% собранных на территории доходов от НДФЛ. В ряде регионов сельские поселения полностью лишились поступлений налогов на имущество (налог на объекты недвижимости, в том числе на землю) и единого сельскохозяйственного налога, которые зачислялись в доходы муниципальных районов. Это еще больше усугубило проблему высокой степени дотационности бюджетов сельских администраций, в структуре которых стали доминировать безвозмездные поступления из бюджетов верхнего уровня. В 2020 году доля таких по-

3. Федеральный закон от 27.05.2014 № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (последняя редакция) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163524/ (дата обращения: 11.04.2022).
4. В состав этих полномочий вошли вопросы, связанные с утверждением и исполнением бюджета поселения; корректировкой ставок местных налогов и сборов; распоряжением муниципальным имуществом; обеспечением первичных мер пожарной безопасности; созданием условий для предоставления жителям услуг связи, общественного питания, торговли и бытового обслуживания, учреждений культуры и спортивных организаций; утверждением правил и организацией благоустройства территории поселения; созданием условий для развития малого и среднего предпринимательства; проведением мероприятий по работе с детьми и молодежью и др.

ступлений в сельских бюджетах составила в среднем 68,4% (Узун, 2021: 49).

Очередные изменения привнес Закон № 62-ФЗ⁵, установивший новый порядок принятия решений об укрупнении муниципальных образований, преобразовании сельских поселений в городские округа. В соответствии с этим порядком право принимать такие решения перешло к представительным органам власти. С этого момента граждане утратили возможность участвовать в изменении статуса муниципальных образований и лишились последних рычагов влияния на органы местного самоуправления, которые к тому же массово стали менять свою дислокацию, переезжая в более крупные населенные пункты, нередко — в районные или даже региональные центры. Выбытие низовых звеньев местной власти, как правило, происходило на фоне дальнейшей «оптимизации» сети сельских школ, клубов, фельдшерско-акушерских пунктов и других учреждений социальной сферы, что вызывало сокращение и без того небольшого числа рабочих мест в бюджетной сфере. За это время в ряде российских регионов сельские поселения либо исчезли вообще, либо их число существенно сократилось, притом что в образе и условиях жизни людей, проживающих в сельской местности, не происходило каких-либо кардинальных изменений. Например, в Московской области все 63 муниципальных образования являются городскими округами, сельские районы в административном плане перестали существовать. В Ставропольском крае были ликвидированы 25 муниципальных районов, 13 городских и 268 сельских поселений. Подобные преобразования с механическим объединением городских и сельских территорий произошли и в Пермском крае.

Обозначенные выше тенденции централизации и перераспределения ответственности между разными уровнями власти нашли отражение в динамике числа муниципальных образований в России в целом (таб.). Согласно данным Росстата, с 1 января 2010 года по 1 января 2022 года число сельских поселений сократилось на 20%, городских поселений — на 26%, муниципальных районов — на 16% при существенном росте числа городских округов (на 19%) и появлении в 2019 году муниципальных округов (в начале 2022 года их насчитывалось 180 единиц, за год количество округов возросло на 80%).

О. П. Фадеева
Трансформация
сельского само-
управления: сибир-
ский фокус

5. Федеральный закон от 03.04.2017 № 62-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”» (последняя редакция). [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_214788/ (дата обращения: 11.04.2022).

Виды муниципальных образований	01.01.2010	01.01.2015	01.01.2021	01.01.2022
Городские округа	512	535	630	608
Муниципальные округа	<i>введены с 2019 г.</i>		100	180
Муниципальные районы	1829	1823	1606	1544
Городские поселения	1739	1644	1346	1287
Сельские поселения	19 591	18 654	16 332	15 742

Запущенный таким образом процесс укрупнения органов муниципальной власти при финансовой несостоятельности (зависимости) нижнего звена поставил перед федеральной властью вопрос сущностного характера: что делать с этим институтом дальше? Ответ на него должны были дать федеральные законы, определяющие общие принципы организации публичной власти после принятия соответствующих поправок к Конституции России, вступивших в действие 4 июля 2020 года⁷. Если для субъектов РФ такой закон был принят достаточно быстро — в конце 2021 года⁸, то в отношении законопроекта, касающегося устройства муниципальной власти, в Государственной думе и в других законодательных и исполнительных органах разгорелась ожесточенная дискуссия, в результате которой второе чтение новой редакции закона о местном самоуправлении было перенесено с марта на июнь 2022 года⁹.

Основная критика обсуждаемого документа касалась трех его положений:

— ликвидация муниципальных районов, сельских и городских поселений и переход с двухуровневой на одноуровневую «административную вертикаль», в которой сохраняются городские и муниципальные округа и районы для городов федерального значения;

— принцип прямого подчинения руководителей муниципальных администраций главам субъектов РФ;

— правила распределения полномочий между региональными и муниципальными органами (в пользу первых), в соответствии с которыми предполагалось выделить непередаваемые полномо-

6. База данных показателей муниципальных образований Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Munst.htm> (дата обращения: 01.07.2022).

7. <http://duma.gov.ru/news/48953/> (дата обращения: 01.07.2022).

8. Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/ (дата обращения: 25.06.2022).

9. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5219017> (дата обращения: 25.06.2022).

чия, которые остаются в ведении регионов и не могут возлагаться на муниципальный уровень; перечень передаваемых полномочий, которыми регион может поделиться с местным уровнем власти; а также полномочия совместного регионального и муниципального ведения. В основе данного распределения должны лежать различия в ресурсной обеспеченности деятельности органов государственной и муниципальной властей. Проще говоря, если финансового, кадрового и организационного ресурсов у муниципалитетов недостаточно, то выполнение тех или иных полномочий будет передаваться на региональный уровень¹⁰.

Цель данной статьи — представить существующие возможности, ресурсы и практики работы сельской власти (администраций сельских поселений и муниципальных районов) в регионах Сибири с тем, чтобы оценить возможные последствия предлагаемой реформы местного самоуправления. В качестве источника информации были использованы материалы интервью с главами и специалистами сельских и районных администраций, которые мы провели в 2020–2021 годах в трех сибирских регионах: Омская и Томская области и Алтайский край. В выборку попали восемь сельских поселений в семи муниципальных районах. В исследовании приняли участие 15 респондентов, большинство из которых имели опыт работы в органах муниципальной власти более 10 лет.

Тематические блоки интервью содержали вопросы о функционале и финансовом обеспечении деятельности муниципальных администраций, управлении местными ресурсами и имущественными объектами, выполнении текущих обязательств по поддержанию и эксплуатации систем жизнеобеспечения. Особое внимание уделялось вопросам участия местных органов власти в привлечении дополнительного финансирования для развития своих территорий, кооперации с местным бизнесом и населением в решении вопросов благоустройства, правопорядка и безопасности.

Сельский суверенитет в тисках реформ

В середине 2010-х годов в большинстве обследованных нами территорий произошла передача части полномочий в сфере содержания объектов жилищно-коммунального хозяйства, обустройства сельских кладбищ и мусорных полигонов от администраций сельских поселений районным администрациям. Меры по централизации власти объяснялись необходимостью оптимизации системы управления и концентрации средств на районном уровне для их более эффективного использования. Сокращение доли поступлений от НДФЛ, остающихся на низовом уровне, и частичное перерас-

10. <https://www.kommersant.ru/doc/5218796> (дата обращения: 25.06.2022).

пределение доходов от аренды и продажи земли и другого имущества в пользу районных бюджетов снизили порог «суверенности» (т. е. финансовой обеспеченности за счет собственных доходов) сельских поселений и сделали их более зависимыми от решений вышестоящих органов власти. В результате сельским муниципалитетам все труднее стало находить средства не только для модернизации, но и просто для сохранения находящихся в их зоне ответственности дорог, зданий, сетей водо- и теплоснабжения и других элементов инфраструктуры. В отдельных обследованных нами районах собственные доходы органов сельского самоуправления сократились почти наполовину.

Важно, что финансовые рестрикции наложились на сложности с миграционным учетом, возникшие в селах из-за ликвидации паспортных столов, которые раньше работали на базе местных администраций. Муниципальные работники перестали оперативно получать информацию о людях, перебравшихся в их села на постоянное место жительства. Это ослабило реальные полномочия местной власти, отнеся ее «на обочину» в принятии и реализации важных решений (Моляренко, 2018). Иногда знакомство глав поселений с вновь прибывшими жителями происходит постфактум — при разборе тех или иных происшествий, в т. ч. криминального характера. Несколько раз в сельсоветах нам не могли точно сказать, сколько людей проживает на территории в данный момент времени. Чтобы более или менее корректно оценить, сколько детей придут в школу или в детский сад в новом учебном году, работникам администраций совместно с учителями приходилось совершать обход частных домовладений.

Императив «оптимизации» расходов на содержание муниципальной власти удовлетворялся примерно по одной схеме — с помощью укрупнения сети местных администраций. Однако эффект подобных преобразований местные чиновники, которым приходилось настойчиво принуждать сельчан к голосованию за «реформативное» местной власти, как правило, предвидели заранее. Из интервью с бывшим главой муниципального района: *«У нас когда-то было 30 сельских советов, потом сделали 19. Провели сходы, путем насилия и шантажа объединили их, собрали. Лучшие от этого не стало»* (Алтайский край).

Постепенное сжатие ресурсов самоуправления, растущий дефицит кадров и технических средств приучили сельские власти к неустанному поиску возможностей для поддержания порядка и сохранения систем сельского жизнеобеспечения. Однако очередная реформа централизации ответственности за благоустройство и жизнь всех поселений районов стала серьезной помехой. Работники сельских администраций, которых по привычке на местах продолжают называть «сельсоветами», лишились легитимной возможности оперативно реагировать на возникающие проблемы — и вынуждены либо посылать наверх «сигналы бедствия» и ждать

помощи, либо продолжать искать нестандартные способы самостоятельных действий.

Из интервью со специалистами сельской администрации: *«Мы должны организовать пожарную дружину, чтобы самим тушить пожары. Должны охранять общественный порядок, так как хотя у нас есть участковый, но он один — на два поселения, то есть на 6 населенных пунктов. Вакансий в полиции много, но очень мало тех людей, кого бы смогли взять сюда на работу: претенденты не могут пройти детектор лжи. Поэтому многое мы делаем сами, всем помогаем. Попросит опека — сами идем в семьи, разбираемся с проблемами. Вот уже в пяти районах нашей области объявили эпидемию птичьего гриппа. Если он придет к нам, то мы за свой счет будем и дезинфекционный барьер ставить, и рабочих нанимать, которые будут курей ловить, и обеспечивать их инвентарем. Сейчас нам нужно где-то найти бумагу, чтобы памятки для населения размножить, а затем в каждый двор под роспись их разнести. Областные власти пытаются избежать паники — и обещают жителям компенсацию части потерь, если начнется падеж птицы. Сейчас нам нужно пройтись по домам и посчитать, сколько население держит курей, гусей и уток»* (Омская область).

Реформы, которые не только не разрешили, но и усугубили застарелые проблемы недофинансирования через переадресацию ответственности наверх, получили у наших собеседников преимущественно негативные оценки. Общим рефреном, который звучал во множестве интервью, стали слова одного из руководителей сельсовета в Алтайском крае: *«Когда такие решения принимаются, неужели нельзя “на землю” спуститься, к нам приехать — и посоветоваться»*.

От районных структур, к которым перешла ответственность за благоустройство всех кладбищ в округе, тут же стали требовать выполнения универсальных нормативов, не учитывающих различия условий в городе и в сельской местности. Им вменялась необходимость обустройства «деревенских погостов» водоснабжением и канализацией, бетонирования площадок и установки мусорных баков. Из интервью с экс-главой района: *«По содержанию кладбищ у нас возникли проблемы. От нас прокуратура требовала площадки бетонированные, ящики для мусора, туалеты. Конечно, это цивилизация. Но как я могу туда воду подвести? Пришлось с прокурором биться по этим вопросам. Он хотя парнишка молодой, но адекватный. Я ему сказал: “Мы летом подведем воду, зимой она замерзнет. Придется раскапывать по новой”. Потом в крае состоялась коллегия по этим полномочиям, нашей прокуратуре какая-то бумажка пришла, мол, проигнорируйте это требование. За семь лет, что я работал, контроль сверху сильно усилился. При отсутствии финансирования»* (Алтайский край).

О. П. Фадеева
Трансформация
сельского само-
управления: сибир-
ский фокус

Следование предписанным сверху бюрократическим процедурам и целевым установкам нередко ставит районные и сельские власти в неловкое положение перед избирателями. С одной стороны, заботы сельчан не остаются без внимания руководства регионов — средства выделяются на условиях софинансирования и в рамках разных программ. Но с другой стороны, не всегда выделенные средства идут именно на те цели, в которых заинтересованы местные власти и население. Эти противоречия приводят к тому, что от дополнительного финансирования нуждающиеся в нем местные власти предпочитают отказываться и вполне разумно объясняют причины его «токсичности». Продолжение интервью: *«Некоторые главы поселений держались подальше от целевых субсидий. Либо своих денег на финансирование у них не было, либо цель их не устраивала. Им надо уголь купить, а деньги пришли на то, что делать не надо: дорожные знаки какие-нибудь поставить или разметку на дороге нарисовать. Как ее нарисовать физически, если там асфальта нет? Такая дурь тоже была. От нас требовали на дорогах перед школой обозначить пешеходный переход. Ну знаки мы поставим, ладно. А вот что делать с “зеброй”? Я попросил своего подчиненного: “Выдели время, заедь в село, посмотри: там асфальт есть?” Как мы потом будем встречаться с местным населением? — людей сильно можно разозлить подобными бездумными решениями. Поэтому у местной власти мудрость должна быть, чтобы понять, все ли надо выполнять, что советуют сверху».*

В числе таких не до конца обдуманных решений, по мнению наших респондентов, стала передача на районный уровень в части регионов полномочий по организации и содержанию сельских мусорных полигонов и сбору мусора на всей территории района. Но почти сразу после этого, в 2018–2019 годах, для наведения порядка в сфере утилизации отходов и создания мусороперерабатывающих мощностей по всей стране началась «мусорная» реформа. В регионах появились единые «региональные операторы твердых отходов», а по сути, монополисты, которые также зашли в сельскую местность и по городским правилам стали организовывать вывоз мусора. В связи с этим часть «мусорных обязанностей» вновь была возвращена сельским муниципалитетам, от которых затребовали обустройство специализированных площадок внутри населенных пунктов с установкой контейнеров для сбора мусора. Однако от утилизации всех отходов они по-прежнему были отстранены. В конечном счете централизация сбора мусора не улучшила, как предполагалось, а ухудшила ситуацию. Из интервью с главой поселения: *«До начала мусорной реформы мы боролись за то, чтобы жители не разбрасывали мусор, а собирали и вывозили его на нашу свалку. А сейчас я вроде бы дал добро мусорить везде, так как машина, которая забирает мусор, приезжает из райцентра к нам раз в неделю. У меня денег хватило только на две*

мусорные площадки, на каждой из которых стоят по три бака. Это крайне мало, по нормативам в нашем селе должны быть оборудованы 42 площадки. Мусор во вторник вывозят, а вечером в четверг я уже вижу, что все баки переполнены. Люди стали за сбор мусора платить больше, но проблема стала решаться хуже» (Омская область). Подробнее об этой животрепещущей теме речь пойдет ниже.

Чтобы административный натиск с перераспределением бюджетов и полномочий окончательно не разрушил механизмы решения локальных проблем, на местах стали все чаще прибегать к заключению дополнительных соглашений между районом и поселениями (сельсоветами), возвращающих переданные наверх функции на прежнее место. Проблема была лишь в том, что финансирование новых-старых видов деятельности муниципальной власти стало приходиться в село с большим запозданием: *«Полномочия у нас забирают, а потом по дополнительному соглашению передают обратно. Сложно дождаться выделения для этого средств, но вот исполнения от нас контролирурующие органы требуют сразу же» (Омская область).*

О подобной передаче ряда полномочий без требуемого обеспечения нам поведал уже упоминавшийся выше экс-глава района из Алтайского края, который особо подчеркнул крайнюю нецелесообразность некоторых административных «разменов»: *«Сельским советам передали полномочия — сначала 11, потом 12 штук. Полномочия передали, а про средства забыли. И вот началось. Прокуратура нам стала слать разные предписания. Но как сельские советы должны выполнять мероприятия по антитеррору, которые прямо указаны в их полномочиях? У них на это денег нет, при их скудных бюджетах даже 5 тысяч рублей выделить сложно. Еще от них требуется создать антинаркотические комиссии, бороться с зарослями конопли и мака».*

КРІ на сельский лад

Помимо все ускоряющегося свертывания «сельского суверенитета» глав поселений беспокоит не ослабевающий поток приходящих сверху распоряжений и отчетных требований, являющихся, по сути, аналогами КРІ — ключевых показателей эффективности, призванных «измерить степень достижения целей или оптимальности процесса». К подобным бюрократическим процедурам сельские администраторы относятся с большим скепсисом. Универсализация технологий «цифровизации» и сбора отчетных данных, в том числе для оценки целевых индикаторов выполнения государственных программ сначала устойчивого, а затем комплексного развития сельских территорий (Дементьев, 2021: 168–171), по их мнению, вступают в противоречие с разнообразием условий жизни в россий-

ских и особенно в сибирских селах. Это разнообразие даже с помощью множества показателей не поддается корректному измерению и, соответственно, предписанные сверху показатели малоприспособлены для эффективных управленческих решений. Из интервью с главой сельской администрации: *«Бюрократия сейчас залезла в каждую бумагу, в каждого чиновника. Нашей властью движет идея, что каждому управленцу можно поставить целевой показатель, а потом собирать отчеты и все будет работать. Но о том, как этот показатель привязать к местности, как учесть специфику разных населенных пунктов, мало кто думает»* (Томская область).

Навязывание не до конца отрефлексированных решений приводит к усилению вмешательства надзорных органов в деятельность местной власти. Практически без анализа причин в адрес глав администраций регулярно выносятся выговоры или выписываются штрафы по самым разным поводам: из-за небранного мусора или же, наоборот, использования для его утилизации несанкционированных свалок, из-за задержек с формированием электронных отчетов в ГИС-системах или несвоевременно вывешенных объявлений об изменении тех или иных законодательных актов, из-за нерешенности проблем с зарослями дикой конопли, бродячими собаками и неухоженностью придомовых и общественных территорий. Риск наказания в условиях снижающейся привлекательности труда сельских администраторов и невысокого уровня их оплаты в последнее время все чаще стал фигурировать в качестве одной из причин устойчивого дефицита квалифицированных муниципальных кадров в сельской местности.

Приведем наиболее яркие высказывания работников местных администраций на этот счет:

«Вы бы почитали, что пишет нам прокуратура. Я поначалу очень расстраивался, как так — я работаю, я стараюсь, а мне ставят такие оценки? Вот, например: “Глава администрации допустил грубое нарушение бесконтрольностью за своими подчиненными, которые не выставили на сайт администрации постановление, в связи с чем нарушили права неопределенного круга лиц”. Мой заместитель отвечает за четыре направления (дорожная деятельность, безопасность, жилищный фонд и др.). По всем этим направлениям он отчитывается, пишет распоряжения и порой встает из-за стола не может, чтобы реально пойти в народ, какие-то вопросы, связанные с благоустройством, порешать. Разобраться, например, почему чья-то корова ходит в неположенном месте, у кого из жителей трава не скошена и т. д. А теми постановлениями, которые он должен выложить на сайт, наш народ не пользуется. Чего стоит только закон о собаках, согласно которому в селах надо выделить специальные участки для собачьих прогулок. Еще там надо расставить урны, скосить дорожки — и пошло-поехало. Одно дело

для проформы об этом отчитаться, другое дело, когда проверяющий придет из города и спросит: “А где у вас тут собаки выгуливаются?” — “Вот здесь”. А там все бурьяном поросло... Он сразу жалобу в прокуратуру писать примется, а оттуда опять к нам письмо придет» (Томская область).

«Прокурорский надзор нас очень любит, кажется, что он стремится уничтожить последние наши начинания и вообще желания. Хотя разработаны федеральные законы — и на региональном уровне законы есть, но мы должны тоже нормативные акты составлять. Нас тщательно проверяют — вплоть до каждой запятой. Например, надо писать не “месячный срок”, а “30 дней”. Сейчас судят нашего главу — из-за того, что мы не вовремя перечислили свою часть средств в территориальную избирательную комиссию. Но мы не знали правильного алгоритма действий, так как не прочитали федеральный закон. Этот закон требует, что если решение совета о проведении выборов состоялось, то в течение 5 дней его нужно опубликовать, а еще через 10 дней, не позже, оплатить свою долю финансирования. Нам нужно было заплатить 39 200 руб. А сейчас главе поселения грозит штраф от 30 до 50 тысяч рублей. Хотя выборы мы не сорвали, кампания только начинается — печатаются все эти воззвания и послания» (Омская область).

Стоит добавить, что при всей озабоченности контролирующих органов формальным соблюдением регламентов на всех этапах предвыборного процесса, решать вопросы с подбором кандидатов на роль поселковых или районных депутатов приходится исключительно местной власти, которая без наличия «законодательной ветви» может утратить свою легитимность. Продолжение интервью: «Мы на коленях наших жителей просим: “Пожалуйста, пойдите к нам в депутаты. Будете контролировать работу администрации, а мы будем все ваши замечания, пожелания учитывать и с вами взаимодействовать”. Никто не хочет. Кому надо такое местное самоуправление? Кому нужны эти депутаты, что зависит от их мнения? Вот только, знаете, лишние хлопоты».

Бюрократический документооборот нередко подменяет реальные попытки что-то изменить в жизни российских сел. Символичной выглядит ситуация, когда главе сельсовета из областной администрации приходит разъяснение о том, что он должен в своей деревне как можно быстрее запретить купание в открытых водоемах, так как для официального открытия купального сезона требуется получить от Роспотребнадзора разрешение на организацию пляжа, пригласить сертифицированных водолазов для проверки дна и выполнить массу других действий, средства на которые в местном бюджете не предусмотрены. Логика вышестоящих органов власти состоит не в том, чтобы обеспечить возможность детям в течение короткого сибирского лета провести каникулы на берегу местной речки, а в том, чтобы заранее снять с себя любую от-

ветственность за возможные ЧП на воде. Из интервью с главой администрации: «*Местное самоуправление сегодня существует для органов статистики и еще для каких-то департаментов, на запросы которых мы регулярно отвечаем. Вот нам говорят: “Вы написали постановление о запрете купания?” — “Написали”. Но этими вопросами надо заниматься по-другому. Давайте мы все-таки откроем купальный сезон! Давайте возьмем бредни, проверим, нет ли на дне водоема лома, воронок, кочек каких-то. Давайте огородим территорию, на которой можно будет купаться и взрослым, и детворе. А с нас требуют водолазов, проверок разных структур, оформления стационарного спасательного поста. Сегодня мы элементарные вещи у себя делать не можем. Но дети же все равно идут купаться. И я их, как глава села, понимаю: у них же детство, у них всего 10 дней теплой погоды. Вот что мне делать? Я могу эту инструкцию выполнять. Дальше-то что? А что делать деревенским ребятишкам? Они же не поедут в бассейн учиться плавать!» (Томская область).*

Причины появления описанных выше сюжетов, иллюстрирующих «беспомощность» сельской власти, часто лежат в финансовой плоскости, которая имеет региональную и не только специфику.

Финансы имеют нюансы

Бюджетные возможности сельских администраций в немалой степени зависят от экономического статуса регионов, в которых они находятся. Чем успешнее в финансовом плане субъекты Федерации, тем выше уровень подушевой бюджетной обеспеченности местных администраций, а значит, больше средств они готовы выделить на нужды сельских жителей. Такие регионы более конкурентны на рынке национальных проектов и программ, а значит, им проще «выторговать» в министерствах и ведомствах федеральные ресурсы и направить в районы и поселения больше средств для реализации социальных и экономических проектов. В этом случае регионально-федеральная диверсификация трансфертных потоков помогает местным органам власти сохранять в своем составе специалистов разного профиля, занимающихся проблемами местного ЖКХ, управлением муниципальным имуществом, градо- и землеустроительной деятельностью, учетно-административными делами. В нашей выборке к числу таких регионов можно отнести лишь Томскую область, где в обследованных районах годовой объем доходов бюджетов в расчете на одно поселение за последние три года варьировался от 8 до 16 млн руб., а доля собственных доходов составляла от 17 до 25%. На другом полюсе расположились обследованные нами поселения в Алтайском крае и в Омской области, в которых совокупный объем бюджетных расходов колебался в пределах 2–4 млн руб. и был примерно сопоставим с годовым фондом заработной пла-

ты работников администраций и учреждений культуры, ответственность за работу которых возложена на местные власти. Оставшиеся от выплаты зарплат средства лишь частично покрывали фактические расходы на содержание дорог, отопление и водоснабжение муниципальных зданий.

О последствиях существующих бюджетных ограничений и кадровой чехарды можно судить по мнению специалиста районной администрации в Алтайском крае: *«В наших сельсоветах даже уборщиц нет как таковых. Полная ставка есть только у главы поселения и полставки — у его заместителя. Заместитель частично занимается бухгалтерией, уборкой помещений и какими-то неотложными вопросами. На 4–5 сельских советов приходится один бухгалтер, который выведен за штат. С главами сельсоветов в районе настоящая беда: их возглавляют два педагога, два медика, три человека с ментальными отклонениями (у которых вместо документов об образовании «желтая справка»), два человека с алкогольной зависимостью. Часть этих глав — пенсионеры. Где взять других руководителей, непонятно — никто не идет на эту должность. Поэтому для глав у нас отменили требование о высшем образовании и муссируют идею о ликвидации сельских советов. Чтобы решить кадровые проблемы, мы пытались объединять сельские советы, но через 2–3 года все возвращалось на круги своя».*

В одном из поселений Омской области ситуация выглядела менее напряженной по сравнению с алтайским кейсом: средств местных бюджетов (в годовом измерении 3,3 млн руб.) хватало на полноценную занятость главы администрации и трех сотрудников, которые активно занимались проблемами территории. Но возвращение к жизни местного «очага культуры» показало, насколько чувствителен местный бюджет к любой дополнительной статье расходов: *«У нас полтора года замок висел на Доме культуры. А на 2021 год нам на согласование из областной администрации прислали расходы на 500 тысяч рублей (это 15% наших расходов). Наш бюджет должен содержать двух работников культуры, которые пока у нас проработали три месяца. Помимо зарплаты нужно платить за электроэнергию, связь, воду. Вот кровью душа обливается, еще и дорожный фонд собираются у нас забрать».* Стоит подчеркнуть, что это пример вполне благополучного поселения — на его территории продолжают работать сельхозпредприятие и фермеры, сохранились источники собственных доходов (помимо НДФЛ в бюджет зачисляются собранные на территории имущественные налоги). На этом основании правительство Омской области присвоило поселению повышенный статус самокупаемости: *«Нас в районе считают низкодотационными. У нас маленькая численность жителей, есть градообразующее предприятие, то есть стабильно идут доходы. Когда к нам приходят средства по программам софинансирования, мы должны*

для их исполнения вносить не менее 7% собственных доходов, хотя лишних денег у нас нет. Другие администрации вносят по 1,5–2–3%. Областные и районные власти сами оказались “без штанов”, поэтому нас поставили в такие рамки. Мы уперлись в жесткие лимиты — нормативы содержания муниципальных служащих плохо соотносятся с текущими экономическими реалиями. Стоимость жизни растет и растет, а от нас откусывают и откусывают. Полномочия и другие обязательства добавляют, а денег не дают».

Доходную часть бюджетов сельских муниципалитетов условно можно разделить на три части. Ее более или менее постоянную основу составляют дотации из бюджетов верхнего уровня по нормативам подушевого финансирования и соотносимые с ними лимиты на содержание управленческого аппарата. Еще одна часть поступлений складывается из собственных доходов администраций, в основе которых лежат налоговые источники и поступления от использования муниципального имущества. Наконец, третья часть доходов имеет нестабильный характер — в связи с этим совокупные бюджетные поступления могут увеличиться на треть или на половину по отношению к предшествующему году и в той же пропорции упасть на следующий год. Речь идет о получении сельскими администрациями целевых средств для выполнения тех или иных федеральных и региональных программ и поддержки локальных проектов инициативного бюджетирования, как правило, на конкурсной основе (Кондратьев, Фадеева, 2021).

Наши наблюдения показывают, что более устойчивым положением обладают те муниципалитеты, где предыдущему или нынешнему руководству удалось проявить свои хозяйские качества и разобраться с выморочным имуществом, оставшимся в наследство от развалившегося в округе аграрного производства или других предприятий, выявить и через суд оформить в собственность поселения не востребованные жителями земельные доли, а также сохранить за собой право распоряжаться землей под строительство жилья и другие виды деятельности.

Так, в бюджет одного из поселений Томской области с недавних пор стала поступать арендная плата от строителей газовой магистрали. Хотя окрестные села в первоначальный план газификации не попали, но от прокладки трубы они все-таки выиграли: главе удалось сдать в аренду структурам «Газпрома» технические сооружения (склад, территорию сушилки) и земельный участок, которые он в свое время из статуса «бесхозное имущество» перевел в муниципальную собственность. Если бы вся земля, по которой прошел газопровод, была надлежащим образом зарегистрирована в Росреестре, сельские бюджеты смогли бы стать своего рода рантье: *«Газ мимо нас прошел, низкая раздатка только в райцентре, а у нас высокая. Я в свое время пыжился, чтобы газ пришел и к нам, но мне сказали: “Дойдет до райцентра, протянем*

и к вам». Пока же трубу закопали, она проходит по нашей территории, но газовики за это никому не платят, так как оформленной земли нет». Помимо «газовых» доходов предприимчивый глава обеспечил поступления от сдачи в аренду помещений офиса разорившегося свинокомплекса, который он тоже поставил на свой баланс, серьезно модернизировал и впустил туда частный магазин, отделение Ростелекома и другие организации. В 2021 году налоговые и неналоговые доходы в совокупности принесли в бюджет поселения около 2,4 млн руб., что было сопоставимо с фондом заработной платы работников администрации.

В соседнем поселении в течение последних лет половину собственных доходов бюджета приносила продажа «не востребованной» сельскохозяйственной земли (Фадеева и др., 2021: 75–88), которую администрация спешно оформила в свою собственность, как только местное сельхозпредприятие включилось в экспортную федеральную программу и стало наращивать производство. Возросший спрос на землю поднял тарифы на локальном рынке для сельских жителей — цена одного пая размером 13 гектаров, доставшаяся им в процессе приватизации, выросла с 10 до 30 тыс. руб., что, конечно, не так уж много, но отражает рыночную стоимость сельхозугодий северного региона. Совокупный доход сельского бюджета от земельных сделок с растущим предприятием за три года составил порядка 1,5 млн руб., в связи с чем глава района посоветовал сельскому главе остановиться с продажей ценного ресурса и начать сдавать оставшуюся землю в длительную аренду. Причем необходимость смены стратегии районный руководитель обосновал не экономическими, а политическими мотивами. Из интервью с главой поселения: *«Меня недавно глава района спрашивает: “Что вам интереснее — продавать землю или сдавать ее в аренду?” — “Конечно же, — говорю, — продажа интереснее. Потому что арендный доход небольшой получается, особенно если раскидать его на 49 лет” <...> Но у района другой подход: раз землю предприятие сдаешь в аренду, значит, оно будет сельсовету чем-то обязано, с их руководством можно будет договариваться, социальные вопросы вместе решать. А если они землю купят, то какие у сельской власти останутся козыри на руках, сразу же партнерство закончится. Нужна аренда, тогда и предприятия под контролем будут».*

Приведенный выше пример использования сельской властью конъюнктуры, связанной с движением земли и ростом ее ценности, не может тиражироваться везде и всюду. Причина не только в том, что локальные рынки земли неоднородны и не всегда в равной степени привлекательны для потенциальных инвесторов, но и в ряде организационно-правовых моментов. В частности, бюджет администрации одного из обследованных омских поселений лишился земельных доходов из-за неразграниченности прав собственности на землю между муниципалитетами разных уровней. Это ка-

салось как муниципальных земель под застройку, коммерческую и иную деятельность, так и земель сельскохозяйственного назначения. Несмотря на то что земля, проданная или сданная в аренду физическим и юридическим лицам, административно относится к поселению, доход от ее использования направлялся в районный, а не в местный бюджет. Глава поселения сожалел, что районные власти, получая земельную ренту, не торопятся с кадастровой регистрацией границ и оформлением земли, чтобы она наконец-то перешла в собственность сельской администрации, и в ответ на их бездействие предпочел саботировать указания по поиску покупателей и арендаторов земли в рамках его поселения, не видя в этом никаких выгод: *«У нас не разграничена земельная собственность. Району удобно. Лет 5 или 7 назад половина доходов от аренды земли оставалась в бюджете района, другая половина возвращалась к нам. Теперь все остается там. Мне даже неинтересно заниматься этими вопросами — подыскивать земельные участки для сдачи в аренду, продажи, чтобы работа хотя бы двигалась в этом направлении. Получается, что наше поселение почти на 100% дотационное».*

Подобное финансовое бессилие местной власти тем более удивительно, что село, о котором идет речь, в советское время развивалось как индустриальный центр, основу которого составлял уникальный ремонтно-механический завод, кооперированный с Кировским заводом в Ленинграде. Кировский завод поставлял трактора, для которых в омском селе изготавливали и навешивали погрузчики. Кроме того, на местном заводе ремонтировали машины и оборудование для хозяйств Сибири и Дальнего Востока. О масштабах предприятия можно судить по следующим данным: ежегодно капитальный ремонт проходили до 800 энергонасыщенных тракторов «Кировец», не считая текущих ремонтов различных узлов и деталей. В лучшие годы на заводе работало около 1000 человек, дополнительно из Омска приезжали на вахту квалифицированные рабочие и специалисты, село отличалось развитой социально-культурной и инженерной инфраструктурой. Оно до сих пор остается самым крупным в районе (более 2 тысяч жителей) во многом благодаря появившемуся при заводе центральному водо- и теплоснабжению, а также поддерживаемым в хорошем состоянии школе, детскому саду и Дому культуры. Недавняя газификация дала толчок жилищному строительству. Несмотря на дефицит рабочих мест, который образовался после банкротства завода в 2002 году, здесь появилось немало молодых семей, желающих обзавестись своими усадьбами.

В беседе с нами глава связывал дальнейшие перспективы развития с сооружаемой поблизости солнечной электростанцией¹¹,

11. Омская область входит в десятку российских регионов с самым большим количеством солнечных дней и потому выбрана одним из плацдармов развития зеленой энергетики.

которой понадобятся специалисты-операторы, а также с продвижением ремонтной специализации села несколькими частными компаниями, занимающимися восстановлением машин и других технических средств.

Еще один ресурс развития глава видел в закреплении в селе молодых людей за счет реализации всевозможных программ и инициативных проектов: *«Вот сейчас мы в федеральную программу “Городская среда” зашли. У нас за 10 млн руб. строится сквер для отдыха, из них 500 тыс. руб. составило наше софинансирование, что довольно много с учетом нашего высокого уровня дотационности. Мы хотим, чтобы сквер стал больше молодежным. Там будут детская площадка, летняя сцена, качели. Будет мостик для молодоженов. Мы сделали дизайн-проект, а потом защитили его в Министерстве строительства. Население проект обсуждало, но деньгами в его реализации не участвовало. Был отдельный инициативный проект — как раз по строительству детской площадки. Проблем с участием граждан в этом проекте не было — люди и сами работали, и деньги сдавали. Также получали деньги на ремонт Дома культуры, а недавно поселковая библиотека выиграла грант 5 млн руб. на модернизацию».* Но главная мечта сельского мэра связана с асфальтированием дорог, получить средства на которое он никак не может: *«Хотелось бы еще уличные дороги в поселении сделать. Они у нас грунтовые. Чтобы сделать дорогу, нужен проект, а это 1,5 млн руб. Каждый год пишу письма в областное дорожное хозяйство».* Но все же какие-то подвижки в этом вопросе случаются. Паллиативным способом решения дорожной проблемы стал разбор жителями села руин закрытого завода и заделывание кирпичами и другим сподручным материалом наиболее выдающихся ям и колдобин, с которыми мириться они уже не в состоянии. Таким образом, пусть и таким способом артефакты из советского прошлого помогают селу справляться с проблемами дня сегодняшнего.

Если для руководителя села, которое обладает важным в административной системе конкурентным преимуществом в виде сохранившегося населения и, следовательно, увесистого и стабильного потока «выравнивающих» дотаций в местный бюджет, дополнительное целевое финансирование на развитие территории играет стратегическую роль и может отчасти нивелировать отсутствие собственных доходов, то для руководителей томских поселений, попавших в нашу выборку, эффект участия в конкурсах на получение грантов («инициативного бюджетирования») и ресурсов других программ, требующих активности населения, не столь очевиден. Проблемы подстерегают их как на «входе» в процесс подготовки проектной документации, когда главам вместе с жителями требуется определиться с целью, выбрать объект для строительства или модернизации, сделать бизнес-план и договориться о принципах софинансирования и величине взносов, собираемых с каждого взрос-

лого жителя села, так и на «выходе» из подготовительной стадии, когда проект одобрен в кабинетах регионального правительства, принято решение об открытии финансирования, объявляются торги для определения подрядчиков и происходит сбор внебюджетных средств.

Опрошенные главы томских поселений жаловались на безынициативность и равнодушие односельчан, которые не торопятся участвовать в сходах, собраниях и предлагать свои проекты по совершенствованию «среды обитания», или же, наоборот, вступают в конфронтацию, если строительство и ремонт объекта (детской и/или спортивной площадки, Дома культуры, библиотеки, музейного/мемориального комплекса, дороги, тротуара, инженерных сетей и др.) планируется в одном населенном пункте, а участвовать в финансировании надо всем жителям поселения. Эти и другие обстоятельства влияют на активность жителей при сборе средств, несмотря на относительно небольшую величину взносов (или на добровольной основе — «кто сколько сможет», или регламентировано — от 100 до 300 руб. с человека). Иногда люди отказываются вносить свой взнос из принципа, рассуждая примерно так: «я не хочу платить за то, чем пользоваться не буду» или «государство обязано обеспечивать сельскую местность необходимой инфраструктурой, ведь мы работаем, платим налоги — и они должны возвращаться нам в виде общественных благ».

Если нужной суммы собрать с населения не удастся, главы поселения обращаются за помощью к местным бизнесменам, которые по условиям этих программ должны выступать гарантами проектов и вносить свою часть денег. Как правило, бизнес к этим просьбам относится с пониманием и, чтобы не портить отношения с сельской администрацией, берет на себя погашение доли расходов жителей.

Из интервью с главой поселения: *«У нас было “инициативное бюджетирование”, оно у нас получилось не идеально. Я вот с чем столкнулся, когда захотел сделать пешеходную дорожку в центральном селе, где у нас находятся администрация, школа и другие социальные объекты. Когда на кладбище деньги собираем, это нужно всем, проблем не так много. Но вот с дорожкой так не вышло, хотя по ней от остановки ходят не только жители данного села, но и соседнего поселка, который к нам тоже относится. Ведь они приезжают сюда по разным делам: кто-то идет в школу или мимо школы к нам в администрацию, а в нашем здании расположены почта, и библиотека, и ЖКХ. Я подумал, что будет всем хорошо, всем будет удобно. Но люди отнеслись к этому по-разному. Одни сказали: “А я туда не хожу”, другие: “Да я и без дорожки могу пройти”. Всего с жителей нужно было получить 50 тысяч рублей, в двух этих населенных пунктах живет почти 800 человек, т. е. каждый мог бы сдать меньше чем по 100 рублей — и хватило бы. Но я смог собрать всего 5000 руб. А мы же уже заявили с проектом, еще во много что*

ввязались, поэтому пришлось к предпринимателям обращаться за помощью, хотя они и так участвуют в финансировании. Так что «инициативное бюджетирование» криво-коряво работает, но при этом требует документального оформления. Получается, что я себе на шею надел еще одно ярмо» (Томская область).

На фоне принудительно-добровольного сбора пожертвований сельские главы с ностальгией вспоминают, как еще недавно у них была небольшая, но свобода в распоряжении бюджетными средствами — в части собственных доходов поселений. Однако со временем гибкость в управлении сметой расходов сельских администраций сменилась жесткой процедурой трехлетнего «программного» планирования, не допускающего смены текущих приоритетов: «У нас денег всегда не очень много было, но мы могли их раскидать по нашим полномочиям и, если нужно, вместе с депутатами что-то поменять в наших планах. Собирались и обсуждали: «Вот мы заложили в этом селе на ремонт кладбища 15 тысяч руб., давайте в этом году там не будем ничего делать, а перенесем эти работы на следующий период, а сейчас вот на эти деньги в другом селе забор поменяем и что-то подлатаем, а то скоро все там развалится». Была такая возможность, а сегодня ее нет. Если мы сформировали бюджет на три года, то что-то поменять в нем практически не получится — это надо объяснений кучу давать, почему, зачем и как» (Томская область).

Тем не менее, несмотря на пассивность избирателей и связанные с бюрократическими процедурами неудобства, сельские главы готовы воспользоваться разными программами и организовать комбинацию нескольких источников, чтобы привлечь дополнительные средства на социальное обустройство. Из интервью с главой другого томского поселения: «Я в прошлом году успел по программе «Устойчивое развитие сельских территорий» кладбище огородить. Требовалось финансовое участие местного предприятия, которое как раз интересуется нашей землей. Поэтому они были готовы к сотрудничеству. Также в прошлом году мы привлекли деньги по «инициативному бюджетированию», построили детскую площадку, а в этом году — также по «инициативе» делаем благоустройство кладбища еще в одном селе. Какие у нас проблемы в связи с этим? — нужно сход организовать, население как-то замотивировать, деньги собрать. Но люди практически не ходят на наши собрания. Нужен кворум в 50% от числа взрослых жителей, а у нас и 1%, бывает, не приходит. Как реально происходит выбор проекта? Я вношу два-три предложения, люди начинают обсуждать, что-то свое предлагают. Но, как правило, мы сходимся к тому, что предлагаю я. 70% стоимости проекта — это средства бюджетные. На жителей закладываем 10%, остальное — бизнес. Но по-разному бывает, и цены проектов тоже различаются. В центральном селе на кладбище потратили 70 тысяч, на детскую площадку — 100 тысяч. В не-

большом селе затраты на кладбище составили 25 тысяч. Еще предполагается трудовое участие граждан. Мы его обязательно предусматриваем, потому что не заработаем баллы, когда будем заявлять и защищать проект. Когда его сдаем, прикладываем фотографии и калькуляцию пишем, которую передаем финансистам. Отчет есть отчет».

Для организации более качественного благоустройства сельским главам было бы удобнее распоряжаться своими деньгами, нежели встраиваться в «инициативные» проекты с жесткими финансовыми правилами. Продолжение интервью: *«Если бы у нас оставались какие-то средства свободные, мы бы по-своему благоустройству или ремонт проводили. Чтобы сделать нормальную детскую площадку, которая действительно прослужит долго и на которую приятно будет зайти, нужно потратить миллион рублей, а наши собственные доходы — всего три миллиона в год»*. Глава прекрасно осознает, что при десятикратном сокращении сметы затрат на возведение площадки для сельских ребятшек она достаточно быстро выйдет из строя, но ему приходится принимать практически безальтернативное решение.

Стоит отметить усилившийся в последние несколько лет тренд на более активное вовлечение граждан в принятие решений, касающихся развития «малой родины» (места проживания), чему способствуют специальные законодательные поправки о народном бюджетировании¹². Тем самым власть ясно дает понять, что ей интересно «гражданское общество» в первую очередь в качестве финансового донора «инициативных проектов», утверждаемых на уровне регионов, и она не готова возвращать муниципалитетам ресурсы и полномочия реального самоуправления, чтобы они могли на свой страх и риск проводить независимую социальную и экономическую политику.

Неизменность текущего

В интервью с представителями сельских администраций непрестанно звучала тема острого дефицита имеющихся средств для выполнения текущих обязательств. По сути, помимо содержания административного аппарата и работников культуры, локальные власти располагают средствами в основном для того, чтобы чистить и слегка подправлять дороги (при наличии последних) и на электриче-

12. Согласно положениям Федерального закона от 20.07.2020 № 236-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”», с 1 января 2021 г. в России заработал Закон о «народном» бюджетировании. URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/63662.html/> (дата обращения: 25.06.2022).

ство для освещения улицы (при наличии фонарей). При этом у них оставалось немало направлений для расходования денег, требующих дополнительных средств: ремонт дорог и объектов муниципальной собственности, проведение культурных и спортивных мероприятий, оказание помощи малоимущим семьям, контроль за порядком и т. д.

О том, каким образом местная власть выходит из этого положения, свидетельствует следующий нарратив от лица одного из глав администрации: *«Сегодня от нас законы требуют, что мы должны и дороги светить, и безопасность обеспечивать, и пожары тушить, и многое другое делать. Но у нас нет реального самоуправления, потому что у нас нет денег, которыми бы мы могли сами распоряжаться. Мы с депутатами собираемся, чтобы поделить собственные доходы, а их очень мало... Ну зарплату только можем выплатить да некоторые дороги почистить и электричество оплатить. Нам вот нужно декларацию на гидросооружения делать, а это миллион рублей. Где их взять? Мы дороги содержим, но только кое-как снег спихиваем на обочины. Чтобы их убирать в полную силу, 800 тысяч рублей в год, которые у нас на это имеются, не хватает. Как мы выкручиваемся? Вот у нас фермер есть, помогает нам, хотя его работники за это критикуют. Если случается какая-то проблема, я к нему бегу: трактор понадобится или со скважиной что-то случится, буран в каком-то селе дороги заметет. Я этого фермера прошу, он “Кировец” пришлет, а я ему немного заплачу, даже затраты на те 100 литров солярки, что он потратит, не покрою. Но он как-то меня слышит и понимает. И я тоже со своей стороны стараюсь его какие-то вопросы вместе порешать»* (Томская область). О добрососедском характере взаимодействий между главами поселений и фермерами, которые заинтересованы друг в друге, речь зашла и в Алтайском крае: *«С уборкой снега, как правило, проблем не бывает. Где мы не можем это сделать, там фермеры “по любви” чистят, потому что им надо молоко и зерно возить, транспортную доступность обеспечивать»*. В Омской области фермерская поддержка не только весьма распространена, но и приобрела институциональное оформление, хотя и на неформальной основе: *«Фермеры селу помогают, хорошо помогают. Это благодетельность, договор мы с ними не заключаем. Когда три года назад нашей школе перекрывали крышу, основные средства выделял район, так как это их здание, но фермеры обеспечили пиломатериал, собрали порядка 300 тысяч рублей. Каждый вносил сумму в зависимости от количества обрабатываемой в их хозяйстве земли (от 3 до 5 рублей за гектар). Они свою долю всегда вносят. Хотя все наши массовые мероприятия — День школы, День села, 9 мая, спортивные и другие соревнования мы стараемся из бюджета оплачивать, но и к фермерам за поддержкой обращаемся. Они всегда помогают что-то сделать»*.

Паритет в отношениях между властью и бизнесом в сельской местности держится, как правило, на взаимных услугах благодаря тому, что на одной стороне сосредоточены административные и земельные ресурсы, а на другой — финансовые и технические возможности. Существует и неподдельная социальная ответственность сельских предпринимателей перед «малой родиной» по факту рождения и проживания. Мудрый и грамотный сельский, да и районный глава, как правило, тонко чувствует ту грань, которую можно или нельзя переступить в выстраивании деловых и личных отношений с бизнес-сообществом, но все равно прекрасно осознает, что всегда остается под прицелом общественного и не только мнения и в любой момент его могут обвинить в коррупционных намерениях. Тем не менее в разговорах с нами главы не раз отмечали необходимость дифференцированного подхода к регулированию работы сельских бизнесменов (в зависимости от масштабов и этапов развития их бизнеса или же последствий нередко случающихся в сельской местности ЧС — пожаров, наводнений, засухи и проч.) в плане назначения арендных и налоговых платежей, решения вопросов с выделением государственной поддержки или же получением кредитных ресурсов и обслуживанием банковского долга. Некоторые из них не раз выступали в роли заступников бизнеса перед налоговыми и другими службами, а также банками, упрасывая последних сделать какие-то послабления тем производителям, которые потеряли часть своего имущества в огне или в воде, и не изымать сразу в качестве компенсации долгов оставшуюся у них технику, а дать собрать урожай и получить доход. Позиция сельской власти — всеми правдами и неправдами добиться того, чтобы у тех, кто пытался добросовестно работать, но попал в сложное положение, не забирали последнее.

Но человеческие отношения между властью и бизнесом легко интерпретируются как коррупция — своего рода «проплаченный» патронаж — притом что сотрудничество муниципалитета с предпринимательским корпусом или просто отказ от навязчивого вмешательства в их работу может обеспечить сельскому развитию гораздо больше бонусов, нежели силовой регуляторный подход. Интервью с экс-главой района Алтайского края: *«С кого-то можно последнее взять. А если я не беру, мне тут же говорят: “Значит, он с тобой договорился”, но тот же человек при случае может для общего дела КамАЗ привезти с чем-то. С фермерами надо по-людски работать. Вот у нас в районе есть один товарищ успешный. Он в свое время по 10 своих работников в Таиланд отправлял отдыхать на новогодние каникулы. Он построил телятник за 37 миллионов, у него пластиковые окна там. Когда я был главой, он меня попросил не мешать работать его хозяйству. Я не мешал — и что он сделал: построил в селе храм, школе помогает, сельский совет отремонтировал, дорогу засыпал, собирается еще одну ферму строить».*

Другой способ справиться с текущими проблемами территорий связан с самоорганизацией жителей села, которые готовы с помощью своей техники расчистить снег или скосить траву на всей улице, а не только рядом со своей усадьбой, оплатить завоз щебня и других строительных материалов и нанять грейдер, чтобы выровнять дорожное полотно, или же навести порядок с водоснабжением, с содержанием памятных для села мест. В ряде сибирских регионов большую роль в благоустройстве сел играют ТОСы — органы территориального общественного самоуправления (Бреславский, 2021).

Несмотря на разные пертурбации с обменом/отменой полномочий, под особым контролем у сельских глав остаются вопросы, связанные с пожарной безопасностью, уборкой мусора, водо- и тепло-снабжением. Различия в практиках их решения зависят от навыков хозяйствования и ответственности глав разных администраций и их сотрудников, имеющих финансовые и организационные ресурсы, сплоченности и солидарности местных сообществ.

Сельская власть отвечает за безопасность территории, но из-за нехватки средств, как правило, делает это скорее на самодеятельной, добровольной основе. По закону за борьбу с пожарами на местах должны отвечать региональные подразделения МЧС России, однако федеральные службы нацелены прежде всего на огнеборчество непосредственно в населенных пунктах. Но в сельской местности серьезную опасность представляют рукотворные палы земли или природные пожары, в том числе на давно не возделываемых полях и лесных угодьях. По сути, пожарные начинают реагировать на угрозы только тогда, когда огонь подступает к границам селений, а возгорания в удаленных от них местах долго остаются без внимания, так как ответственность за борьбу с ними лежит на лесоустроительных и других ведомствах. Чтобы защитить сельские территории от огня, на выявляемые с помощью воздушного мониторинга «термические точки» нередко направляются бригады пожарных-добровольцев. Организуемая таким образом защита и, при необходимости, привлечение жителей на борьбу с огнем невозможны без участия сельских властей, которые также используют помощь местных фермеров и других представителей бизнеса.

В ряде поселений мы обнаружили хорошо организованные и технически оснащенные бригады пожарных-добровольцев. Своим появлением они, как правило, обязаны усилиям глав местных администраций, которые смогли подобрать людей, добиться хотя бы минимального финансирования охранной деятельности, наладить рабочие отношения с руководством пожарных частей, дислоцированных на территории.

Из интервью с главой поселения в Томской области, расположенного в лесной пожароопасной зоне: *«Нужно, чтобы сам муниципалитет мог принимать и исполнять свои решения по пожарной безопасности, а сейчас этот порядок устанавливает МЧС. Вон стоит наша пожарная машина. До этого мы ездили на при-*

способленной технике, тракторах. Команда моя — добровольцы. В прошлом году мы два раза тушили дома, помогали пожарным. Весной четыре раза тушили палы, это основная весенняя проблема. Если поля начнут гореть, то деревне хана. Поэтому выезжаем на поля подальше, чтобы там пожары захватить, так как на них никто внимания не обращает — горит и пусть горит. Я сколько обращался в район и в область: «Давайте наказывать за эти возгорания виновных, тех, кто там землю пашет», а мне отвечали: «Кому мы юридически эти претензии предъявим, у работающих там фермеров документов нет ни на земельную собственность, ни на аренду». Когда трава на полях горит, сначала вызываем пожарных, они приезжают и говорят: «Угрозы для населенного пункта нет, мы поехали». Я докладываю специалисту в район, он просит: «Слушай, поедь туда, потому что у нас каждая термочка на учете. Погляди, что да как, а мы с федералами потом разберемся». Едем. Мои дружинники в недоумении: «Почему пожарные не едут, а просят нас?» Хорошо, что район выделяет на зарплату моему водителю дополнительно пять тысяч рублей в месяц. Поэтому мы выезжаем на ЧП в любое время дня и ночи. Сели, поехали, потушили, а утром на работу выехали».

Глава подчеркнул, что в основе быстрого реагирования на все ЧС в его зоне ответственности лежит позиция личного участия, которой он заражает окружающих и добивается четкого (по мере возможности) выполнения охранной и другой работы: «Если я срываюсь на все эти происшествия, то и мои сотрудники, и мои дружинники вместе со мной бегут. Всё на этом держится».

Проблемы со сбором и утилизацией мусора, как мы отмечали выше, имеют давнюю историю. Развертывание общероссийской мусорной реформы пришлось на время, когда сельчане начали привыкать к цивилизованному обороту твердых и других отходов и платности этой услуги. Они научились складировать мусор в мешки и вывозить его на специально организованные для этого полигоны. Но быстрая замена локальных правил на централизованную утилизацию внешними операторами повергла сельчан в шок. Они только-только приспособились к введенному местными властями порядку и символической оплате этих услуг, как с них вдруг начали взимать повышенные тарифы, а процесс сбора мусора стал менее понятным и удобным. Из интервью с главой поселения: «Мы перешли на новый вид сбора мусора. Народ сейчас крутит у виска и говорит: «Раньше глава администрации с нас тряс по 5 рублей, чтобы грузовая машина раз в месяц объезжала все улицы и мы в телегу к ней загружали свои мешки с мусором. Мы еще отказывались платить. А сейчас поставили мусорные контейнеры, до которых надо еще идти и платить по 50 рублей с каждого прописанного в селе человека!»» (Томская область).

Проблема возникла еще и потому, что единый оператор по вывозу мусора не готов идти навстречу запросам жителей. В результате

сельчане утратили часть доступных прежде возможностей — оказалось, что приезжающие в села машины не забирают габаритный и строительный мусор, а также отходы растительного и другого происхождения, имеющие сугубо деревенскую специфику. Это заранее предвидели некоторые главы поселений и, сделав вид, что выполняют строгий «начальственный приказ» о быстрой ликвидации местных полигонов, отказались избавляться от тех траншей, которые они в свое время организовали для утилизации мусора. Чтобы не раздражать проверяющих, они предусмотрительно разместили таблички о закрытии деревенской свалки на старом месте.

Из интервью с главой поселения: *«Все-таки мы извлекли определенную пользу. Нам департамент выделил деньги, чтобы засыпать мусорную яму. Мы вроде бы ему подчинились, оформили бумажки, но засыпали ее не до конца. Почему? Я 20 лет здесь работаю и знаю, что у людей много всякого мусора, который в контейнер нельзя бросать. Это и негабаритный мусор, и ботва, которую вроде бы можно сжечь или уложить в компостную яму. Но у нас каждый житель готов проявить свою индивидуальность. Мне часто так отвечают: “Что я, дурак, чтобы это жечь или оставлять на огороде? Зачем я буду заразу себе разводить?” Вот я это место и оставил, но поставил табличку: “Все закрыто, не приезжайте”. Но жители все равно везут такой мусор туда, и слава богу, что хоть туда, а не куда-то еще. Работающая у нас компания берет только то, что относится к бытовому мусору, мол, у них другой лицензии нет. Получается, что я из своего бюджета должен найти деньги, нанять эту же компанию, чтобы они увезли небытовой мусор в ту яму, куда разрешено его вываливать. Но этих денег у меня нет, поэтому используем свой старый полигон. Я в каждом селе пробил разрешение на эти специальные ямы. Я даже почти получил на них лицензию, но районные власти не захотели передать мне на баланс эти земли. А так бы у меня была лицензия на сбор и вывоз мусора. Хотя все равно, наверное, ее бы отозвали, когда началась мусорная реформа. А так у меня все было разрешено, а сейчас стало запрещено. Я же районную комиссию сюда привозил, которую приказом создали для лицензирования свалок. Она дала заключение, что здесь можно организовать свалку»* (Томская область).

Получается, что устоявшийся порядок оборота мусорных отходов разных категорий в результате реформы стал экологическим нарушением. При этом нововведения очевидным образом не учитывали особенности сельского образа жизни. Разрушение отлаженной системы может спровоцировать череду неблагоприятных экологических последствий, вызванных концентрацией мусорных отходов на меньшем количестве полигонов. Как показало наше исследование, на фоне официального закрытия местных свалок стала расти площадь полигонов районного значения. Увеличились их мощ-

ность и радиус обслуживания, благодаря чему «городской мусор» все чаще стал вывозиться на периферию сельских территорий, которая стала плацдармом для создания разного рода экотехнопарков. Под модными названиями часто скрываются, с одной стороны, далеко не всегда сбывающиеся обещания технологичной сортировки и утилизации твердых коммунальных отходов (ТКО) крупнейших российских мегаполисов¹³, а с другой стороны, вполне зримые угрозы загрязнения значительных участков земли, нарушения природной ценности и целостности локальных экосистем. Утрата прав распоряжения этими ресурсами и новые экологические риски вызывают массу негативных эмоций не только у тех сельчан, по соседству с домами которых стали возникать «утилизационные» площадки, но и у районных администраторов, которые в ходе реформы были отстранены от регулирования работы мусороперерабатывающих комплексов и распределения доходов от их деятельности. Из интервью с заместителем главы муниципального района: *«Не реформа, а не пойми что. Прежде районная компания на наш полигон местный мусор вывозила, районный бюджет деньги за это получал. В число наших обязанностей входило расширение полигона. Теперь мы от этой деятельности доходов не имеем, а обязанность расширять полигон у нас осталась. Как-то неправильно получается»* (Томская область). Из интервью со специалистом районной администрации: *«К нам в район несколько лет назад пришел предприниматель, который организовал полигон с отдельным размещением мусора (дерево к дереву, бумага к бумаге), по-*

13. Среди самых известных и скандальных проектов подобного рода можно назвать экотехнопарк «Шиее», который должен был стать пионером внедрения инновационных для России экологических технологий обращения с ТКО с помощью их брикетирования (измельчения, прессования и упаковки в пленку) и компактного складирования. Строительство парка было начато в 2018 г. в Ленском районе Архангельской области на границе с Республикой Коми, но из-за многочисленных протестов местного населения было остановлено в 2021 г. (URL: <https://tass.ru/obshchestvo/10828793>). Находящийся на расстоянии более чем 1000 км от Москвы, технопарк предназначался для утилизации ТКО столичного региона. Предполагалось, что брикетирование отходов будет осуществляться на территории Люберецких очистных сооружений (Московская область), после чего брикеты для дальнейшего складирования должны были вывозиться железнодорожным транспортом на территорию площадки в Шиее (вес брикетированного груза мог достигать до 500 тыс. тонн в год). Хотя инициатор проекта — правительство Москвы совместно с европейскими партнерами — гарантировал рекультивацию мест размещения ТКО, восстановление лесных ресурсов, проведение тщательной оценки воздействия проекта на окружающую среду на всех этапах его реализации с участием жителей области, общественных организаций, экспертов и контролирующих органов (URL: <https://russiaindustrialpark.ru/news/tehnopark-shies-proekt-v-detalyah>), справиться с негативной реакцией общественного мнения и активным сопротивлением жителей и экологических активистов ему не удалось, в связи с чем проект пришлось закрыть.

лучил лицензию, а теперь остался ни с чем, так как полигон перешел в региональное управление. У нас все было организовано — и с мусором все было в порядке. Сейчас же на нашу свалку возят мусор из соседнего города-курорта. Еще из одного города сюда пытались везти отходы, но наши люди сильно возмутились и не дали это сделать! Все это из-за того, что у нас единственная на всю округу лицензионная свалка <...> Федералы решили, что так должно быть. Но как это отразится на наших селах? В каком положении окажется вся наша территория? Почему рядом с нашими домами должна находиться эта свалка? Законы принимают, а мы пытаемся их как-то выполнить» (Алтайский край). Сложно предположить, что в этом «мусорном противостоянии» города и села победа окажется на стороне последнего.

К числу наиболее болезненных и сложно поддающихся решению в условиях Сибири относятся вопросы сельского водоснабжения. Несмотря на широко разрекламированную федеральную программу «Чистая вода», реально обеспечить сельчан качественной водой удается далеко не везде. Преуспеть в этих вопросах смогли представители одного из сельских районов Томской области, где реализуется губернаторская программа по размещению мини-станций, оснащенных специальными фильтрами для очистки поступающей из подземных скважин воды. Символично, что губернатор невольно стал инициатором этой программы, попытавшись разобраться с причинами сокращения из года в год числа призывников от области на срочную службу в российскую армию. Оказалось, что парни признаются негодными к службе из-за проблем со здоровьем, которые непосредственно связаны с качеством питьевой воды. Проблемы армейского рекрутинга, за которым внимательно следят федеральные структуры, заставили региональные власти включиться в борьбу за здоровье подрастающего поколения и обратить внимание на то, что еще недавно ускользало от «начальственного взора». Из интервью с главой администрации: «Это чисто региональная программа, без федерального и местного софинансирования. Наш губернатор где-то задал вопрос: отчего в области с призывом ситуация не ладится? Оказалось, что вода у нас не очень хорошая. Тогда он принял решение о размещении станций по очистке воды во всех населенных пунктах, где главы пожелают это сделать. Вот я четыре таких станции поставил. Область выделила вагончики, район дал деньги на то, чтобы эту станцию подключить к водопроводу, я нашел для этого место. На станции есть счетчик, который фиксирует объемы очищенной воды. ЖКХ считает, сколько воды из скважины поднялось, пришло на станцию, профильтровалось и ушло на нужды населения — и за все это платит. Но мы потом из своего бюджета выделяем ЖКХ субсидию, покрываем их убытки по направлению «Обеспечение населения холодной водой»» (Томская область).

Для администрации поселения, расположенного в степной зоне Омской области, решить аналогичную проблему оказалось не под силу. Несмотря на то что в селе сохранилось аграрное производство и население, кардинально улучшить качество воды не удастся. Затраты на строительство глубоководной скважины, по оценке главы, могут составить до 15 млн рублей, а взять их негде. В селе, где живут 200 человек, с давних пор функционирует один общественный колодец, вода в котором из-за недостаточной глубины чрезмерно минерализована. Даже для потребностей животноводства местное сельхозпредприятие пробило водозаборную скважину на 90 метров, но фильтры для нее приходится менять чуть ли не каждый месяц. Население пытается бурить собственные скважины, но найти «жилу» с водой надлежащего качества удается немногим.

Другой проблемой, которая находится на постоянном контроле сельской власти, является подача тепла и безаварийная работа местных котельных и тепловых сетей. Хотя за это, как правило, напрямую отвечают специализированные муниципальные унитарные предприятия (МУП), но закупка топлива для обогрева социальных учреждений, муниципальных зданий и частных домовладений (для льготных категорий: учителя, врачи, пенсионеры и проч.) входит в зону ответственности главы сельского поселения. Ему же приходится решать проблемы с оплатой коммунальных услуг и изыскивать средства для погашения долгов.

Правила содержания коммунального хозяйства в сельской местности не универсальны, однако их объединяет проблема «плановой убыточности», т. е. отсутствия самоокупаемости МУПов и необходимости их дотирования. Попытки привлечь к этой сфере бизнес и запустить муниципальные концессии для модернизации систем ЖКХ и повышения эффективности их эксплуатации ни в одном из обследованных нами районов не увенчались успехом¹⁴. Организации ЖКХ, как правило, субсидируются из региональных бюджетов.

О проблеме растущих долгов за коммунальные услуги в сельских котельных и вынужденной «оптимизации» затрат в этой сфере рассказывает глава поселения в Томской области: *«Я бывал в разных регионах: где-то коммуналка в основном сосредоточена в районе — и поселения занимаются только благоустройством своей территории, а где-то, как у нас, эти проблемы лежат на сельских администрациях. В одном из наших сел есть многоквартирные дома. Это 24 квартиры, в которых зарегистрированы 40 человек, это около 1000 квадратных метров. Суммарная задолженность за коммунальные услуги владельцев квартир — 600 тысяч руб. Кто-то из жильцов не хочет, а кто-то не может*

14. Заметим, что в российской практике известны случаи успешного муниципально-частного партнерства именно в теплоснабжении (Нефёдкин и др., 2019).

вносить квартплату. Это связано с тем, что квартиры в основном люди покупали из средств материнского капитала. Так как работы у нас не было, многие семьи переехали в райцентр, там арендуют жилье и работают. Сельские квартиры остались в их собственности, а они за них не платят — вот и скопился такой долг. В результате мы должны за топливо (уголь и дрова) уже 400 тысяч рублей, несмотря на получаемые на эти цели субсидии. Но мы отапливаем не только дома, но и школу, и другие социальные учреждения. В результате мы были вынуждены перейти на отопление котельных дровами, хотя это получается затратнее, так как дрова надо пилить каждый день, а с этим могут возникнуть разные проблемы: то у пилы “Дружба” цепь порвется, то свеча вылетит или что-то еще случится. Почему мы так сделали? Потому что за уголь надо платить аванс, а дрова нам могут отдать в долг, ведь лесопереработка у нас в районе развита и часто бывает “затоварка” дров. У нас в селе несколько котельных, одну я предложил жителям закрыть, так как средств на ее содержание нет. Но люди не согласны, говорят: “Нам холодно, давайте нам тепло”. Не знаю, что делать. Я эти котельные везу на себе, мне просто деваться некуда».

Образуется своего рода порочный круг: в действующем порядке предоставления услуг ЖКХ не учтена возможность массовых неплатежей, обусловленных низкими доходами и невысокой платежной дисциплиной местного населения. Затраты на содержание локальных систем отопления (как правило, морально и физически устаревших) не всегда покрываются платежами пользователей и выделенными государством субсидиями. При высокой концентрации в Западной Сибири месторождений природного газа данный вид топлива для сибиряков, живущих в сельской местности, остается малодоступным. Виноваты, как утверждают эксперты, большие расстояния и низкая плотность населения. В этих условиях выход из сложившегося положения глава поселения видит либо в том, чтобы закрыть одну из двух убыточных котельных и сэкономить на фонде зарплаты, но при этом снизить для всех пользователей температуру теплоносителей и тем самым ухудшить качество услуги¹⁵, либо продолжать наращивать убытки и искать разные

15. Заметим, что в условиях суровой сибирской зимы оставлять людей в плохо отапливаемых помещениях негуманно или даже преступно. Этот тезис приобрел особую актуальность в связи с небывалым топливным кризисом, разразившимся осенью 2021 г., уже после завершения полевого этапа нашего исследования, в нескольких регионах Западной Сибири (Омской, Новосибирской, Кемеровской областях и Алтайском крае). На старте отопительной кампании и жители, и организации ЖКХ столкнулись с дефицитом и резким удорожанием угля (на 60% и более), вызванным проблемами с логистикой и существенным ростом цен на перевозки, а также отсутствием топлива на складах в связи с тем, что большая часть добываемого на Кузбассе черного золота была отправлена на экспорт. Из-за оста-

обходные пути и компромиссы во взаимодействии с поставщиками топлива и в конечном счете лишь откладывать неминуемое банкротство организации ЖКХ.

Альтернативный подход к решению судьбы инженерно-коммунальной инфраструктуры был применен в другом томском поселении, где в одной из деревень из-за ликвидации малокомплектной школы встал вопрос о закрытии ее здания и школьной котельной. Так как в бывшем здании школы остались библиотека, почта, фельдшерско-акушерский пункт и переводить их было некуда, глава сельской администрации сумел сохранить это здание в рабочем режиме, несмотря на то что отапливать пришлось и пустующие школьные кабинеты. При этом в оправдание своего поступка глава отметил важный для него социальный фактор: раз отстоять школу ему и жителям села не удалось, то он сделал все возможное, чтобы не уменьшать затраты на отопление и сохранить четыре рабочих места для сельских кочегаров: *«Удручает, что за это время мы успели закрыть малокомплектную школу в одном из сел, области было накладно содержать там учителей. В 2018 году оттуда убрали средние и старшие классы и перевели их в школу в базовом селе, школьников стали сюда подвозить, а к 2021 году закрыли уже начальные классы. Школьный автобус оплачивает районное управление образования. По правилам затраты на обучение в школе несет регион, а содержание школьных зданий и другие сопутствующие услуги образования оплачивает район. Району платить за работу школьной котельной очень накладно, они хотели бы ее закрыть. Но ведь там находится библиотека и другие организации, к тому же эта котельная отапливает и местный клуб, то есть там есть кому возмущаться, а этого район хотел бы избежать. А мы еще, так или иначе, свой социальный вопрос решаем: сохраняем работу для кочегаров. Мы так для себя это расцениваем, а району, конечно, наша позиция не нравится, но приходится с ней соглашаться».*

В этом нарративе четко просматривается несовпадение взглядов на происходящее у представителей разных уровней власти. Областные чиновники ничего плохого не видят в закрытии маленькой школы, которая, с их точки зрения, не может обеспечить успешную социализацию и качественное образование сельским детям, но требует немалых бюджетных расходов. По-иному эту же ситуацию интерпретируют сельские чиновники: закрытие школы болезненно переживается и детьми, и родителями: ежедневные поездки

новки поставок угля на местный рынок жители ряда сел были вынуждены кооперироваться между собой и оставаться на ночлег в чужих домах, чтобы сэкономить топливо и не замерзнуть, переходить на более затратное и менее эффективное дровяное отопление, в том числе сырой (не подготовленной) древесиной. URL: <https://www.bfm.ru/news/485269> (дата обращения: 25.06.2022).

по сельским дорогам не только утомительны, но и не всегда безопасны. К тому же консервация школьного здания ухудшит и без того сложное состояние локального (сверхдефицитного) рынка труда, так как сразу несколько человек лишатся работы, а их семьи — гарантированного дохода. Это противостояние экономической и социальной аргументации в вопросах управления развитием сельских территорий встречается довольно часто. Верх одерживает, как правило, логика «одномерной оптимизации», нацеленной на сокращение финансовых затрат без надлежащей оценки социальных последствий.

Подводя черту под анализом текущей деятельности сельских администраций, следует отметить, что ответственность за жизнеобеспечение поселений, как бы ни менялись институциональные правила, по-прежнему лежит на главах поселений, независимо от того, имеются ли у них средства для ремонта, строительства, текущей эксплуатации той или иной инфраструктуры, или же этих средств не хватает. Это означает, что им всегда необходимо что-нибудь «придумывать», с кем-то договариваться, изыскивать нестандартные и не всегда легитимные возможности решения возникающих проблем.

Заключение

Вернемся к вопросам, поставленным в начале статьи. Насколько целесообразно желание законодателей демонтировать нижний уровень органов самоуправления и в том числе отказаться от сельских администраций? Как показало наше исследование, ответ на этот вопрос не очевиден — при существующем распределении полномочий, источников и пропорций бюджетного финансирования качественно выполнять свою работу на местах могут далеко не все муниципалитеты, хотя именно на них в конечном счете возложена ответственность за безопасность и условия жизни сельского населения. В цитируемых нами нарративах сельских администраторов отражены сложность и специфика их повседневных проблем, а также способы их решения — нередко в «ручном режиме» за счет искусной деформализации существующих «правил игры». Конечно, не во всех поселениях жизнь устроена так, как нам об этом рассказали наши респонденты. Далеко не все местные руководители готовы и способны на первое место ставить интересы своих односельчан.

На наш взгляд, замысел современной реформы муниципальной власти исходит из общей логики институциональных изменений последнего десятилетия, направленных на огосударствление местного самоуправления и централизацию системы принятия решений и управления ресурсами (будь то вопросы образования, медицины, социального обеспечения, жилищного, дорожного и другого строи-

тельства, организации мусорных полигонов, поддержки бизнеса и проч.). Благодаря этой трансформации сельским администраторам чаще вменяется роль статистов, нежели реальных управленцев, наделенных достаточными средствами и полномочиями. Вместе с тем в данный момент сельская власть еще обладает правами на распоряжение закрепленными за ней землей и другим имуществом. Благодаря этим ресурсам она способна хотя бы частично поддерживать свой «суверенитет» и отстаивать местные интересы.

Но что произойдет, когда последние ресурсы сельской власти будут утрачены — и новой властной вертикали станут не нужны опыт, компетенции и профессиональные способности сельских управленцев быстро и гибко адаптироваться к разным вызовам времени? Сможет ли новая «опубличенная» муниципальная власть, вынесенная далеко за пределы управляемых ею сельских территорий, взять на вооружение отработанные годами практики сотрудничества и солидарности местных общин и привлечения предпринимателей к решению локальных проблем? Напрашивается скорее отрицательный, чем положительный ответ. Подчеркнем, что в нынешнем раскладе сельских патрон-клиентских отношений (Патрон-клиентские, 2016) бизнес и власть последовательно меняются местами — и эта взаимозависимость позволяет им компенсировать провалы существующей аграрной и территориальной политики.

Еще один вопрос касается доступности власти для населения, которая сегодня, хотя и не везде, но сохраняется, благодаря чему находятся компромиссы в решении первоочередных проблем. Непонятно, сможет ли внедряемая вместо нижнего звена власти «управленческая цифровизация» в виде потока big data, характеризующего поселения в их демографическом, социальном и экономическом разрезах (Новоселов, Фалеев, 2022: 265), заменить собой нарабатываемые годами человеческие отношения и обеспечить правильную (рациональную) расстановку приоритетов, чтобы продвинуться в реализации многочисленных программ устойчивого/комплексного развития сельских территорий (Фадеева, 2021: 11).

Кратко структурируем наши выводы. Для сельских территорий планируемая реформа может обернуться следующими серьезными рисками:

— утрата «локальной суверенности» приведет к невозможности легитимного контроля сельских сообществ над местными ресурсами и усложнит защиту их интересов;

— из-за разнообразия локальных условий и возможного комбинирования ресурсов развития унифицированная модель территориального управления «сверху» не сможет эффективно справляться с поставленными перед ней задачами и обеспечивать привлекательные условия для жизни сельского населения и закрепления работающей молодежи;

— из-за разрыва существующей сети социальных (личностных) взаимодействий глав администраций, представителей власти

и сельского населения может утратить свое значение компенсирующая роль сложившихся на сегодняшний день формальных и неформальных видов государственно-частного партнерства;

— на выпавших из контура публичной власти территориях возникнут условия для реального самоуправления и самоорганизации жизни населения, но уже без «официального» вмешательства государства.

Наверное, реалистичность перечисленных угроз стала очевидна и российским законодателям, которые, получив в мае текущего года более 700 поправок и предложений¹⁶, не стали торопиться с принятием резонансного законопроекта о местном самоуправлении в рамках весенней сессии работы Госдумы РФ в 2022 году. Можно ли это считать попыткой спустить данный вопрос на тормозах, покажет время, но очевидно одно — существующий институт сельского самоуправления находится в тяжелом кризисе и нуждается в реформировании, но только при более тщательном анализе всех элементов его работы и скопившихся проблем.

Библиография

- Бреславский А. С. (2021). Территориальное общественное самоуправление в современной Бурятии: условия устойчивого развития // Крестьяноведение. Том 6. № 2. С. 79–98.
- Бухвальд Е. М. (2013). Муниципальная реформа в России: мифы и реальность // Общество: политика, экономика, право. № 1. С. 60–69.
- Горяченко Е. Е., Малов К. В. (2017). Реформирование системы местного самоуправления: оценки и проблемы // Регион: экономика и социология. № 1. С. 271–291.
- Деметьев Д. В. (2021). Комплексное развитие сельских территорий в Новосибирской области: предварительные результаты // ЭКО. № 6. С. 161–175.
- Кондратьев М. В., Фадеева О. П. (2021). Практики участия населения в местном самоуправлении: кейсы сибирских сел // Регион: экономика и социология. № 2. С. 162–183.
- Моляренко О. А. (2018). Изоляция власти от населения в сельской местности: причины и последствия // ЭКО. № 1. С. 23–29.
- Нефёдкин В. И., Фадеева О. П., Гинзбург Д. Р. (2019). Концессии в теплоснабжении: инвестиции вместо субсидий // ЭКО. № 3. С. 37–56.
- Новоселов А. С., Фалеев А. В. (2022). Региональное и муниципальное управление в условиях развития цифровой экономики и информационного общества // Регион. № 2. С. 256–275.
- Патрон-клиентские отношения в истории и современности. Хрестоматия. (2016) / Под общей редакцией А. Гилева. М.: РОССПЭН.
- Староосвоенные районы в пространстве России: история и современность. (2021) / [Аверкиева К. В. и др.]; сост. и науч. ред. Нефедова Т. Г. М.: Товарищество научных изданий КМК.
- Сумская Т. В. (2016). Местное самоуправление: эволюция бюджетной политики / Ред. С. А. Суспицын. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН.
- Фадеева О. П. (2021). Государственная политика в сфере АПК: приоритеты и возможности сибирских регионов // ЭКО. № 11. С. 8–35.

16. <https://www.kommersant.ru/doc/5358903> (дата обращения: 25.06.2022).

Фадеева О., Быстров Е., Збанацкий О., Шелудков А. (2021). Родные земли. Очерки трансформации земельных отношений в России / Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники». М.: Common Place.

Узун В.Я. (2021). О необходимости перехода к политике сельско-городского развития // ЭКО. № 11. С. 36–55.

Transformation of the rural self-government: A Siberian case

Olga P. Fadeeva, PhD (Sociology), Senior Researcher, Institute of Economics and Organization of Industrial Production, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 630090 Novosibirsk, Academician Lavrentieva St., 17.
E-mail: fadeeva_ol@mail.ru

Abstract. The permanent transformation of the Russian local self-government comes to its logical end. The trend of management centralization including the 'upward' transfer of the powers of local authorities, combined with a decrease in their financial resources, determines the transition to the system of 'single public authority' as declared in the new version of the Constitution of the Russian Federation. The author's description of these changes' impact on the organization of everyday rural life and rural development challenges is based on semi-formalized interviews with representatives of local authorities in three regions of Siberia. According to the respondents, the redistribution of power resources in favor of the regional level and the reduction of the local self-government powers threaten the ability to effectively solve local tasks, primarily those of the rural development. The not always justified transfer of urban (corporate) management standards to rural areas inevitably leads to manipulations with statistical reports and data which serve as the basis for decisions on the distribution of budgetary funds. Administrative reforms did not solve but rather exacerbated both the direct financing of the local authorities work and the allocation of resources for rural development projects. The co-financing of initiative projects by the population and local businesses did not deliver the expected results. 'Digitalization' of management activities by uniform patterns which ignore local features rather creates an additional burden on local administrators than saves costs or increases decisions' efficiency. The identified trends determine new significant risks for rural life and development. To reduce such risks to reasonable limits, we need deep, carefully thought-out and well-balanced changes in the rural self-government institutions.

Key words: local self-government, municipal government, rural development, reforms, formal and informal institutions, Omsk Region, Altai Region, Tomsk Region

References

- Breslavsky A. S. (2021) Territorialnoe obshchestvennoe samoupravlenie v sovremennoy Buryatii: usloviya ustoychivogo razvitiya [Territorial local self-government in contemporary Buryatia: Factors of sustainable development]. *Russian Peasant Studies*, vol 6, no 2, pp. 79–98.
- Bukhvald E. M. (2013) Munitsipalnaya reforma v Rossii: mify i realnost [Municipal reform in Russia: Myths and reality]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, parvo*, no 1, pp. 60–69.
- Goryachenko E. E., Malov K. V. (2017) Reformirovanie sistemy mestnogo samoupravleniya: otsenki i problemy [Reforms of the local self-government system: Assessments and challenges]. *Region: ekonomika i sotsiologiya*, no 1, pp. 271–291.
- Dementiev D. V. (2021) Kompleksnoe razvitie selskih territoriy v Novosibirskoy oblasti: predvaritelnye rezultaty [Integrated development of rural areas in the Novosibirsk Region: Preliminary results]. *EKO*, no 6, pp. 161–175.

- Kondratiev M. V., Fadeeva O. P. (2021) Praktiki uchastiya naseleniya v mestnom samoupravlenii: keysy sibirskih sel [Practices of the population participation in the local self-government: Cases of Siberian villages]. *Region: ekonomika i sotsiologiya*, no 2, pp. 162–183.
- Molyarenko O. A. (2018) Izolyatsiya vlasti ot naseleniya v selskoy mestnosti: prichiny i posledstviya [Isolation of authorities from population in rural areas: Causes and consequences]. *EKO*, no 1, pp. 23–29.
- Nefedkin V. I., Fadeeva O. P., Ginzburg D. R. (2019) Kontsessii v teplosnabzhenii: investitsii vmesto subsidiy [Concessions in heat supply: Investments instead of subsidies]. *EKO*, no 3, pp. 37–56.
- Novoselov A. S., Faleev A. V. (2022) Regionalnoe i munitsipalnoe upravlenie v usloviyah razvitiya tsifrovoy ekonomiki i informatsionnogo obshchestva [Regional and municipal government under the development of digital economy and information society]. *Region*, no 2, pp. 256–275.
- Patron-klientskie otnosheniya v istorii i sovremennosti* [Patron-Client Relations in History and Contemporaneity] (2016), A. Gileva (ed.), Moscow: ROSSPEN.
- Staroosvoennye rayony v prostranstve Rossii: istoriya i sovremennost* [Old-Developed Regions in the Space of Russia: History and Contemporaneity] (2021), T. G. Nefedova (ed.), Moscow: Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK.
- Sumskaya T. V. (2016) *Mestnoe samoupravlenie: evolyutsiya byudzhethoy politiki* [Local Self-Government: Evolution of Budget Policy], S. A. Suspitsyn (ed.), Novosibirsk: Izdvo IEOPP SO RAN.
- Fadeeva O. P. (2021) Gosudarstvennaya politika v sfere APK: priority i vozmozhnosti sibirskih regionov [State policy in the agro-industrial complex: Priorities and opportunities of the Siberian regions]. *EKO*, no 11, pp. 8–35.
- Fadeeva O., Bystrov E., Zbanatsky O., Sheludkov A. (2021) *Rodnye zemli. Ocherki transformatsii zemelnykh otnosheniy v Rossii* [Native Lands. Essays on the Transformation of Land Relations in Russia], Moscow: Common Place.
- Uzun V. Ya. (2021) O neobkhodimosti perekhoda k politike selsko-gorodskogo razvitiya [On the necessity of transition to the policy of the rural-urban development]. *EKO*, no 11, pp. 36–55.

«Главное, что меня удивляет, — убежденность большинства ученых и политиков в особой значимости крупных хозяйств»

Ц. Лерман, А. М. Никулин

Цви Лерман, доктор экономических наук, профессор эмеритус Иерусалимского университета. Израиль, 76100, Реховот. E-mail: zvi.lerman@mail.huji.ac.il

Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, руководитель Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, директор Чайновского исследовательского центра МВШСЭН. 119571, Москва, просп. Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

Аннотация. В интервью известного экономиста-аграрника Цви Лермана рассказывается о его семейных корнях и траекториях его биографического пути, связанного с Дальним и Ближним Востоком. Несмотря на то что ученый относительно поздно занялся собственно аграрными исследованиями, у него достаточно стремительно сформировался огромный опыт как эмпирических, так и теоретических сельских исследований, связанных с изучением опыта развития и трансформации производственных кооперативов, от израильских киббуцев до советских колхозов. С 1990-х годов Цви Лерман на несколько десятилетий оказался вовлеченным как эксперт-экономист в ряд международных проектов исследования постсоциалистических и постсоветских аграрных реформ. В его размышлениях анализируются особенности исследования и проведения аграрных реформ в большинстве постсоветских республик, от России, Украины и Молдовы до Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана, Киргизии и Казахстана, а также Азербайджана. Определенное внимание уделяется также рассмотрению особенностей аграрных реформ в таких странах Восточной Европы, как Венгрия, Словения и Албания.

Ученый полагает, что преобладающее мнение многих ученых и политиков об исключительной важности и прогрессивности крупных аграрных предприятий ведет к разбалансированности политики развития сельской сферы и наносит ущерб устойчивому сельскому развитию за счет недооценки потенциала малых сельских семейных форм. Вместе с тем в интервью отмечаются и парадоксы ограничений развития мелких семейных единиц.

Ключевые слова: Россия, Китай, Израиль, постсоциалистические страны, аграрные реформы, кооперативы, семейные домохозяйства, агрохолдинги

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-2-158-173

А. М. НИКУЛИН: Итак, давайте начнем нашу беседу с обсуждения Вашего жизненного пути в связи с сельским хозяйством.

Ц. ЛЕРМАН: Никто у меня в семье сельским хозяйством не занимался. Как же я попал туда? Моя докторская диссертация в бизнес-школе была посвящена финансам. И вот когда я закончил

докторскую, мне предложили перейти на сельскохозяйственный факультет в отдел «Аграрная экономика и менеджмент». У них там никого не было по менеджменту, и меня пригласили перейти туда. Я с удовольствием туда перешел, и начал там заниматься аграрными финансами. Кроме того, после войны 1973 года, когда все были в глубокой душевной травме, мы переехали на пару лет жить в кибуц, но и там я все-таки не работал в области сельского хозяйства, а занимался бухгалтерией.

А. М. НИКУЛИН: Но, по крайней мере, в кибуце вы находились среди тех, кто занимался сельским хозяйством.

Ц. ЛЕРМАН: Да, я жил в сельскохозяйственной общине. Всего пару лет. А потом мы вернулись в Иерусалим.

А. М. НИКУЛИН: Все же давайте начнем наш разговор с корней Ваших предков.

Ц. ЛЕРМАН: Хорошо, начнем с начала. Мои деды перекочевали из Одессы в китайский город Харбин в 1905 году. В те годы строились и открывался Транссиб. Они ехали до Владивостока, а потом оттуда в Харбин. Дед со стороны отца был комиссаром, и они ехали на восток искать счастья. А дед со стороны матери, очень интересно, был капельмейстером в Амурских воинских частях Его Императорского Величества Николая II.

А. М. НИКУЛИН: Значит, он участвовал в исполнении вальса «На сопках Манчжурии» и других таких же душещипательных произведений.

Ц. ЛЕРМАН: Да, да! Бабушка, его жена, поселилась сразу в Харбине, а он был на Амуре. В 1917 году он пропал без вести. А мой дед-коммерсант поселился в Харбине, обзавелся семьей. Нет, семья была еще до Харбина, мой отец родился в Одессе. Они из Одессы все приехали — и дед с отцовской стороны, и дед с материнской стороны. Дед скончался в Харбине в начале 1940-х годов. Он там и похоронен. Не знаю, что китайцы сделали с его могилой, но у меня есть фото его могильного памятника. Вот так мои предки прибыли в Китай, моя мама родилась уже в Харбине, а отец родом из Одессы. А я родился в Харбине в декабре 1941-го.

А. М. НИКУЛИН: Впечатляет! Такие значимые города в российской и во всемирной истории Вы упоминаете. Такой треугольник, в котором переплетаются судьбы Ваших предков — Владивосток, Одесса, Харбин... В то время там велась «Большая игра», причем не только на уровне политики, но и на уровне судеб отдельных людей.

Ц. ЛЕРМАН: Да, это был очень бурный период. Потом Манчжурия, это северо-восточный Китай, самая близкая к Владивостоку и Хабаровску провинция, была оккупирована японцами. А в 1945 году туда вошла Красная армия.

Это годы моего раннего детства, многого я уже не помню. Помню, например, только лоток китайца на углу нашей улицы, он продавал замечательные красные яблоки, блестящие. И как он на-

*Ц. Лерман,
А. М. Никулин*
«Главное, что меня удивляет, — убежденность большинства ученых и политиков в особой значимости крупных хозяйств»

водил на них блеск? Он брал рукой в ватной перчатке яблоко (руки были в перчатках из-за холода), плевал на него и потом натирал рукавом. У него была такая куртка на вате. Вот это мне запомнилось с детства.

Еще я помню, что ходил в маленькую лавочку-гастроном, где покупал масло из бочки. Там в бочках были такие большие блоки желтого масла. Еще кажется, но точно не помню, что из таких же бочек я покупал там красную икру. Это все я люблю по сей день — красная икра на черном хлебе или с маслом, или со сметаной.

Когда мне было 6 лет, я пошел учиться. В Харбине было две школы: еврейская и русская, которая в 1945 году стала советской школой. Меня родители послали в советскую школу, и первые четыре года я учился там. Это включало все, что советское образование содержало, и идеологию, конечно.

У нас в общем зале висел громадный портрет Сталина: в полный рост, в маршальском мундире с рукой за пазухой. Серый мундир. Вот не помню, Сталин был с трубкой или без трубки. А рука за пазухой. И было в этом зале общее собрание, и этот портрет сняли и поставили боком в коридоре. А мы выходили из зала, когда шли обратно в классы, проходили мимо этого портрета. Я рукой постукивал о портрет «великого вождя». У нас была учительница, грузинка или армянка, не помню, она увидела и отчитала меня: «Как ты смеешь это делать!» Вот такая была моя школа вплоть до окончания в ней 4-го класса.

В то время умер мой отец, а это был уже 1952 год. И моя мать решила забрать меня и брата, который старше меня на шесть лет, и эмигрировать из Китая. Ситуация тогда уже была довольно напряженная, в Харбине находилась не Красная армия, а китайские коммунисты. Между прочим, из-за того, что мы были в Китае в 1945 году, у нас у всех были советские паспорта. Мы были фактически советскими гражданами. А в то время ситуация в Китае была очень неопределенная. В этих условиях все «белые», все европейцы, начали из Китая уезжать. Некоторые репатриировались в Россию, часть из таких репатриантов там пропала без вести, но некоторые остались в живых, как, например, одна наша родственница. Но это меньшинство подалось в Россию, а большинство уезжали в Австралию, Японию, Южную Америку и в США. Конечно, многие евреи поехали в Израиль — после 1948 года их потянуло на родину. Все знакомые моей матери уже уехали в Израиль, они начали ей писать и звать туда. Так что мы собрались и пустились в дорогу.

Тут могу отметить, что все семейное имущество осталось в Китае: а это три доходных дома. Единственное, что мать могла взять с собой, — это наши шмотки, и были какие-то еще золотые монеты, червонцы в одном из сейфов отца и деда. Мать взяла эти червонцы, попросила мастера, который занимался нашей мебелью и разбираал стол, который мы увозили с собой, спрятать эти червонцы в одну из ножек стола. Это было нашим, так сказать, выезд-

ным имуществом. Конечно, этот мастер доложил об этом куда надо, и нас на выезде остановили, червонцы нашли, и мы выехали из Китая без червонцев. К счастью, мать все же не посадили в тюрьму, дали нам выехать. Совершенно без ничего, кроме мебели и одежды, мы отправились далее. Мы поехали из Харбина поездом в Тиензин, а потом пароходом в Гонконг. В Гонконге ждали авиарейс на Запад. Там я в первый раз увидел американские мультфильмы. Я до тех пор был знаком только с советскими мультиками, очень их любил. А в Гонконге увидел американские, совершенно не похожие на те, к которым я привык. Из Гонконга мы через несколько дней сели на скандинавский самолет, скандинавской компании, и полетели на Запад. Это был конец 1952 — начало 1953 года.

А. М. НИКУЛИН: Уже летали самолеты скандинавской компании с юго-востока Азии?

Ц. ЛЕРМАН: Да, да! А как этот самолет летел! Во-первых, у него был пропеллер, а не реактивный двигатель. Это был очень старый самолет. И он ночью не летал. Ночью все отдыхали. Так что из Гонконга мы летели первую часть пути, когда светло. Гонконг — Бангкок. В Бангкоке ночевали. Из Бангкока в Калькутту. Там тоже ночевали. Из Калькутты — в Иран, Абадан, там снова ночевали. Из Абадана — в Каир. Там не ночевали, пересели и полетели в Афины. Гонконг — Бангкок, Калькутта, Абадан, Каир, Афины, там сидели несколько дней и ждали рейса в Тель-Авив. В Абадане было приключение с моим братом. У него советский паспорт, помните? Он пошел гулять ночью по Абадану. Мне было 11 или 10, ему было около 18. Его остановили и обвинили в том, что он шпион. Потом его выпустили, и мы все утром вылетели в Каир. Но было очень неприятно, мама очень волновалась. Абадан — это нефтяной город, там очень чувствительные и подозрительные ко всем люди.

Наконец прилетели в Израиль 13 января 1953 года как новые иммигранты. Тогда сразу получали израильские документы. Мать спросили: «У вас советский паспорт, оставите ли вы его или хотите от него отказаться?» Она сказала, что хочет его сохранить. И я начал свою жизнь в Израиле, оставаясь гражданином СССР.

Нас ждали наши друзья из Харбина. В то время новых иммигрантов селили в так называемых «мааборот», такие транзитные лагеря, состоявшие из построек временного жилья. Это даже не были настоящие домики. Они были или из жести, или просто как палатки в виде домика, из брезента. Но мы не поехали в эти транзитные лагеря. Наши друзья забронировали номер в гостинице Тель-Авива, прямо на набережной, на берегу моря. Я помню, что отель назывался «Метрополь», он по сей день там стоит. Когда едем по набережной, я всегда показываю, что мы тут жили в 1953 году. Несколько недель мы там жили, пока получали документы. Брат как раз пошел в армию, ему было 18 лет. Он служил танкистом. А я с матерью остался в Тель-Авиве, мы переехали в арендованную комнату в пригороде в Рамат-Гане. Жили до того времени,

*Ц. Лерман,
А. М. Никулин*
«Главное, что меня удивляет, — убежденность большинства ученых и политиков в особой значимости крупных хозяйств»

как нам удалось приобрести квартиру в Тель-Авиве. Про квартиру тоже интересно. Квартиры в Израиле и тогда, и сегодня — очень дорогие. Купить квартиру у нас не было никакой возможности, мы думали взять квартиру на «ключевые деньги» — это когда хозяин квартиры получает от вас определенную сумму, существенно меньше, чем стоимость квартиры, но когда вы выезжаете, эти деньги остаются у него. Вы не имеете права продать эту квартиру, она остается имуществом хозяина. Вы платите ему фактически за право пользования квартирой.

А. М. НИКУЛИН: Это как залог?

Ц. ЛЕРМАН: Нечто в этом роде. Это такой общепринятый механизм на Западе, когда нет возможности приобрести квартиру, идут на такое. Это гораздо дешевле покупки, но ты теряешь эти деньги. Мы нашли приличную квартиру в северной части Тель-Авива, переехали туда. Но все червонцы остались же в Китае. Тогда в Израиле были очень высокие налоги на все потребительские товары, и из-за этого холодильники стоили очень дорого. Но новые иммигранты были освобождены от таможенных налогов на импорт, и наши родственники в США, брат моего отца, сестра моей бабушки, которая тоже приехала в Израиль, выслали нам два американских холодильника. И мы их получили как новые иммигранты, без таможенных налогов. Мы их продали по рыночной цене, и деньгами, вырученными от этих двух холодильников, оплатили квартиру в северной части Тель-Авива. Вот такая история с квартирой в Тель-Авиве. А та комната, в которой мы жили в Рамат-Гане, дом на улице Бялик, 38, еще существует по сей день. И моя старшая внучка, которая живет недалеко от Рамат-Гана, сфотографировала этот дом и прислала мне фотографию. Все выглядит совсем по-другому, деревья разрослись, дома почти не видно, но это тот самый адрес.

Вот, приехали мы в Тель-Авив. Я не сразу пошел в среднюю школу, сперва в начальную, потому что когда мы приехали в Рамат-Ган, я пошел в 5-й класс. У нас 8 классов, а потом средняя школа, еще четыре. В Тель-Авиве я посещал еще два класса начальной, «элементарной» школы. У меня есть фото последнего года в советской школе, там я стою между всеми где-то в третьем ряду, полностью бритый, как полагалось. Совершенно нормального роста. А через два года в школе Рамат-Гана я стою на фото в последнем ряду, и я на полторы головы выше всех, как будто я стою на скамейке какой-то. Так я вырос за два года — с нормального роста до какого-то гиганта. Сейчас я никакой не гигант, но тогда я был на полторы головы выше всех. Жили мы в Рамат-Гане, потом переехали в Тель-Авив, где я пошел в очень хорошую «элементарную» школу, недалеко от дома, и потом — в среднюю школу, в одну из лучших средних школ Тель-Авива, учился там четыре года. Мама умерла в 1954 году, через год после нашего приезда в Израиль. Я остался с бабушкой. Она уже была с нами, приехала к нам перед смертью матери в конце 1953 — начале 1954 года.

Мой брат в 1953–1954 годах был в армии, а потом поступил в университет на геологический факультет. Я окончил среднюю школу, меня призвали в армию, как полагается после средней школы в 18 лет. Но мне дали отсрочку на учебу в университете. Так что я после средней школы и всяких подготовительных военных курсов поступил в Иерусалимский университет. Там я отучился на первом курсе физико-математического факультета и уже потом отправился служить в армию в начале 1960-х.

Университет, армия, и тогда я женился на моей Эдне. Мы бедедуем сейчас по зуму, а она вон там сидит, за столом. Мы поженились в 1962 году. Я был еще в армии, и наша первая дочь родилась, когда я был в армии. У нас семья, ребенок, жизнь вокруг была не дешевая, надо было зарабатывать, и я работал в государственной программе, которая занималась переводами научной литературы с русского на английский. Программа называлась «Israeli Program for scientific translations», принадлежала ведомству премьер-министра, я там работал, и моя жена тоже там работала. Но она не переводила, а редактировала переводы.

А. М. НИКУЛИН: А почему с русского на английский, а как же иврит?

Ц. ЛЕРМАН: Это же эпоха спутников! Американцы хотели догнать русских, так что они всю научную литературу переводили с русского на английский.

А. М. НИКУЛИН: Это получается международная программа, даже американская, которая в Израиле осуществлялась?

Ц. ЛЕРМАН: Да, программа финансировалась на американские деньги. Я работал с переводами, заканчивал учебу. Окончил университет, получил первую степень.

Мы остались жить в Иерусалиме, дети рождались и росли в Иерусалиме — первая дочь, вторая дочь, первый сын, второй сын. Четверо детей! Мы в Иерусалиме переезжали из одной квартиры в другую, поднимались по житейским ступенькам. Я продолжал работать в этой переводческой организации, которая со временем из программы переводов трансформировалась в издательство. Там я стал главным редактором по научной части.

А. М. НИКУЛИН: Получается, в этом издательстве был целый спектр наук? Не только физика и математика?

Ц. ЛЕРМАН: Химия, биология. Но только естественные науки. Гуманитарных и социальных наук не было. Только естественные. И в 1973 году — война, с душевными травмами. В 1974-м, чтобы излечиться душевно, мы решили оставить город и переехать в кибуц.

А. М. НИКУЛИН: «Душевные травмы» — это что такое? Что вы даже решили переехать?

Ц. ЛЕРМАН: Это была ужасная война! Неожиданное нападение арабов... Мы чувствовали себя травмированными войной, несмотря на то что у нас никто не был убит. Но война произвела на нас глубокое впечатление, так что мы посчитали нужным поменять жизнь.

А лучше всего можно излечить себя в кибуце. Вроде дома отдыха. Мы так к этому отнеслись и в 1974 году переехали в кибуц Бейт-Альфа, это в средней северной части Израиля. Не на самом севере. Моя жена там преподавала иврит новым иммигрантам, и английский в старшей школе. А я стал работать на предприятии, которое занималось стройкой. Там строили тележки, которые тянутся за грузовиками.

А. М. НИКУЛИН: Прицепы?

Ц. ЛЕРМАН: Прицепы, точно! Это был очень удачный бизнес, но не было ни одного профессионала по бухгалтерским вопросам, и я начал там работать, работал два года, пока мы были в этом кибуце. Дети были там в школе, детских садах, жена преподавала, я работал. И мы прекрасно провели там два года. Но на жестокой жаре. Кибуц был расположен в низине, это вообще был жаркий регион. Мы знали, что мы в кибуц переезжаем только временно, думали остаться на год, потом решили продлить наше проживание еще на год. Я начал искать работу в Иерусалиме, чтобы вернуться.

За период жизни в кибуце я продолжал работать над своей докторской диссертацией в университете. Раз в неделю уезжал из кибуца в университет, где официально был зачислен докторантом. Когда мы решили вернуться в Иерусалим, я начал искать работу. Не хотелось возвращаться к переводам. Жена была недовольна тем, что я трачу свое время на переводы вместо того, чтобы заниматься наукой. И я начал искать действительно научную работу. Я подал несколько заявлений, одно в Центральный банк Израиля на должность главы исследовательского отдела в банковском секторе. Был инспекторат банков, я подал туда заявление на должность главы исследовательского отдела. Мне ответили, что я принят на эту позицию. Я был уже уверен, что пойду туда, и когда уже был в Иерусалиме, позвонил в банк, чтобы уточнить, как идут мои дела, а мне ответили, что кто-то другой получил эту должность. Я знал, кто был этот «другой». Это был один из очень неприятных руководителей, с которыми я работал в издательстве, до кибуца. Он обошел меня, потому что я был только докторант, а у него уже была докторская степень. Обидно было, что мне обещали, а в последний момент сказали «нет».

Я пошел в университет искать себе всякой академической работы. Зарплата на академической должности была небольшая, как и у вас в России, так что у меня было два места работы. Я продолжал переводить, но не в той организации, которую уже тогда ликвидировали. А я начал переводить напрямую для американских издательств, которые занимались изданием в очень больших масштабах переводов русских журналов и книг. Я довольно регулярно получал от них немалые деньги, и это вместе с моей зарплатой на академических должностях давало нам определенный достаток. Но кроме работы над переводами и в академии, я продолжал продвигать свой докторат. И через шесть лет я его закончил.

Это 1984 год. Получил стажировку, повышение квалификации в Торонто. Это все еще бизнес-школа, потому что мой докторат был по финансам. И мы семьей поехали в Канаду, там меня приняли на постдокторскую позицию в School of management в Торонто. Очень престижное место. Там мы провели два года. Дети там ходили в школу, с нами были мальчики. Старшая девочка осталась в Израиле, потому что она была в армии, а вторая девочка вообще сбежала, некоторое время была без нас, беспризорная. Продавала косметику на рынке в Иерусалиме. О ней даже писали в местной газете, что вот, «дочь преподавателя в университете продает косметику на рынке!».

Закончилась стажировка в Торонто, и мы вернулись не в Иерусалим, а на аграрный факультет, который находится в Реховоте. Это юго-восток. Там фактически сердце сельского хозяйства Израиля. Иерусалим — это чистая наука, а Реховот — это сельское хозяйство. И с тех пор я работал там. До пенсии. В отделе аграрной экономики. Мои первые работы по аграрной экономике были в области кооперативов.

А. М. НИКУЛИН: Израильских кооперативов или вообще по теории кооперации?

Ц. ЛЕРМАН: Израильские кооперативы.

А. М. НИКУЛИН: А что из себя представляет кибуц, он ведь тоже считается одной из форм кооперации? Тем более что Вы, что называется, методами включенного наблюдения полевого исследования провели там два года. Ваше отношение к кооперации вообще и к кибуцу как одной из форм общины и кооперации в сельском хозяйстве?

Ц. ЛЕРМАН: Ну... Кибуц — это форма кооператива. Но одна определенная форма, которую мы называем производственным кооперативом. У нас еще есть другая форма кооперативов, которую мы называем «обслуживающим кооперативом». Но кибуц — это производственные кооперативы. И то, что вело к созданию кибуцев еще в 1920-х годах и даже раньше и что дало им силу и возможность существовать в течение десятков лет, это идеологическое убеждение и преданность делу членов кибуца. Люди считали, что они хотят быть в кибуце. Они хотят жить общественно. И это самое главное. Некоторое время денежные вопросы тоже помогали. Но самое главное — это не деньги, не доходы, а убежденность, уверенность, идеология.

А. М. НИКУЛИН: Солидарность и вера?

Ц. ЛЕРМАН: Да. Вера в это направление, вера в то, что люди делают. Без этого никакие кибуцы не получились бы. И когда мы были в кибуце в 1970-е годы, это было еще очень сильно. Сильная вера в свое направление. Но кибуцы «напоролись» на мель: это было уже в 1980-е, были у них серьезные денежные затруднения из-за того, что кибуцы как кооперативы вели себя не очень ответственно по финансовым отчетам. В результате был крах коопера-

*Ц. Лерман,
А. М. Никулин*
«Главное, что меня удивляет, — убежденность большинства ученых и политиков в особой значимости крупных хозяйств»

тивного сельского хозяйства в конце 1980-х. Мы это изучали, Всемирный банк был заинтересован в этом, он финансировал наши исследования, у нас было несколько важных публикаций по этой теме. Мы исследовали крах и затем в некотором смысле возрождение кооперативного сельского хозяйства в Израиле. Но мои исследования по кооперативам начались еще до краха. Я начал изучать кооперативы в сотрудничестве с американскими учеными из Миннеаполиса в штате Миннесота. Мы начали сравнивать функционирование киббуцев, результаты киббуцев с оперативными результатами некооперативных фирм. Фирм, которые работают на прибыль. И это тоже было большое исследование, финансируемое внешними организациями, и тоже дало в результате несколько интересных публикаций, которые и по сей день цитируются. Эта работа с учеными Миннесоты привела к изучению кооперативного краха в Израиле, потому что эти первые публикации дошли до Всемирного банка, который был заинтересован исследовать вопросы о финансовом крахе кооперативного сельского хозяйства в Израиле, и они к нам и обратились. Это второй этап кооперативных исследований. Первый — это сравнение кооперативов с некооперативными корпорациями, второй — исследование финансового краха сельскохозяйственных кооперативов в Израиле, и затем настал третий этап.

Во Всемирном банке узнали о моей работе по кооперативам и решили пригласить меня участвовать в Первой миссии Мирового банка, которая ехала в СССР, по приглашению Горбачева, чтобы советовать, как быть с коммунистическим сельским хозяйством. Это был конец 1991 года. А так как думали, что колхозы — это кооперативы, а Лерман занимается кооперативами, пригласили меня в миссию. Я с удовольствием поехал.

А. М. НИКУЛИН: Это Вы в первый раз в СССР побывали?

Ц. ЛЕРМАН: Да. По приглашению Мирового банка. Это все получилось так неожиданно, так смешно, без какого-то плана. Я был в университете под конец рабочего дня, обычно мы уже в это время разъезжались по домам. И вдруг звонок из Вашингтона. Человек, с которым я был знаком, венгр, звонит мне и делает это предложение: поехать изучать кооперативы в сельском хозяйстве в СССР. Я сразу же ответил, что да, с большим удовольствием. У меня есть фото, когда над Кремлем два флага — флаг СССР и триколор России. Это были последние недели Союза. Я провел тогда в России время до середины января, но эта миссия работала по всему СССР. Мы ездили на Украину, в Одессу, в Молдавию. И начали писать обширный доклад. Пока его утвердили, прочитали, отредактировали, опубликовали — настал 1993 год. СССР уже развалился. Наш доклад ушел в ящик, пользоваться им было уже невозможно. Хотя в докладе было много интересных идей, актуальных до сих пор, некоторые из них использованы другими кооперативными организациями.

А. М. НИКУЛИН: То есть доклад фактически зафиксировал положение вещей на момент распада СССР и предлагал какие-то альтернативы возможного развития?

Ц. ЛЕРМАН: Да, куда двигаться дальше. Во всяком случае, после этой поездки в СССР я уже не мог оторваться от этой постсоветской аграрной тематики. Я был так глубоко втянут в тематику переходного сельского хозяйства, и все, что я продолжал изучать и писать, было на эту тему. Так как я работал с Мировым банком, мои интересы уже распространялись не только на все бывшие республики СССР, но и на постсоциалистические страны Восточной Европы.

А. М. НИКУЛИН: Это знаменитая стратегическая тема: трансформация, переходный период сельского хозяйства бывших социалистических стран вообще и в особенности — постсоветского пространства!

Ц. ЛЕРМАН: Это именно моя тема. И все мои исследования были на эту тему. Но, к сожалению, эта тема уже не всех интересует, или интересуется малое число ученых, она отошла на задний план, хотя на протяжении 30 лет была одной из главных. Я занимаюсь ею с 1991 года по настоящее время. Это моя научная карьера.

А. М. НИКУЛИН: Здесь вы сделали себе академическое имя, стали крупнейшим экспертом, специалистом. Вы стали в этой сфере автором известных публикаций и ключевым участником ряда проектов.

Ц. ЛЕРМАН: Да. Но самое главное, что во всех этих проектах всегда извлекалось («сырье») для моих научных исследований. Это было самое главное, то, что меня так интересовало. Были опросы, были поездки, были встречи с людьми. И это все давало мне материал для научной работы. Все мои публикации, их было... в резюме имеется 30 страниц моих публикаций на основе этих проектов и исследований. Так что я благодарен Всемирному банку и моим коллегам из Всемирного банка, которые дали мне возможность осуществить эти исследования.

А. М. НИКУЛИН: А можно было бы подробнее охарактеризовать какие-то этапы, интересные проекты, идеи Ваших постсоциалистических исследований?

Ц. ЛЕРМАН: Первый этап — это исследования кооперации, которые привели к исследованию переходных экономик. И в последние годы я вновь вернулся к вопросу кооперативов. Мы с Ренатой Янбых совсем недавно опубликовали статью по кооперативам, так что этот вопрос продолжает меня интересовать. Кроме того, я был редактором израильского журнала на английском языке, который занимается вопросами сельского развития и кооперативами.

Итак, первый блок — это кооперативы. Потом дальше — Россия или СССР, первая миссия Всемирного банка — куда идти, что будет с советским наследием. После этого сразу состоялся знаме-

*Ц. Лерман,
А. М. Никулин*
«Главное, что меня удивляет, — убежденность большинства ученых и политиков в особой значимости крупных хозяйств»

нитый Нижегородский проект, его опыт использовался в других регионах России, а также на Украине и в Молдавии.

А. М. НИКУЛИН: Вы в нем работали вместе с Натальей Ивановной Шагайдой и Василием Якимовичем Узуном, или это были Ваши отдельные исследования?

Ц. ЛЕРМАН: Конечно, вместе! Мы сидели в одном кабинете в Нижегородском кремле. Они занимались этим проектом дольше и больше меня, но мы там были и работали вместе. Нижегородский проект проводила Международная финансовая корпорация — IFC, знаете? У нее, между прочим, был параллельный проект и на Украине, хотя несколько позже. И они меня пригласили там работать. На Украине мы ездили из Киева в Черновцы, фактически на границу с Румынией. Хотя во Львове и Ивано-Франковске я не был.

Еще большой проект был в Узбекистане. Хлопок — как быть с ним, как быть с землей? Это был большой проект, он разными этапами продолжался много лет и тоже привел к очень интересным исследованиям и публикациям. Так что я являюсь и экспертом по земельным вопросам Узбекистана.

Кроме Узбекистана были уникальные работы по Туркменистану. Туркменистан был и остается по сей день закрытой страной. А у меня был коллега, работал со мной в Туркменистане, у него был доступ к информации, он работал в статистических органах. А потом он уехал в Россию, но продолжал поддерживать контакты в Туркменистане и доставать информацию оттуда. И меня всегда спрашивали: «Откуда вы достали такие данные по Туркменистану?»

Сейчас есть другие организации, которые имеют доступ к всевозможным туркменским данным, но в свое время я был единственным источником, единственным исследователем по статистике Туркменистана. Кроме Туркменистана я много делал по Таджикистану. Туда доступ был гораздо легче. Также есть несколько интересных работ. Таким образом, я поработал в Узбекистане, Туркменистане, Таджикистане.

А. М. НИКУЛИН: Так Вы стали специалистом по Средней Азии!

Ц. ЛЕРМАН: Да, потому что после этих трех стран был еще опрос в Кыргызстане, цель опроса была в исследовании кооперации и земельных отношений. И уже в самые последние годы я поработал в Казахстане. Так что я имею исследовательские материалы из всех пяти стран бывшей советской Средней Азии. Я даже задумал книгу о трансформации сельского хозяйства в Средней Азии, но не завершил ее. Может быть, как-нибудь доберусь и закончу эту работу.

Кроме Средней Азии я много работал на Кавказе. Начал с Армении и Грузии, там были опросы, которые привели меня к небольшим публикациям, и была основательная работа по Азербайджану,

которая привела к монографии по переходному сельскому хозяйству Азербайджана — «Azerbaijan agriculture in transition».

Был еще проект обо всех странах Восточной Европы, тоже опросы, которые отражены во внутренней публикации Всемирного банка. С институтом IAMO в Галле мы долго сотрудничали, с некоторыми коллегами оттуда у меня дружеские отношения. А потом я участвовал в паре форумов IAMO. Там есть ученый Нодир Джанибеков, он занимается Средней Азией, мы с ним переписываемся и находимся в дружеских отношениях.

А. М. НИКУЛИН: Такой колоссальный опыт, три десятилетия интереснейших и мощнейших проектов в разных странах постсоветского пространства — какие у вас здесь случились открытия, находки, парадоксы, личные странные случаи, какие-то закономерности удалось установить? Можно ли как-то обобщить весь этот комплекс проектов и исследований?

Ц. ЛЕРМАН: Самое главное, что меня удивляет, — убежденность большинства ученых и политиков в особой значимости крупных хозяйств.

А. М. НИКУЛИН: Это Вы имеете в виду весь бывший СССР?

Ц. ЛЕРМАН: Политики во всех этих странах убеждены, что «bigger is better». Конечно, это противоречит мировому опыту. Это меня всегда смущало и продолжает смущать.

А. М. НИКУЛИН: Я бы сказал, «политики и элиты», часто научные элиты в значительной степени поддерживают эти идеи...

Ц. ЛЕРМАН: И общественные.

А. М. НИКУЛИН: Да, да.

Ц. ЛЕРМАН: Такое частое восклицание: «Как мелкие хозяйства могут существовать, они же не рентабельны!» — это меня всегда удивляет, потому что это противоречит мировому опыту. Я всегда старался доказывать, что мелкие хозяйства более эффективны или хотя бы не менее эффективны, чем крупные. И они дают людям гораздо больше возможностей на личном уровне.

Второе, что меня удивляло: я ожидал, что ЛПХ будут развиваться, укрупняться. Этого не произошло. Они преобразуются в другие формы, но рост крестьянского фермерского сектора не идет за счет укрупнения ЛПХ. И меня так же удивляет — почему укрупнение ЛПХ не только не привело к новым фермерским хозяйствам, но и почему оно не привело к повышению товарности ЛПХ?

Я всегда был и остаюсь убежден, что когда мелкое хозяйство укрупняется, оно должно становиться более товарным. А этого в ЛПХ не произошло почему-то. Их уровень товарности, насколько я вижу по статистике, не увеличился, а даже уменьшился. Все эти три момента меня всегда удивляли и продолжают удивлять.

А. М. НИКУЛИН: Но может быть, попытки и опыты становления и развития мелкотоварного аграрного хозяйства в целом оказались неудачными? Для развития товарности ЛПХ было необходимо создание специальной рыночной инфраструктуры кооперативных

*Ц. Лерман,
А. М. Никулин*
«Главное, что меня удивляет, — убежденность большинства ученых и политиков в особой значимости крупных хозяйств»

организаций, определенная дружественная социальная среда местного самоуправления. А все эти проекты проваливались и не давали эффекта из-за этого?

Ц. ЛЕРМАН: Да, конечно, обо всем этом мы писали, объясняли, что для развития индивидуального сельского хозяйства нужна подходящая инфраструктура. Нужно изменить экономическую парадигму. А этого не произошло. И это очень обидно.

А. М. НИКУЛИН: Тогда следующий вопрос: что-то есть общее в духе, в идеологии этих реформ, особенно акцент на крупном производстве? Как бы Вы могли охарактеризовать отдельно по странам успехи этих реформ: где лучше, где хуже, где, в конце концов, более устойчивое сельское хозяйство, где менее устойчивое? Удалось ли Узбекистану «слезть с иглы» монокультуры — хлопка? Как охарактеризовать региональные и отраслевые акценты аграрной трансформации на этом постсоветском пространстве?

Ц. ЛЕРМАН: Мне кажется, что главный момент, который надо учесть, — несмотря на все достижения или провалы, сельское хозяйство не только России, а сельское хозяйство всех бывших стран СССР, растет. Есть рост! В некоторых странах оно растет быстрее — в Узбекистане, Туркменистане, Таджикистане, можно считать, что иногда здесь «фейковая статистика», но все же во всех постсоветских странах сельское хозяйство растет. Может быть, и с реформами, и без реформ, но дела идут к лучшему. Если мы смотрим отдельно на страны: я определенное время считал Молдавию образцом реформ. Крупные хозяйства здесь оказались раздроблены, мелкие хозяйства создаются, власти стараются адаптировать политику под мелкие хозяйства. Но с результатами не получалось. Сельское хозяйство не достигло замечательных результатов в Молдавии. Так что мне здесь пришлось скорректировать свою позицию. В Молдавии есть свои достижения на уровне реформы, но политическая ситуация совершенно не подходит. Вторая страна, которая меня интересует, не в бывшем СССР, а в Восточной Европе, на Балканах — Албания. Очень интересный образец. Здесь мелкие хозяйства, нет крупных. Все возможности для аграрных реформ правительство старается предоставить, и как-то удается. Албания развивается.

А. М. НИКУЛИН: То есть Албания — это наиболее позитивный пример роста экономики с учетом именно сектора семейных хозяйств?

Ц. ЛЕРМАН: Да. Молдавия — тоже семейные хозяйства, но там нет такой результативности, а в Албании неплохие результаты, и впечатляющий рост экономики семейных хозяйств.

А. М. НИКУЛИН: А в «социалистический период» там тоже были свои албанские колхозы?

Ц. ЛЕРМАН: Да, была полнейшая коллективизация. Не было частной собственности на землю, все было коллективизировано. Следующий момент — но он выходит за рамки транзитной переход-

ной экономики — Словения. Это уже Европейский союз. Словения тоже всегда была мелкоасштабной по формам сельского хозяйства, еще в социалистически времена, и так продолжается по сей день. Но я Словению специально никогда не изучал. Кроме того, она уже не включается в статистику переходных стран.

А. М. НИКУЛИН: Считается, что с точки зрения социалистического эксперимента во времена существования Варшавского блока и СССР наиболее успешным было сельское хозяйство Венгрии. Говорили об «уникальном венгерском опыте кооперативного развития сельского хозяйства». В 1990-е годы все это разрушилось, как я понимаю. Что Вы думаете о венгерском пути социалистического и постсоциалистического развития сельского хозяйства?

Ц. ЛЕРМАН: Понимаете... Социалистический путь был очень интересным экспериментом. Но это был эксперимент. Я имею в виду Венгрию. После 1990-х там все как-то смешалось, перепуталось. Там не было четкой стратегической линии, по-моему. Они пошли новым путем, и этот путь — не продолжение социалистических реформ. Они пошли по пути Евросоюза. Начали подготавливать новые законы, проводить реформы по образцам Евросоюза. У них получилось все, в конце концов, удачно, но, возможно, это именно социалистические реформы подготовили основу для постсоциалистических трансформаций, ведь они не начали с нуля, они начали свои реформы с более высокого этапа развития. Но я не вижу прямого продолжения между социалистическим и постсоциалистическим аграрным развитием в Венгрии. Вообще там надо проверить последние данные об отношениях сельского хозяйства и промышленности. Я не знаю, насколько сельское хозяйство продолжает играть ведущую роль в Венгрии. Во всех бывших странах СССР, кроме России и Казахстана, сельское хозяйство — ведущий сектор. В России и Казахстане это не так. А про Венгрию не знаю, может, они как кибуцы в Израиле — перешли с сельского хозяйства на промышленность. Возможно, сельское хозяйство у них уже играет незначительную роль.

А. М. НИКУЛИН: Еще вопрос. Вы подчеркиваете парадоксальность: с одной стороны, важность мелких семейных хозяйств, с другой стороны, их недоразвитость и трудности в их трансформации устойчивого развития. А что Вы можете сказать о пути крупного аграрного производства, об экспансии агрохолдингов на Украине, Казахстане, в России? Этот путь как можно охарактеризовать?

Ц. ЛЕРМАН: Это очень модная тема в России, Украине и Казахстане — агрохолдинги. И Узун, и я, и Шагайда считаем, что агрохолдинги — это вредно для сельского населения, для его благосостояния. Несмотря на то что говорят: «Ну, агрохолдинги же дают рабочие места для сельских жителей!» Но, по-моему, они просто убивают всю частную инициативу. Меня всегда смущает вопрос быстрого, можно сказать, безмерного роста. Были же в истории случаи, когда какой-то сектор вдруг быстро-быстро рос, а потом

*Ц. Лерман,
А. М. Никулин*
«Главное, что меня удивляет, — убежденность большинства ученых и политиков в особой значимости крупных хозяйств»

лопался? Меня всегда смущает такой вопрос по отношению к агрохолдингам: насколько они стабильны, насколько они могут существовать и развиваться в дальнейшем? Вы же знаете, что и темпы банкротств среди агрохолдингов очень высокие.

А. М. НИКУЛИН: Да. У нас за 20 лет их экспансии оказалось много обанкротившихся агрохолдингов. Но об этом не любят упоминать. Об их росте все пишут, а о том, что многие из них со скандалами банкротятся, как правило, стараются умалчивать.

Ц. ЛЕРМАН: Я уверен, что на Украине то же самое. И самое главное — если имеется крупный агрохолдинг, от которого зависит судьба сельского населения в целой области, то что будет с местным населением, когда этот агрохолдинг обанкротится? Об этом надо думать. Ведь это достаточно часто происходит, в конце концов, сельское население остается у разбитого корыта.

А. М. НИКУЛИН: И агрохолдинги очень прожорливы. Они получают существенную финансовую помощь от государства.

Ц. ЛЕРМАН: Да. Узун все это исследовал. Он показал, что в некоторых областях они получают львиную долю госсубсидий.

А. М. НИКУЛИН: А что удалось или не удалось реализовать из проектов, в которых Вы участвовали? Что бы еще хотелось изучить, понять?

Ц. ЛЕРМАН: Мне бы хотелось провести хорошее полевое исследование, опрос, в Таджикистане. Мы проводили там опрос, но он провалился по вине местных сотрудников. Это был ужас. Похожая ситуация была с киргизскими кооперативами. Был опрос, были подготовлены анкеты, опрос был проведен, но данные были негодные. Это два провала, которые я помню.

А. М. НИКУЛИН: Получается, что опрос фальсифицировался исполнителями на местах?

Ц. ЛЕРМАН: Да. Исполнители его провалили. А там есть что исследовать. В России таких провалов никогда не случалось, все опросы проводились достаточно успешно. Мы разрабатывали анкеты совместно с Аграрным институтом, институт проводил полевые исследования, на основе которых мы получали прекрасные данные. Там и там происходили ошибки, были глупости, но со всем этим можно было жить и работать. А в Таджикистане и Кыргызстане полнейшие провалы, в то время как в Узбекистане были прекрасные работы.

А. М. НИКУЛИН: Здесь как положительный пример можно еще упомянуть Азербайджан?

Ц. ЛЕРМАН: Да! Безусловно. Но Азербайджан на данный момент — это прежде всего нефть, нефть, нефть. Но я с вами согласен. Посмотрите мою книгу об Азербайджане.

Так что неправильно утверждать, что в постсоветских странах аграрные реформы толком не работают. Это не так. Многие из этих стран показали впечатляющие результаты в области сельского хозяйства.

“What surprises me the most is the conviction of so many scientists and politicians in the special importance of large farms”

Zvi Lerman, DSc (Economics), Professor Emeretus, Hebrew University of Jerusalem. 76100, Israel, Rehovot, 12. E-mail: zvi.lerman@mail.huji.ac.il

Alexander M. Nikulin, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Head of the Chayanov Research Center, Moscow School of Social and Economic Sciences. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 82. E-mail: harmina@yandex.ru

Abstract. In the interview, the famous agricultural economist Zvi Lerman tells about his family roots and trajectories of his biographical path connected with the Far and Middle East. Despite the relatively late start of agrarian research, Zvi Lerman quickly conducted a great number of both empirical and theoretical rural studies of the development and transformation of production cooperatives — from Israeli kibbutzim to Soviet collective farms. For several decades since the 1990s, Zvi Lerman has participated as an expert-economist in the international research projects on post-socialist and post-Soviet agrarian reforms. He considered the features of the study and implementation of agrarian reforms in most post-Soviet republics — Russia, Ukraine and Moldova, Uzbekistan, Turkmenistan, Tajikistan, Kyrgyzstan and Kazakhstan, Azerbaijan. Zvi Lerman also considered the peculiarities of agrarian reforms in such countries of Eastern Europe as Hungary, Slovenia and Albania. He believes that the conviction of many scientists and politicians in the exceptional importance and progressiveness of large agricultural enterprises leads to an imbalance in the rural development policy and damages the sustainable rural development by underestimating the potential of small family farms. Zvi Lerman also mentions the paradoxes of limitations in the development of small family units.

Key words: Russia, China, Israel, post-socialist countries, agrarian reforms, cooperatives, family households, agrohholdings

*Ц. Лерман,
А. М. Никулин*
«Главное, что меня удивляет, — убежденность большинства ученых и политиков в особой значимости крупных хозяйств»

Постепенно: «steppe by steppe...»

Рецензия на книгу: Moon D. The American Steppes: The Unexpected Russian Roots of Great Plains Agriculture, 1870s — 1930s. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. XL+431 p.

В. В. Бабашкин

Владимир Валентинович Бабашкин, доктор исторических наук, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571 Москва, просп. Вернадского, 82. E-mail: vbabashkin@ranepa.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-2-174-184

Профессор истории Йоркского университета (Великобритания), приглашенный профессор Университета им. Назарбаева (Казахстан) Дэвид Мун опубликовал замечательную книгу про «русский след» в истории сельскохозяйственного освоения американских прерий. Тема настолько сложная и деликатная, что поднять ее под силу лишь специалисту, который был бы глубоко погружен в соответствующую проблематику, анализируя детали буквально на уровне словоупотребления. Именно таким человеком предстает перед читателем автор «Американских степей», увлеченно повествуя о вещах действительно неожиданных и невероятных для обладателя «стереотипного» исторического мышления. Уже в название своей монографии помимо слова «неожиданные» он выносит провокационное словосочетание: известно же, что «степь» — это в России, а в Америке — Великие равнины, прерии. Пусть даже существует между ними некое подобие с экологической точки зрения, но разве мог исторический опыт степного сельского хозяйства «отсталой» России иметь какое-то значение при освоении Дикого Запада «продвинутой» американской цивилизацией?

Вот против какого идеологического стереотипа Мун ведет решительную борьбу начиная прямо с названия книги. Я просто не мог пройти мимо изящного двуязычного каламбура, которым он озаглавил одну из своих более ранних публикаций по теме, чтобы подчеркнуть закономерность и постепенность того процесса, сутью которого было естественное стремление американцев опереться на исторические достижения русских в аграрном освоении

своих степей¹, и вынес его в заголовок этой рецензии, добавив от себя созвучное, но не однокоренное со степью: «постепенно». Достижения эти ученый также исследовал на монографическом уровне, тем самым давая понять представителям профессионального сообщества, насколько нелепым было бы со стороны американцев игнорирование опыта нашей страны². А вот о том, как и в каких формах в реальной истории США был воспринят этот опыт, собственно, и повествуют «Американские степи».

Автор подчеркивает, что в результате его усилий по написанию «транснациональной истории освоения Великих равнин и степей на основе современных источников, путевых заметок американцев и россиян, посетивших степные просторы другого континента, обнаруживаются не столько контрасты между двумя странами, сколько черты сходства. Многие исследователи таких российско-американских записок о путешествиях сходятся во мнении, что их лейтмотивом является сознательный поиск «различий» и «контрастов»³. Далее обычно утверждается, что для общего восприятия русскими Америки и американцами России — как до, так и после 1917 года — были характерны метания между отношением весьма позитивным и резко негативным. По словам Маргариты Мариновой, эти страны рассматривались как «альтернативные утопические и антиутопические миры», которым «готовы были с энтузиазмом подражать или же, напротив, с не меньшей страстью возражать»⁴. Однако содержание этой книги скорее соответствует появляющимся в последнее время призывам к тому, чтобы бинарная дихотомия «Россия–Запад» была как таковая демонтирована (р. 31–32). Нельзя не отметить, насколько своевременно опубликованы «Американские степи». Ведь если допустить, что демонтаж означенной дихотомии — не полная утопия, то трудно переоценить ту роль, которую может сыграть в этом данное исследование и подобные ему работы историков.

Но вернемся к постепенности. Эта история начинается, по мнению автора, еще до того, как США обретают статус независимого государства, когда российская императрица отчасти из культуртрегерских соображений начинает всячески поощрять появление немцев и других европейских колонистов на степных просторах нашей необъятной страны. Пахотное освоение целины надлежит, мол, осуществлять методично

1. Moon D. (2016). Steppe by Steppe: Exploring Environmental Change in Southern Ukraine // GE. № 9. P. 414–439.
2. Moon D. (2013). The Plough that Broke the Steppes: Agriculture and Environment on Russia's Grasslands, 1700–1913. Oxford: Oxford University Press.
3. См.: Эткунд А. М. (2001). Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М.
4. Marinova M. (2011). Transnational Russian-American Travel Writing. Abingdon (UK): Routledge. P. 152.

и культурно, по-немецки. Особенно важно здесь то историческое обстоятельство, что указом Екатерины от сентября 1787 года заинтересовались общины меннонитов, чьи пацифистские убеждения не позволяли нести боевую армейскую службу, а тут наряду с прочими льготами поселенцам даровалось и такое право. Эти люди стали активно прибывать к местам нового обитания. В результате к тому моменту, когда царское правительство в 1874 году декретировало-таки для них обязательность воинской службы, побудив тем самым к массовому переселению в американские прерии, опыт степной жизни у меннонитов насчитывал несколько поколений.

Они везли с собой на новую родину не только навыки выживания один на один со степной природой, но также и средства такого выживания, важнейшим из которых были твердые сорта пшеницы, в частности «Краснотурка» (Turkey Red). Мун пишет, что стремился максимально подробно исследовать такие аспекты проникновения в США российского опыта ведения сельского хозяйства в степной полосе, как научные достижения в области почвоведения, генетики растений, агротехники. И понятно, что в этом случае внимание историка сосредоточивается на деятельности соответствующих ученых и чиновников, от которых зависит финансирование исследований и внедрение их результатов. На периферии этого внимания остаются моменты, связанные с тем, в каком конкретно виде все это могло доходить непосредственно до фермеров, как воплощалось в их практической деятельности. Однако тот факт, что в засушливое время начала 1890-х годов жадный интерес соседей-фермеров возбуждало успешное преодоление невзгод прибывшими из-за океана общинами меннонитов, отслеживается по документальным источникам вполне отчетливо. И это служило хорошим катализатором вполне серьезного отношения к русскому опыту освоения прерий.

Таким образом, становится понятно, почему в качестве нижнего порога заявленной в монографии Муна хронологии исследования принимаются 70-е годы позапрошлого века: в это время в Америку в заметных количествах прибывают русские немцы, которые начинают деловито и методично применять свой богатый опыт степного хозяйствования на новой родине — в прериях. Важной частью этого опыта наряду с твердыми засухоустойчивыми сортами пшеницы была практика высадки защитных лесополос. Это ведь тоже целая наука: какие растения в каком порядке и в какой конфигурации высаживать для достижения оптимальных результатов в борьбе с эрозией вспаханной почвы, с суховеями и т.п. А за плечами переселенцев почти столетняя практика, которая, как известно, в науке выступает критерием истины. Конечно, для любой науки характерен еще и спор. И в данном случае можно и нужно спорить, насколько методы ведения сельского хозяйства в условиях засушливых прерий американскими скваттерами и другими

поселенцами вырабатывались самостоятельным опытом, насколько как-то и где-то заимствовались. К примеру, столь авторитетный специалист в аграрной науке, как А. Н. Челинцев, в опубликованном в 1909 году «Обзоре русской литературы по сельскому хозяйству» утверждал, что русские и американцы вырабатывали свой опыт ведения земледелия в полузасушливых степных регионах вполне самостоятельно (р. 19). Однако в исследовании Муна во множестве приводятся факты и соображения в пользу заинтересованного знакомства американских специалистов с российским опытом — и до 1909 года, и, конечно же, после.

«В начале двадцатого века, — пишет он, — русские специалисты, знакомые с сельским хозяйством американских равнин, например, Николай Тулайков, отмечали сходство в техниках, используемых земледельцами в обоих регионах. Они выделяли глубокую вспашку, регулярную обработку почвы и очистку парового поля от растительности» (р. 18). При этом историк делает ссылку на текст Н. М. Тулайкова в 12-м томе «Полной энциклопедии русского сельского хозяйства и соприкасающихся с ним наук», опубликованном в Петербурге в 1912 году. Это к вопросу о том, где можно было почерпнуть подобную информацию читающим людям с обеих сторон. А в ежегоднике Министерства сельского хозяйства США за 1900 год описывались полевые практики меннонитов, которые применялись ими в российских степях еще в 1830-е годы и с успехом были перенесены на американские прерии, помогая выживать в засушливое время начала 1890-х годов (р. 19). Помимо меннонитов были и другие немцы, переселявшиеся сюда из России, чтобы продолжать заниматься привычным делом в суровых условиях Великих равнин. Их история также внимательно изучается сегодня⁵.

Приводится в этом смысловом ряду и еще один весьма любопытный факт. В 1909 году в работе Конгресса по засушливому земледелию, проходившего в г. Шайенн, штат Вайоминг, принял участие И. Б. Розен, который по должности своей являлся российским земским агентом в США. В своем «Отчете старшего агента Екатеринославского земства в Соед. Штатах с 1-го октября 1908 г. по 1 марта 1909 г.» он сообщал, с каким интересом участники Конгресса выслушали его информацию о том, что в Российской империи уже в течение двух десятилетий в опытных хозяйствах проводится разработка методов ведения сельского хозяйства в засушливых регионах. Отчет этот был опубликован в № 7 «Известий земской сельскохозяйственной агентуры в Соединенных Штатах» (Екатеринослав, 1909) (Ibid.).

5. Автор ссылается на: *Otto J. S.* (1984). From the Russian Steppes to the North Dakota Prairies: The Agricultural Practices of a Russian-German Family // *Journal of the American Historical Society of Germans from Russia*. Vol. 7. № 1. P. 137–144.

Мун пишет о том, что в 1920–1930-е годы в отделе Министерства сельского хозяйства США, который занимался исследованием почв с целью составления практических рекомендаций фермерам, имела место настоящая «Русская революция». Ее возглавлял начальник этого отдела К. Марбут, бессменно руководивший данной службой с 1913 года и до конца своих дней, до 1935 года. Революционные силы, как водится, сталкивались со значительным сопротивлением, включая и самого министра, однако Марбут был хорошо знаком с теми принципиальными достижениями в области методологии изучения и классификации почв, что были связаны с именами В. В. Докучаева и его учеников, и был убежден, что его дело правое. Еще за полвека до этих идеологических столкновений в коридорах американской власти русские ученые занимались полевыми работами по анализу плодородного чернозема в степном регионе своей страны: «Русские анализировали поперечные срезы почв, стремясь понять, как они на протяжении длительного времени формировались на материнской породе под воздействием таких факторов, как виды растительности, климат, рельеф местности. Российская теория почвообразования позволяла классифицировать почвы, относя их к определенным типам, причем такая классификация имела всеобъемлющее применение. Марбут узнал о новом почвоведении из книги, написанной на немецком языке Константином Глинкой, одним из учеников Докучаева. Сверяя работы российских почвоведов с реалиями Великих равнин, Марбут пришел к выводу, что почвы на Великих равнинах были в основном такими же, как и степные, и что российская наука могла и должна была применяться к исследованию почв Соединенных Штатов» (р. 14–15).

И вот тут мы ненароком подошли к вопросу о верхней границе той хронологии, что заявлена в теме рецензируемой монографии. Почему 1930-е годы? Необходимо отметить, что именно в эти годы развитие почвоведения учениками и последователями В. В. Докучаева все более втягивается в область идейно-политической борьбы. Если у Марбута не вызывает сомнений необходимость отталкиваться от достижений русских почвоведов при выработке научно-практических рекомендаций своим американским фермерам-степнякам, то в СССР этот момент постепенно оказывается под большим вопросом. Дело в том, что советское политическое руководство ожидало получить от своих ученых-аграрников какие-то радикальные рецепты, применение которых помогло бы решительно преодолеть экономическую и технологическую отсталость главного сектора экономики страны. Претензии на то, чтобы «догнать и перегнать» Америку, что якобы становилось возможным вследствие революционного прорыва страны к более прогрессивному в сравнении с капитализмом «способу производства», были неотъемлемой частью политической пропаганды.

1930-е годы это еще и вставшая во весь рост перед американскими политиками и экспертами проблема «пыльных котлов»⁶, когда глубоко вспаханная почва прерий в засушливое время выдувалась степными ветрами в таких количествах, что в 1930–1936 годы это приобрело характер национального бедствия. В непосредственной связи с этим потрясающим природным явлением на страницах книги Муна появляется еще один важный герой — Рафаэль Зон. Уроженец Симбирска, т. е. выходец из лесостепной полосы России, он преследовался царской охранкой за свои народнические убеждения и вынужден был скрываться в Европе, а затем перебрался в США. Получил университетское образование в области лесоводства, чему и посвятил свою необычайно плодотворную профессиональную деятельность.

В 1930 году Р. Зон, поздравляя К. Марбута с присуждением весьма почетной награды Американского географического общества — медали Каллума, в частности писал ему: «Вы, безусловно, сделали для американского почвоведения то, что Докучаев и Глинка сделали для российского почвоведения». Комментируя этот факт, Мун подчеркивает, что сам Зон «сыграл подобную же роль в том, чтобы передать Соединенным Штатам достижения российской науки о лесном хозяйстве» (р. 276). В июле 1934 года Ф. Рузвельт своим указом ассигновал гигантскую сумму из фонда борьбы с чрезвычайными ситуациями на цели насаждения защитных лесополос в прериях. «Нью-Йорк таймс» по горячим следам события реагировала так: «Президент Рузвельт дал сегодня сигнал к началу в регионе Великих равнин крупнейшего проекта по облесению, который осуществлялся бы за пределами Советской России, — эксперимента по контролю климата в целях борьбы с разрушительными последствиями засухи».

Неделю спустя та же газета опубликовала обстоятельную статью, в которой говорилось, что эта страшная стихия «напоминает наблюдателям “черные бури”, временами опустошающие Украину и черноземный пояс России, когда тучи пыли затмевают небо». Статья была подписана Главным лесничим США, но подготовил ее директор одной из государственных опытных станций лесоводства Зон. Далее в статье со знанием дела утверждалось, что семидесятилетний российский опыт степных лесонасаждений показывает возможность ощутимо воздействовать на показатели атмосферной влажности и количества осадков, что российские лесопосадки наряду с существующими в Канзасе и Небраске

6. Сам термин «*Dust Bowl*» для обозначения именно этой катастрофической американской серии пыльных бурь первоначально появился в публицистике США и предположительно связан с образом Великих равнин как живописных природных чаш, окруженных невысокими горами. Затем в этом качестве словосочетание стало использоваться и в исследовательской литературе.

ветрозащитными полосами имеют своим следствием заметное улучшение условий для эффективного земледелия (р. 277–278). Можно спорить о той роли, которую сыграла и продолжает играть высадка лесов в Великих равнинах в числе других научно-практических стратегий в борьбе с «пыльными котлами». Но роль Зона в том, чтобы максимально привлечь к этому делу опыт и достижения своей исторической родины, представляется автору «Американских степей» выдающейся.

Возвращаясь к деятельности неутомимого Марбута, отметим, что в 1927 году в Вашингтоне состоялся первый Международный конгресс почвоведов, на котором советскую делегацию чествовали как земляков, учеников и последователей В. В. Докучаева. В 1930 году будет работать второй Конгресс в Ленинграде и Москве, и в дальнейшем эти форумы ученых сделаются в мире регулярными, а к 1930 году советско-американские отношения обострятся настолько, что почвоведом США придется ехать в СССР по собственной инициативе и за свой счет. Но в 1927 году делегация нашей страны в Вашингтоне была представительной, а по окончании работы Конгресса для его участников хозяевами были организованы весьма познавательные поездки и экскурсии с посещением сельскохозяйственных предприятий, заводов и фабрик агропромышленного комплекса США. Наверное, одним из самых заинтересованных экскурсантов был Н. М. Тулайков, к деятельности и научному наследию которого Мун довольно часто обращается в своей монографии. Это была далеко не первая американская поездка выдающегося российского аграрника, ему было с чем сравнивать свои новые впечатления. Уже в 1920-е годы во время заокеанских командировок острый взгляд эксперта улавливает все то, что он искренне и не без основания считает двигателем прогресса и что посредством публикации популярных брошюр старается сделать достоянием советской читающей общественности: «Организация распространения сельскохозяйственных знаний среди населения Соединенных Штатов» (М., 1923), «Как работает американская Петровка» (М., 1924)⁷.

На этот раз воображение Тулайкова было поражено тем, насколько динамичными оказались изменения в работе отрасли со времени его предыдущей поездки в США в 1922 году. Он собственными глазами увидел, что профессор-экономист О. Е. Бекер в докладе на Конгрессе несколько не преувеличивал, утверждая, «что за последние пять лет, или, вернее, со времени предыдущего

7. Это о его впечатлениях от посещения двух десятков университетов и сельскохозяйственных колледжей в США, которые Тулайков почетно и обозначил как «Петровка», сравнил с Российской сельхозакадемией. См.: *Никулин А. М.* (2014). Аграрники, власть и село: от прошлого к настоящему. М. С. 102–105.

ценза (с.-х. перепись) в 1920 году до переписи в 1925 году, в сельском хозяйстве Соединенных Штатов произошло больше перемен, чем за два предыдущих десятилетия, хотя на них падает экспансия сельского хозяйства в связи с войной». Глубокое впечатление произвел на него и тот факт, что процент фермеров «в общем числе всех занятых в производстве лиц» сократился с 83,1 в 1920 году до 24,5 в 1926 году. И при этом уровень потребления населением продовольствия лишь возростал.

Налицо был переход количественных показателей механизации и автоматизации производственных процессов в новое качество функционирования производства. Тулайков подобрал обобщающее слово: «конвейер». Этот конвейер «с методичностью машины превращает присматривающего за ней рабочего тоже в машину, который с такой же методичностью должен произвести принадлежащую ему часть работы, чаще всего механически, не думая». Тулайков подробно и очень выразительно рассказывает читателю про ту фатальную неизбежность, с которой металлические заготовки, попавшие в этот конвейер, превращаются в умные машины, а быки и свиньи — в качественно разделанную и упакованную мясную продукцию. «Так и кажется, — пишет он, — что если молодой скакавший на привольных полях Монтаны шортгорн попал на скотопригонный двор компании Свифта, то неумолимым, как судьба, конвейером он превратится в тушу, вырезку, филе.

И если по пути конвейера бесформенная болванка чугуна превращается в чуть ли не одухотворенную машину-трактор или автомобиль, то на том же пути и с той же неизбежностью живая свинья превратится в ветчину, сосиски, раз только она попадает на этот конвейер.

Но может быть, не место на страницах этого журнала философствовать о конвейере в нашей жизни вообще»⁸. Не могу здесь удержаться от реплики: размышляя о том, каким способом люди производят продовольствие, с какими мыслями, чувствами, убеждениями, ты вольно или невольно попадаешь в то поле интеллектуальной деятельности, которое испокон веков застолбили за собой философы. Вспомнился анекдот позднесоветской поры: «— Вы что же, полагаете, что мы отстаем от США в сельском хозяйстве? — Полагаю. — Интересно. И на сколько же? — Навсегда».

Это была последняя командировка Н. М. Тулайкова в США, в связи с которой ученый свои впечатления и размышления, как обычно, постарался довести до читателя через популярную брошюру. «На это сочинение Тулайкова, — подчеркивает А. М. Никулин, — обратил внимание сам Сталин, на Пленуме ЦК ВКП(б) (июль

8. *Тулайков Н. М.* (1927). Несколько впечатлений о поездке в Соединенные Штаты и Канаду. Саратов. С. 7, 10, 20, 23.

1928 г.) цитировавший из тулайковской книжки целые куски, правда, не про конвейер, но про уникальные особенности громадных размеров американской зерновой фабрики в полемике с критиками форсированного развития крупных советских хозяйств в ущерб семейным крестьянским хозяйствам»⁹. Надо полагать, это сыграло свою роль в том, как мышление советского политического руководства продвигалось в направлении решительного перехода к политике коллективизации. Так что, наряду с поисками «русского следа» в аграрном освоении американских прерий, впору получше присмотреться, не «наследили» ли американцы своими продвинутыми агропромышленными технологиями в истории превращения России крестьянской в развитой индустриальный Советский Союз.

А Тулайкову в 1930-е годы предстояла острая научная полемика со сторонниками академика В. Р. Вильямса, которых возглавил тогда Т. Д. Лысенко. Этим последним, равно как и самому «народному академику», как-то более ловко удавалось убедить представителей коммунистического руководства страны в том, что предлагаемые ими методы выведения устойчивых к морозу и засухе сортов пшеницы и способы обработки почв — более рациональный и, главное, быстрый путь к сокращению разрыва с США, нежели то, о чем твердят в этих спорах «буржуазные спецы». Мун в Заключении своей книги пишет об этом так: «Стремление модернизировать советское сельское хозяйство и промышленность сопровождалось попытками заменить “буржуазных специалистов” учеными, подготовленными при Советской власти, которые были бы более надежными политически. Хорошо известна трагическая судьба Н. И. Вавилова. Ведущий советский ученый, признанный во всем мире авторитет в области своей научной специализации, он упорно трудился над выведением более продуктивных и выносливых сортов сельскохозяйственных культур, то есть ради продовольственной безопасности своей страны, не раз пережившей голод. И на него ополчились молодые, однако менее талантливые. Трофим Лысенко, выходец из украинской крестьянской семьи, утверждал, что мог бы сделать то же самое, но куда быстрее (особо не утруждаясь научным обоснованием). Ужасающий парадокс состоит в том, что Вавилов умер от недоедания в тюрьме в Саратове, в степной области в 1943 году» (р. 396). Здесь же он с прискорбием упоминает, что после ареста в августе 1937 года Тулайков на следующий год погиб в тюрьме при невыясненных обстоятельствах.

Время имеет свойство все расставлять по своим местам, какому бы отчаянному идейно-политическому искажению ни подвергалось то или иное историческое событие по горячим следам. Прошли времена, когда генетику полшутя-полусерьезно клеймили

9. Никулин А. М. Указ. соч. С. 105.

«продажной девкой империализма»¹⁰, и имя Н. И. Вавилова заняло свое достойное место не только в истории мировой науки о растениях, но и отечественной тоже. А читая такие книги, как «Американские степи», так и хочется почвоведение обозначить прилагательным «докучаевско-тулайковское» — по аналогии с какими-нибудь «вейсманистами-морганистами» или даже с «марксистско-ленинской» общественной наукой. Только усугубляется такое желание при воспоминании о том, сколько дров было наломано во время хрущевской целинной эпопеи в результате недостаточно продуманного подхода к технологиям обработки степных черноземов.

Мы притронулись в этом контексте к довольно мрачным страницам родной истории 1930-х годов лишь для того, чтобы уточнить для себя, почему Д. Мун обозначил для своего исследования такие хронологические рамки: 1870–1930-е годы. Между тем сам исследователь в Заключении предлагает мысленно расширить эти рамки, максимально глубоко вглядываясь в предысторию вопроса (оседлые государства и степь) и внимательно посмотрев, как выглядит проблема сегодня. Становится понятно, что масштабная распашка степных черноземов с целью обеспечения продуктами питания растущего несельскохозяйственного, буржуазного, городского населения с использованием современных научных достижений, технологий, транспортной и рыночной инфраструктуры представляет собою одну из величайших трансформаций в глобальной экологической истории. В такой постановке вопроса куда-то в сторону отодвигается привычная для историков проблематика общественного прогресса, способа производства, общественно-экономических формаций, политических или идеологических режимов. И тогда оказывается, что нет ничего «неожиданного» в том, что в сельском хозяйстве прерий в «продвинутых» США обнаруживается наследство «отсталой» России. Просто Россия, где оседлое население с развитой государственностью и культурой непосредственно соседствовало со степью кочевников, почти столетием раньше стала делать приблизительно (очень приблизительно) то же, что стало происходить и в рамках аграрного освоения Великих равнин.

«Этот процесс, — пишет Мун, — начался на западе евразийских степей, на территории современных юга России и Украины, в восемнадцатом веке. В девятнадцатом и двадцатом веках великой

10. Хлесткое выражение ошибочно приписывалось Т. Д. Лысенко, что сыграло свою роль в ретроспективной вульгаризации той научной полемики, которую вели сторонники почвоведческих идей В. Р. Вильямса и его оппоненты. На самом деле фраза была подхвачена («ушла в народ») из постановки Ленинградского театра миниатюр под руководством А. Райкина по пьесе писателя-сатирика А. А. Хазина «Волшебники живут рядом» (1964 г.).

вспашке подверглись также и обширные территории прерий, Великих равнин Северной Америки, пампасов Южной Америки, вельдов Южной Африки и земель в Австралийско-Азиатском регионе, Северной Индии, Северной Африке, на равнинах Венгрии и Румынии, а также на востоке евразийских степей — в Южной Сибири и Северном Казахстане. Мировые луга и саванны были завоеваны и колонизированы государствами с оседлым аграрным населением регионов с более влажным климатом, иногда непосредственно примыкающих к степной местности, как в Российской империи, или являющихся частью заморских империй Европы» (р. 407).

Можно, конечно, было бы поразмышлять здесь и о том, насколько подобными друг другу были эти процессы колонизации, осуществлявшиеся отсталыми россиянами и передовыми европейцами. Но это все же несколько другая история¹¹. Поэтому еще раз подчеркну, насколько важной и своевременной я считаю монографию Д. Муна о неожиданном русском следе в американских степях, к содержанию которой и хотел бы привлечь внимание коллег этой рецензией.

Gradually: “steppe by steppe...”

Review of the book: Moon D. The American Steppes: The Unexpected Russian Roots of Great Plains Agriculture, 1870s — 1930s. Cambridge: Cambridge University Press, 2020, XL+ 431 p.

Vladimir V. Babashkin, DSc (History), Professor, Department of Political-Legal Disciplines and Social Communications, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 115571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 82. E-mail: vbabashkin@ranepa.ru

11. Лично мне в этом плане близка та постановка вопроса, которую Ф. Л. Синицын обосновывает в монографии «Советское государство и кочевники. История, политика, население. 1917–1991». См.: *Бабашкин В. В.* (2021). Об оседлости и «обоседлении» // Крестьяноведение. Т. 6. № 3. С. 172–179.

(25.08.1936 — 08.03.2022)

Памяти Тамары Евгеньевны Кузнецовой

А. М. Никулин

Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, руководитель Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, директор Чаыановского исследовательского центра МВШСЭН. 119571, Москва, просп. Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-2-185-191

Тамара Евгеньевна Кузнецова, замечательный экономист-аграрник и не только аграрник, была прежде всего веселым, светлым и честным человеком. С этих личностных нравственных черт мне бы и хотелось начать воспоминания о моем научном руководителе, а затем старшей коллеге, с которой меня связали десятилетия интересной и разнообразной исследовательской деятельности.

Начав свою академическую карьеру младшим научным сотрудником в Институте экономики Академии наук СССР в 1960 году, Тамара Евгеньевна Кузнецова плодотворно проработала в нем всю свою жизнь и ушла на пенсию в звании главного научного сотрудника Института экономики РАН. Исследования Т. Е. Кузнецовой опубликованы более чем в 250 научных работах, включая несколько индивидуальных монографий.

Я познакомился с Тамарой Евгеньевной в годы перестройки, когда по окончании экономического факультета МГУ попал на работу младшим научным сотрудником в сектор экономики сельского хозяйства Института экономики АН СССР, которым она тогда руководила.

В те годы я впервые приобщился к полевым сельским исследованиям, вместе с Тамарой Евгеньевной и коллегами по нашему сектору побывал в различных сельских районах от областей Черноземья, Центральной России, Поволжья до республик Кавказа. Сектор экономики сельского хозяйства входил в Отдел проблем политической экономии Льва Васильевича Никифорова. И Кузнецова, и Никифоров в годы перестройки выступали с чрезвычайно плодотворными идеями реформирования в области развития кооперации и многоукладной экономики общества смешанного типа. Они принимали непосредственное участие в разработке ряда экономических законопроектов конца 1980-х годов, курировавшихся тогдашним заместителем председателя правительства СССР Леонидом Ивановичем Абалкиным, одновременно являвшимся директором Института экономики.

Мне запомнилось, как в конце 1992 года на праздновании успешной защиты докторской диссертации Тамары Евгеньевны, посвященной такой актуальной теме, как «Становление и перспективы негосударственного сектора в экономике России», Леонид Иванович в своем многозначительном тосте предался воспоминаниям о том, как год назад — в декабре 1991 года он застал Михаила Сергеевича Горбачева, покидавшего свой кабинет в Кремле, в рассеянности перебиравшим различные бумаги и документы своей неудавшейся реформаторской деятельности. «И какой же документ держал в своих руках в тот момент Горбачев, заявляя, как с этого документа все, казалось, хорошо и многообещающе начиналось, и недоумевая, почему все дальше пошло как-то не так?!» — вопрошал заинтригованных слушателей Абалкин и, выдержав паузу, объявлял, что это был Закон о «Кооперации в СССР», в разработку которого, подчеркнул далее Абалкин, Тамара Евгеньевна внесла свой личный большой вклад.

Действительно, тема кооперации была одной из важнейших в научной деятельности Т. Е. Кузнецовой. В ней она была одним из лучших отечественных специалистов, до конца своей жизни призывая оценить кооперативный потенциал экономики России, фактически никогда не реализованный, постоянно подрываемый чередой то застойных, то шоковых бюрократических решений и инноваций. Пожалуй, для того, чтобы идеи кооперативной и смешанной экономики Кузнецовой и Никифорова действительно реализовались, необходимы были могучие властные ресурсы, но так как с реально властями предрежащими Никифоров и Кузнецова никогда особо общаться не стремились, уступая эти возможности другим, более прагматично и карьерно ориентированным коллегам, то их реформаторские кооперативные и многоукладные предложе-

ния конца 1980-х — начала 1990-х годов оказались не востребова-
ными суетливыми и жадными до власти «прорабами перестройки».

В этой связи упомяну еще один «историко-околовластный» анекдот, рассказанный уже самой Тамарой Евгеньевной. В начале 1990-х годов проходило какое-то совещание в правительстве, на котором среди приглашенных экономистов оказалась и Кузнецова. По окончании совещания вышедшие из зала его участники вдруг увидели, как по коридору на них надвигается массивная фигура Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина. Большой Ельцин поравнялся с миниатюрной Кузнецовой, широко ей улыбнулся и участливо стал расспрашивать: «Как Вы поживаете? Как Ваши дела? Никто Вас не обижает? В случае чего, сообщите об этом мне...». Изумленная Кузнецова, в первый (и в последний) раз увидевшая перед собой Ельцина, с улыбкой ответствовала Борису Николаевичу, что у нее все хорошо и ее никто не обижает. Ельцин продолжил свой торжественный путь дальше. После его исчезновения коллеги, стоявшие рядом с Кузнецовой, а среди них находились и Явлинский, и Ясин, набросились на Тамару Евгеньевну с ревнивыми расспросами: в каких таких особо дружеских отношениях находится она с Ельциным? Тамара Евгеньевна, рассмеявшись, честно ответила, что сама крайне изумлена этой встречей, с Ельциным никогда она не была знакома. Окружавшие отступили с разочарованным недоверием. Пересказывая мне эту историю, Тамара Евгеньевна резюмировала ее так: «Ельцин ведь политик, а у политиков принято лицедействовать — демонстрировать спонтанную симпатию к людям. А может, он обознался, спутал меня с кем-то. Но, Саша, я, правда, с ним не знакома».

Несравненно больше и чаще, чем с политиками, за более чем полувековую свою научную деятельность в Институте экономики Т. Е. Кузнецова общалась с самыми разными представителями экономических предприятий и организаций советского и постсоветского народного хозяйства от руководителей колхозов, совхозов, кооперативов, районных и областных администраций до рядовых работников российской экономики.

Будучи экономистом, а не социологом, Кузнецова тем не менее могла мастерски в беседе разговорить информанта, тут же в свой блокнот записать ключевые сведения из такой беседы, фактически создавая и применяя методологию глубинного интервью, что, например, высоко оценил и особо отметил наш ведущий методолог-полевик Дмитрий Рогозин, когда он, я и Кузнецова оказались в командировке в Адыгее в 2007 году, изучая эффект внедрения ФЭ № 131 «О местном самоуправлении» на трансформацию местных муниципалитетов. На наши с Дмитрием расспросы о том, как ей удается органично вести беседы с окружающими нас в исследовательском поле людьми, Тамара Евгеньевна, как правило, отвечала, что еще со времени ее первых командировок 1960-х годов у нее были замечательные учителя и коллеги, такие как В. Г. Венжер, Т. И. Заславская, Л. В. Никифоров. И тут же она могла рассказать забав-

А. М. Никулин
Памяти
Тамары
Евгеньевны
Кузнецовой

ные поучительные истории из тех далеких времен. Приведу здесь лишь пару из них.

В начале 1960-х годов Т. И. Заславская и Т. Е. Кузнецова отправились в Краснодарский край изучать процесс перехода от натуроплаты трудодней на денежные формы оплаты труда колхозников. Они побывали в разных кубанских колхозах, исследуя специфику учета и оплаты труда. Особое внимание вызвала у них трогательная история статистики трудодней одного помощника колхозного конюха. В книге учета на протяжении почти месяца фиксировалась одна и та же трудовая операция этого человека: «Отводил и приводил больного жеребенка в ветлечебницу и из ветлечебницы». За такие трудовые усилия помощник конюха получал оценку в полтрудодня за каждый день своих путешествий с больным жеребенком. Финальная статистическая запись этой трудовой эпопеи заканчивалась печально: «Возвращался из ветлечебницы со шкурой жеребенка. Оценка труда помощника конюха — половина трудодня». Эта трагикомическая притча о похождениях с больным жеребенком за полтрудодня сама по себе яркая и глубокая характеристика статистики труда и доходов колхозного строя.

Другая забавная история из сельских полевых исследований, которую любила рассказывать Тамара Евгеньевна, была посвящена взаимодействию академических ученых с органами местной власти в Республике Азербайджан. Кузнецова вместе со своим старшим коллегой и учителем Венжером была неожиданно приглашена на празднование Дня работника милиции в одном из райцентров республики. Тамара Евгеньевна вспоминала, как под солнечным небом в тени деревьев был накрыт длинный стол, за которым собрались серьезные и торжественные азербайджанские милиционеры, а Венжер и она находились среди них в качестве почетных гостей. Милиционеры поднимали бокалы, и в каждый свой тост они непременно и торжественно вставляли знаменитый советский поэтично-песенный слоган «моя милиция меня бережет». Произносилось все это с колоритным кавказским акцентом весьма приблизительно и произвольно, например, вот так: «Выпьем же за то, что моя милиция меня охраняет!» Смешливая Кузнецова после каждого подобного тоста еле удерживалась от хохота. Наконец она прошептала Венжеру на ухо: «Владимир Григорьевич, я больше так не могу, я сейчас смеюсь!» В ответ иронически серьезный Венжер отсоветовал ей: «Лучше плачь!» Чем вызвал у Кузнецовой новые муки подавляемого хохота.

Обращаясь к обозрению собственно научно-исследовательских тем Т. Е. Кузнецовой, стоит отметить, что в советский период главным направлением ее изысканий являлись вопросы изучения кооперации, а также развития производственной сферы села в связи с проблематикой интеграции города и деревни.

Период перестройки способствовал дальнейшему расширению научной проблематики исследований Т. Е. Кузнецовой, связанных

с разработкой направлений многоукладной и смешанной экономики в реформируемой России. В это время Кузнецова принимает активное участие не только в академической, но и в общественной и публицистической деятельности, выступая в поддержку развития личных подсобных хозяйств граждан СССР, активно сотрудничает с различными общественными организациями, связанными с возрождением кооперативного движения и становлением местного самоуправления, например, в Союзе малых городов России.

В кризисные 1990-е годы Т. Е. Кузнецова много занималась изучением проблем реальной экономики и выживания российских граждан. Результатами стали публикации о проблемах неформальной экономики России, в частности связанных с социально-экономической деятельностью челноков и диаспорных укладов.

В последние два десятилетия своей научной деятельности Т. Е. Кузнецова вместе со своим коллегой Л. В. Никифоровым уделяла огромное внимание изучению таких стратегически важных тем социально-экономического российского развития, как исследование проблематики использования пространственного потенциала России, в особенности на низовом, локальном, муниципальном уровнях, связанной, в частности, и с вопросами поддержки и развития местных промыслов. Эти исследования сопровождались изучением исторических и политических идей социально-экономической эволюции России в трудах отечественных ученых и политических деятелей XX века, как в СССР, так и в русском зарубежье. Результатом чего явилась, например, организация в издательстве «Наука» публикации серии книг «Русское зарубежье: социально-экономическая мысль», в которых Кузнецова являлась часто фактически главным научным редактором. А драме социально-экономических идей в биографическом контексте таких крупных советских научных и общественных деятелей, как Л. И. Абалкин и Д. Т. Шепилов, она даже посвятила две свои собственные научные монографии.

Вновь обращаясь к зарубежной проблематике, следует отметить огромную многолетнюю работу, которую проделали Т. Е. Кузнецова и ее коллеги для развития плодотворных научных связей с учеными Польши и Китая: это ежегодные семинары и конференции совместных научных комиссий российско-польских и российско-китайских экономистов с регулярной публикацией их отчетных работ в академических изданиях этих трех стран.

Наконец, вспомним особо трепетное отношение Т. Е. Кузнецовой к сохранению и развитию интеллектуального наследия ее дорогих учителей и коллег Я. И. Кронрода, В. Г. Венжера, Т. И. Заславской, Л. В. Никифорова. Усилиями Тамары Евгеньевны и ее единомышленников из Института экономики РАН были подготовлены как отдельные публикации, так и сборники статей, в которых всесторонне отражены значение и глубина научного творчества этих замечательных ученых.

Чем бы ни занималась Тамара Евгеньевна Кузнецова, она чрезвычайно добросовестно и честно относилась как к своим обязанностям, так и к окружающим ее людям. Критерий совестливости, порядочности был основополагающим в ее жизни. Я с огромным удивлением и уважением относился к ее способности разбираться в людях, проявлявшейся в глубоко точных нравственных оценках тех, с кем ей приходилось иметь дело. На мои вопросы, как ей удается так безошибочно чувствовать «хороших» и «не очень хороших» людей, Тамара Евгеньевна с улыбкой отвечала, что все эти способности были усвоены ею в пору военного детства, в годы пребывания ее вместе с мамой в партизанских отрядах Белоруссии. Об этом уникальном драматическом опыте своей жизни Т. Е. Кузнецова опубликовала чудесную книгу воспоминаний «Печали и радости моего военного детства».

Жизнь и научные труды Тамары Евгеньевны Кузнецовой навсегда останутся глубоко интеллектуальным и нравственным ориентиром в памяти ее коллег и в истории отечественной науки.

Кузнецова Т. Е. Избранная библиография

Кузнецова Т. Е. Производственная сфера современного села. М.: Наука, 1986.

Кузнецова Т. Е. Кооперативные отношения в социалистическом хозяйстве // Вопросы экономики. 1987. № 4.

Никифоров Л., Кузнецова Т. Концептуальные основы разгосударствления и приватизации // Вопросы экономики. 1991. № 2.

Кузнецова Т. Е. Становление и перспективы негосударственного сектора в экономике России. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. М., 1992.

Кузнецова Т. Е. Малые города России: экономические и социальные характеристики // Проблемы прогнозирования. 1994. № 6.

Кузнецова Т. Е. Неформальный сектор экономики: структура, масштабы, противоречивость функций и результатов. М.: ИЭ РАН, 2000.

Кузнецова Т. Е. Экономист российской школы. К 70-летию акад. Л. И. Абалкина. М.: Наука, 2000.

Кузнецова Т. Е. Общественно-научная мысль о природном потенциале России. М.: Наука, 2003.

Кузнецова Т. Е. «...И примкнувший к ним...» — не примкнувший. (К столетию со дня рождения Дмитрия Трофимовича Шепилова). Москва, 2005.

Никифоров Л. В., Кузнецова Т. Е., Никулин А. М., Rogozin Д. М., Соболев А. В. Возвращение научного наследия: социально-экономическая мысль русского зарубежья. М.: ИЭ РАН, 2009.

Никифоров Л. В., Кузнецова Т. Е. Состояние и развитие российского села в условиях вызовов глобализации // Научные труды Вольного экономического общества России. 2009. Т. 106. С. 227–234.

Кузнецова Т. Е. Российское пространство и проблемы его организации // Вопросы государственного и муниципального управления. 2010. № 1. С. 98–113.

Никифоров Л. В., Кузнецова Т. Е. Интегрированная система «город-село» как фактор эффективного использования городского и сельского потенциала // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. 2011. № 6. С. 111–134.

Китай, Польша, Россия: Стратегические приоритеты развития: общие и особенные. М.: ИЭ РАН. 2012. Сер. Экономическая политика.

Кузнецова Т. Е. О некоторых аспектах диаспорного уклада в мире и России // Россия и современный мир. 2012. № 3 (76). С. 137–150.

Кузнецова Т. Е. Письма Татьяны Ивановны Заславской (1963–1973 гг.) // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 3. С. 223–243.

Кузнецова Т. Е. Печали и радости моего военного детства. М.: Институт экономики РАН, 2015.

Владимир Григорьевич Венжер: мыслитель, исследователь, учитель / Под ред. Т. Е. Кузнецовой, Л. В. Никифорова. М.: ИЭ РАН, 2015.

Кузнецова Т. Е., Никулин А. М. Экономист-исследователь советской и постсоветской российской действительности. (К 80-летию Льва Васильевича Никифорова). М.: ИЭ РАН, 2015.

Кузнецова Т. Е., Никифоров Л. В. Современные проблемы промыслового хозяйства и промысловой кооперации // Научные труды Вольного экономического общества России. 2016. Т. 197. № 1. С. 304–311.

Кузнецова Т. Е. О научной этике в советской и современной российской экономической литературе (памяти большого ученого — Я. А. Кронрода) // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2016. № 4. С. 185–192.

In memoriam of T. E. Kuznetsova

Alexander M. Nikulin, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Head of the Chayanov Research Center, Moscow School of Social and Economic Sciences. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 82. E-mail: harmina@yandex.ru

Крестьяноведение

2022. Том 7. №2

Учредитель: Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

119571, Москва, пр-т Вернадского, 84, корп. 9, оф. 2003
Редакция журнала «Крестьяноведение»
<http://peasantstudies.ru>
E-mail: harmina@yandex.ru

Подписано в печать 30.06.2022. Формат 70×100/16.
Усл. печ. л. 14,7. Заказ
Тираж 150 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии РАНХиГС

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Коммерческий центр
тел. (495) 433-25-10, 433-25-02
delo@ranepa.ru
www.ranepa.ru